

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 2 (18) 2017

Главный редактор:

Буряков С.К., канд. полит. наук

Зам. главного редактора:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Попов Е.А., д-р филос. наук, доцент
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Федулов Б.А., д-р пед. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Анохина С.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р.С., канд. юрид. наук
Ермаков С.В., канд. юрид. наук
Ермакова О.В., канд. юрид. наук
Кругликова О.В., канд. юрид. наук
Москвитин Ю.Н., канд. ист. наук
Репьев А.Г., канд. юрид. наук
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Суверов Е.В., д-р ист. наук, профессор
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Яценко С.В., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://www.vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 22.05.2017.
Выход в свет 24.05.2017.
Заказ № 250. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 18,8. Тираж 111 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2017

Altai Law Journal

Science Journal of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 2 (18) 2017

Editor-in-Chief:

Buryakov S.K., PhD. (Candidate of Political Sciences)

Deputy Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Anisimov P.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kim D.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Koryakin I.P., PhD. (Doctor of Juridical Sciences)
Mazunin Ya.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Popov Ye.A., PhD. (Doctor of Philosophical Sciences),
assistant-professor
Sumachev A.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences),
assistant-professor
Fedulov B.A., PhD. (Doctor of Pedagogical Sciences),
professor
Sharapov R.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Editorial Review Board:

Anokhina S.Yu., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Bublik I.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Galiev R.S., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakov S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Kruglikova O.V., Ph.D. (Candidate of Juridical Sciences)
Moskvitin Yu.N., PhD. (Candidate of Historical Sciences)
Repev A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Semenyuk R.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Suverov E.V., PhD. (Doctor of Historical Sciences),
professor
Chesnokov A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences),
assistant-professor
Yatsenko S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.
Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Ph.D.
(Doctor and Candidate of sciences)

Journal indexing:

RINTS contract

No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,

Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovstr., 49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 22.05.2017.
Issue date 24.05.2017.
Order 250. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 18,8.
Issue 111 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2017

Содержание

История государства и права

<i>Васильев А.А.</i> Концепция русского государства в мировоззрении Ивана IV Грозного.....	7
<i>Суверов В.А.</i> Пресечение правоохранительными органами хулиганских действий на территории Алтайского края в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)	11
<i>Шатилов С.П., Шатилова О.А., Ермаков Е.Г.</i> Деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, связанными с продовольственными и промышленными карточками, в годы Великой Отечественной войны	15

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Бучакова М.А., Дизер О.А.</i> Категория нравственности как объект правового регулирования: теоретические вопросы	19
<i>Верхогляд Я.Е.</i> Актуальные проблемы построения государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму	23
<i>Головинов А.В., Головинова Ю.В.</i> Идеологическое многообразие и демократический правопорядок: конституционно-правовой аспект	28
<i>Обухов В.М., Троицкий С.В.</i> Доступ к правосудию в призме практики Европейского суда по правам человека	33
<i>Селиванов А.С.</i> Проверка правоприменительных актов как самостоятельный вид юридической технологии	39
<i>Шаганян А.М.</i> К вопросу о гарантиях социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел.....	43

Административное право и административный процесс

<i>Анохин Ю.В., Анохина С.Ю.</i> Правовая защищенность сотрудников полиции как гарантия успешной реализации их полномочий	48
<i>Кашкина Е.В., Ретьев А.Г.</i> Общеправовое понимание и отраслевое регламентирование ответственности за нанесение побоев.....	53
<i>Меженина О.В.</i> Содержание служебного контракта на государственной гражданской службе: некоторые проблемы правового регулирования и правоприменения	58
<i>Равнюшкин А.В.</i> О проблемах организации деятельности органов внутренних дел по предупреждению совершения общественно опасных действий лицами, страдающими психическими расстройствами и представляющими опасность для окружающих	63
<i>Равнюшкин А.В., Карнаухов О.П.</i> Неповиновение законному требованию сотрудника полиции (теоретические и практические аспекты).....	66
<i>Шмелькова С.В.</i> О необходимости исследования вопроса о формировании руководящих кадров территориальных органов в системе МВД России	71

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Ботвин И.В.</i> К вопросу о предмете преступлений против собственности	76
<i>Галахов С.С.</i> Роль криминологического прогнозирования в решении задач оперативно-разыскной деятельности	83
<i>Данилюк М.И.</i> Ответственность за ложный донос по законодательству зарубежных стран	88
<i>Кученев А.В.</i> Ответственность сотрудника ФСИН России за коррупционные нарушения: конвергентный анализ	92
<i>Савушкин С.М.</i> Основания дифференциации осужденных к лишению свободы: перспективы развития.....	98

**Уголовный процесс, криминалистика,
судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность**

<i>Боровских Р.Н.</i> К вопросу о методологических основаниях разработки укрупненной (общей, родовой) методики расследования преступлений в сфере страхования (продолжение)	103
<i>Ермаков С.В.</i> Оперативно-разыскная характеристика взяточничества в сфере здравоохранения (понятия и элементы)	109
<i>Колосович М.С.</i> Проблемы гласности рассмотрения в судебном заседании ходатайства о наложении ареста на имущество	113
<i>Корякин А.Л.</i> Институт частного и частно-публичного обвинения в редакции Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ	118
<i>Омелин В.Н.</i> Проблемы совершенствования законодательного регулирования оперативно-разыскной деятельности	124

Гражданско-правовые отношения

<i>Бублик И.Г.</i> Вопросы создания и функционирования народных дружин и общественных объединений правоохранительной направленности	129
<i>Портянова П.Д.</i> Нарушение принципов гражданско-правовой ответственности как причина возникновения законодательной дискретности	133
<i>Пятков Д.В.</i> Предпринимательская и иная экономическая деятельность публично-правовых образований	137
<i>Рыбалка Е.А.</i> Применение гражданско-правовой ответственности при наличии или отсутствии вины	142

CONTENTS

HISTORY OF STATE AND LAW

<i>Vasiliev A.A.</i> The Concept of the Russian State in the Worldview of Ivan the Terrible	7
<i>Suverov V.A.</i> Suppression of Hooliganism by the Law Enforcement Agencies in the Altai Territory During the Great Patriotic War (1941-1945).....	11
<i>Shatilov S.P., Shatilova O.A., Ermakov E.G.</i> The Activities of Law Enforcement Agencies on Fighting Crimes Related to Food and Manufactured Cards during the Great Patriotic War.....	15

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Buchakova M.A., Dizer O.A.</i> Morality Category as an Object of Legal Regulation: Theoretical Issues	19
<i>Verhoglyadov Ya.E.</i> Topical Problems of Construction of the State Monitoring System in the Field of Countering Extremism	23
<i>Golovinov A.V., Golovinova Y.V.</i> Ideological Diversity and Democratic Law and Order: Constitutional and Legal Aspects	28
<i>Obukhov V.M., Troitski S.V.</i> Access to Justice in the Light of the European Court of Human Rights	33
<i>Selivanov A.S.</i> Verification of the Law-Enforcement Acts as an Independent Type of the Juridical Technology.....	39
<i>Shaganyan A.M.</i> About the Guarantees of Social and Legal Protection of Law Enforcement Officers	43

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Anokhin Yu.V., Anokhina S.Yu.</i> Legal Protection of Police Officers as a Guarantee of Successful Implementation of their Powers.....	48
<i>Kashkina E.V., Repev A.G.</i> General Legal Understanding and Sectoral Regulation of Responsibility for Bodily Blows	53
<i>Mezhenina O.V.</i> Contents of a Service Contract in the Civil Service: some Problems of Legal Regulation and Enforcement.....	58
<i>Ravnushkin A.V.</i> About the Organization Problems of Activity of Internal Affairs Bodies for the Prevention of Committing of Socially Dangerous Actions by Persons Suffering from Mental Disorder and Pose a Danger to Others.....	63
<i>Ravnushkin A.V., Karnaukhov O.P.</i> Disobedience the Legal Requirement of a Police Officer (Theoretical and Practical Aspects)	66
<i>Shmelkova S.V.</i> About the Need to Study the Issue of the Formation Managerial Personnel of the Territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia	71

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Botvin I.V.</i> Revisiting the Subject of Crimes against Property	76
<i>Galakhov S.S.</i> The Role of Criminological Prediction in Solving Problems of Operational-Investigative Activity	83
<i>Danilyuk M.I.</i> Liability for False Denunciation According to the Legislation of Foreign Countries	88
<i>Kuchenev A.V.</i> Responsibility of the Employee of the FPS of Russia for Corruption: an Analysis of Convergence.....	92
<i>Savushkin S.M.</i> Differentiation Grounds of Sentenced to Imprisonment: Development Prospects.....	98

**CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY,
INVESTIGATIVE ACTIVITY**

<i>Borovskikh R.N.</i> Notion of Methodological Bases Development of Consolidate (Common, General) Methods of Insurance Crimes Investigation (Continue).....	103
<i>Ermakov S.V.</i> Operational-Investigative Characteristics of Health Care Bribery (Concepts and Elements) ...	109
<i>Kolosovich M.S.</i> Problems of Transparency in the Consideration of the Court Hearing an Application for Seizure of Property.....	113
<i>Koryakin A.L.</i> Institute of Private and Private-Public Prosecution as Amended by the Federal Law of July 3, 2016 № 323-FZ.....	118
<i>Omelin V.N.</i> Problems of Improvement of Legislative Regulation of Operatively-Investigative Activity	124

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Bublik I.G.</i> Issues of Establishment and Operation of People's Guards and Nongovernmental Organizations of Law Enforcement Orientation	129
<i>Portyanova P.D.</i> Violation of the Principles of Civil Liability as a Cause of Legislative Discreteness	133
<i>Pyatkov D.V.</i> Business and Other Economic Activity of Public and Legal Formations.....	137
<i>Ribalka E.A.</i> Application of Civil Liability with or without Fault	142

История государства и права

УДК 342.36:94(47+51)

*А.А. Васильев, доктор юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет*

КОНЦЕПЦИЯ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В МИРОВОЗЗРЕНИИ ИВАНА IV ГРОЗНОГО

В статье представлен анализ государственно-правовых взглядов Ивана IV Грозного. Раскрывается идеал самодержавной монархии, взаимоотношения церкви и государства, концепция православной империи русского царя. Государственный идеал первого русского царя рассматривается в контексте эпохи, жизни и реформ Ивана Грозного. Делается вывод о его вкладе в создание и сохранение русской цивилизации и государственности. Предпринимается попытка преодолеть односторонний, исторически необоснованный отрицательный подход к жизни, взглядам и реформам Ивана Грозного.

Ключевые слова: консерватизм, традиция, самодержавие, симфония, православие.

*A.A. Vasiliev, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai State University*

THE CONCEPT OF THE RUSSIAN STATE IN THE WORLDVIEW OF IVAN THE TERRIBLE

The article presents the analysis of state-legal views of Ivan the Terrible. It reveals the ideal of absolute monarchy, the relationship of church and state, the concept of Orthodox Church of the Russian Tsar. The state ideal of the first Russian Tsar is considered in the context of the era, the life and the reforms of Ivan the Terrible. There is a conclusion about its contribution to the creation and preservation of Russian civilization and statehood. The author attempts to overcome one-sided, historically unjustified negative approach to life, attitudes and reforms of Ivan the Terrible.

Key words: conservatism, tradition, autocracy, symphony, Orthodoxy.

Иван Васильевич (1530-1584) – первый государь Московского государства, который венчался на царство в 1547 г. и после одобрения Константинопольского патриарха получил титул царя. Первая половина жизни Ивана IV была связана с расширением границ Московского государства – присоединением Казанского, Астраханского царств и Сибири. В годы правления Ивана IV окончательно оформилось государственное единство Московского государства, были пресечены притязания удельных князей и бо-

ярства. Вторая же половина царствования Ивана Васильевича, выразившаяся во введении опричнины и борьбе с крамолой бояр, дворянства и духовенства, резко осуждается в исторической литературе как тиранический, кровавый режим обеспечения личной власти царя. Все-таки хотелось бы отметить, что опричнина была вызвана не одними личными качествами Ивана Грозного, но и смертью его жены Анастасии (возможно в силу заговора, как полагал сам царь), борьбой бояр и удельных князей за

власть, воспитанием царя в условиях розни между царедворцами и пренебрежения к маленькому наследнику престола (Иван стал царем в 4 года после смерти отца и матери). В немалой степени режим опричнины и суровые карательные меры диктовались попытками боярства и удельных князей сохранить старые удельные порядки – самовластие высших слоев общества в своих владениях, что вело к разрушению государственной целостности.

Следует отметить, что количество жертв режима Ивана Грозного значительно уступает жертвам режимов европейских королей. За 20 лет режима Ивана Грозного погибло меньше человек, чем погибло во Франции за одну Варфоломеевскую ночь (4 тысячи человек в Московском государстве против 60 тысяч человек во Франции). Но правление Ивана Грозного потому стало осуждаться, что прежде в России таких кровавых событий не было. Считается, что и свое прозвище «Грозный» Иван получил за жестокий и крутой нрав. Однако нужно помнить о том, что в русской традиции слово «гроза» означало мощь, силу государя по отношению к внешнему врагу. Иван же Грозный прославился своими победами в Казанском и Астраханском царствах, за что и мог заслужить свое прозвище. Наконец, нужно подчеркнуть, что Иван IV пользовался непререкаемым авторитетом в широких слоях русского общества. Не раз, уезжая в монастырь, Иван Грозный потом возвращался после уговоров московских людей, полагавших, что без царя русская земля ввергнется в хаос и беспорядки [1, с. 45].

Стоит подчеркнуть, что с Иваном Грозным связаны те государственно-правовые порядки, которые впоследствии идеализировались русскими консерваторами – отмена кормления, введение широких прав местного самоуправления, установление суда целовальников (присяжных), нравственное и религиозное обоснование права [2, с. 259].

В меньшей степени Иван Грозный известен как неординарный писатель и мыслитель. После Ивана Грозного осталось множество посланий к различным людям, в т.ч. шведскому королю, английской королеве, протестантским богословам. Особое место среди сочинений Ивана Грозного занимает переписка с князем Андреем Курбским, который, опасаясь опалы, бежал в Литовское государство, где нанялся на службу к литовскому королю. В полемике с князем Иван Грозный сформулировал свою концепцию православного самодержавия, которое является богоустановленным нравственным служением перед Богом за поданных и неограниченным самовластием бояр и духовенства. Помимо богословских и политических трудов, Иван Грозный писал тексты гимнографического содержания – молитвы, напри-

мер Канон Ангела Грозного. В своих произведениях Иван Васильевич показывает себя как незаурядную личность – знатока священного писания, богословских работ, истории России и зарубежных стран, великолепного и эмоционального спорщика.

Как личность Иван Грозный до сих пор вызывает немало споров среди современников. Существует даже гипотеза, что под именем Ивана Пересветова, который предложил целую систему реформ, реализованных Иваном Грозным, скрывался сам царь [3, с. 80].

Вследствие того, что Иван Грозный за свою власть боролся с удельными князьями и боярскими людьми, значительное место среди его работ занимают вопросы династической преемственности власти и апологии самодержавия. Упреки Андрея Курбского в отказе от политики Избранной Рады – управления царя совместно с боярами и духовенством – Иван Грозный парирует ссылками на опасность ограничения царской власти. В своих посланиях Иван Грозный пытается оправдать отход от предшествующей политики соработничества с боярами, дворянами и духовными людьми (Алексеем Адашевым и Сильвестром). Раду он уличает в заговорах и изменах, прежде всего попытке посадить на царский трон его родственника – удельного князя Владимира. Против этих идей ограничения власти и нарушения принципа династического перехода власти и восстает царь.

Иван Грозный в переписке с Андреем Курбским и шведским королем Юханом отмечает, что статус царя определяется его происхождением. Сам Иван Грозный считает, что его царственный род происходит от самого Октавиана Августа и его позднего родственника Поруса. Порус же дал новую ветвь Рюриковичей, из которых происходили Владимир Святой, Владимир Мономах, Александр Невский, Дмитрий Донской и его прадед, дед и отец. Тем самым Иван Грозный доказывал свой высокий царственный титул – особое место среди царственных особ Европы. На его взгляд, он как русский царь стоял выше шведского короля. В этих рассуждениях проявляется концепция Филофея «Москва – Третий Рим», обосновывавшая то, что Московское государство – единственное оставшееся государство, где хранится истинная вера.

Во втором послании Юхану III Иван Грозный пишет: «Ты пишешь свое имя впереди нашего – это неприлично, ибо наш брат – цесарь Римский и другие великие государи, а тебе невозможно называться им братом, ибо Шведская земля честию ниже этих государств... Ты говоришь, что Шведская земля – вотчина твоего отца; так ты бы нас известил, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, был ли дед твой на престоле и с какими государями он

был в братстве и в дружбе...» [4, с. 120]. По мнению Ивана IV, родовитость и переход власти по династическому принципу дают царю авторитет и стабильность власти. Переход власти по наследству, а не в силу захвата, войны – надежная гарантия прочной и устойчивой власти.

В большинстве своих посланий Иван Грозный доказывает превосходство самодержавия по отношению к остальным формам правления. Прежде всего самодержавие – это богом избранная власть, что подтверждает текст Священного Писания. В послании к Стефану Баторию, польскому королю, он отмечает богоустановленность царской власти и самовольность выборных глав государства. Так, в послании царь указывает: «Божьей милостью мы, смиренный Иван Васильевич, удостоились быть носителем крестоносной хоругви и креста Христов, Российского царства и иных многих государств и царств скипетродержателем, царь и великий князь всея Руси, по Божьему повolenию, а не по многомятежному желанию человечества» [4, с. 186].

Власть в республике, избранная народом, подчинена страстям людей, а не божьей воле. Такая власть неспособна выполнить свое духовное предназначение – борьбу со злом и защиту добра. Республики, ограниченные парламентом монархии, на взгляд Ивана IV, суть символы беспорядка, анархии, борьбы классов и сословий за государственную власть. Резко негативно отзываясь Московский царь об ограниченной монархии в Англии, избрании королей в Польше. Иван Грозный уподобляет демократическую власть власти женщины, власти безумцев. В первом послании Ивана Грозного Андрею Курбскому царь пишет: «Власть многих подобна женскому неразумию. Если не будет единовластия, то даже если и будут люди крепки и храбры, и разумны, но все равно уподобятся неразумным женщинам, если не подчинятся единой власти. Ибо так же, как женщина не способна остановиться на одном желании – то решит одно, то другое, так и при отправлении многих – один захочет одного, другой другого. Вот почему желания и замыслы разных людей подобны женскому неразумию» [5, с. 134]. Иными словами, исключительно единовластие может обеспечить целостность общества, нейтральность государственных велений. Самодержавие – средство компромисса, примирения враждующих социальных интересов. Без самодержавия социальные конфликты привели бы к гражданской войне и анархии. Недопустимо осуществление власти духовенством или боярством, т.к. такой строй неминуемо повлечет уничтожение государства. В послании Курбскому царь замечает: «Неужели ты видишь благочестивую красоту там, где царство находится в руках попа-не-

вежды и злодеев-изменников, а царь им повинуетя? А это, по-твоему, "сопротивно разуму и прокаженная совесть", когда невежда вынужден молчать, злодеи отражены и царствует богом поставленный царь? Нигде ты не найдешь, чтобы не разорилось царство, руководимое попами. Тебе чего захотелось – того, что случилось с греками, погубившими царство и предавшимися туркам?» [5, с. 130].

В послании к английской королеве Иван Грозный недоумевает по поводу того, что королева не является полновластной в своем государстве и власть принадлежит торговцам, землевладельцам, промышленникам, представленным в английском парламенте. В обращении к королеве Елизавете Иван IV высказывает свой критический взгляд на английский государственный строй: «Мы думали, что ты в своем государстве государыня и сама владеешь и заботишься о своей государевой чести и выгодах для государства... Но, видно, у тебя, помимо тебя, другие люди владеют, и не только люди, а мужики торговые, и не заботятся о наших государских головах и о чести и о выгодах для страны, а ищут своей прибыли. Ты же пребываешь в своем девическом звании, как всякая простая девица» [4, с. 104].

Резко осуждает Иван Грозный ограничение царской власти духовенством и советом избранных людей. По мысли царя такое устройство власти приведет к распаду власти. В послании князю Курбскому Иван Васильевич пишет: «Какое управление бывает при многоначалии и многовластии, ибо там цари были послушны епархам и вельможкам, и как погибли эти страны... И в том ли благочестие, чтобы не управлять царством, и злодеев не держать в узде, и отдаться на разграбление иноплеменникам» [5, с. 134].

Своеобразием отличается трактовка Иваном IV божественности царской власти. Московский царь не возводит власть в абсолют, полагая, что она – низшая ступень в духовной жизни общества. Царство было вынужденно создано Богом для израильского народа, который не смог жить под прямым правлением Господа. Власть стала одновременно бременем, тяготой, но и средством сохранения человеческой нравственности. В послании к князю Полубенскому Иван Грозный подчеркивает дуализм власти – подчиненность власти нравственным абсолютам, ее греховность и обременительность. Описывая становление человеческой власти в рамках библейской традиции, Иван IV отмечает, что для Иисуса Христа царство земное было делом греховным и низшим в иерархии человеческих ценностей: «И сперва он отверг царство, ибо говорит Господь в Евангелии, что высокое для людей – мерзость для Бога, а затем и благословил его, ибо божественным своим рождением просла-

вил Августат-кесаря, соизволив родиться в его царствование...» [4, с. 174].

В политической теории Ивана Грозного провоздвигается мысль о том, что царь не есть божество, а человек, облеченный высокой духовно-нравственной ответственностью за судьбы, веру вверенного ему народа. Но святость самой власти не превращает в святого царя. В первом послании Курбскому царь пишет: «Бессмертным себя я не считаю, ибо смерть – общий удел всех людей за Адамов грех; хоть я и ношу порфиру, но, однако, знаю, что по природе я все-таки подвержен немощам, как и все люди, а не так, как вы еретически мудрствуете и велите мне стать выше законов естества» [5, с. 148].

Существование власти по воле Бога возлагает на царство обязанности по духовному воспитанию общества – борьбе со злом, ограждению веры и сохранению ее в неприкосновенности. Вместе с тем Иван Грозный отрицает возможность смешения государственной и церковной властей. По мысли царя, функции царя и духовенства должны быть строго разделены. Духовенство радеет о спасении души и предаётся отшельничеству – спасению собственной души, а царство направлено на поддержание порядка и нравственности в обществе, среде других верующих. Принцип непротивления злу силой Иван Грозный ограничивает пределами деятельности духовенства. Государство же должно активно противостоять злу, бороться с внешним врагом, преступником или изменником. В послании князю Курбскому Иван IV указывает: «Но одно дело – спасти свою душу, а другое дело – заботиться о телах и душах многих людей; одно дело – отшельничество, иное – монашество, иное – священническая власть, иное – царское правление. Отшельничество подобно агнцу беззлобному или птице, которая не сеет, не жнет и не собирает житницы; монахи же хотя и отреклись от мира, но имеют уже заботы, подчиняются уставам и заповедям... царской же власти позволено же действовать страхом и запрещением и обузданием, и строжайше обуздать безумие злейших и коварных людей. Так пойми же разницу между отшельничеством, монашеством, священничеством

и царской властью. И разве достойно царя, если его бьют по щеке, подставлять другую?» [5, с. 134].

По существу Иван Грозный считал допустимым заботы царя о духовной жизни поданных, проникновении в состояние нравственности отдельных людей, что было делом церкви. В то же время царь тем самым замечал, что за души своих подданных он в ответе перед самим Богом. В этом, по его мысли, и состоит различие с властью священства, спасающей только духовенство. В том же послании Московский государь пишет: «Верю, что мне, как рабу, предстоит суд не только за грехи свои, вольные или невольные, но и за грехи моих подданных, совершенные из-за моей неосмотрительности» [5, с. 149]. Возложение на царя духовных задач выразилось в том, что Иван Грозный активно влиял на жизнь русской церкви и монастырей. Так, он обличает грехи и нарушения монастырского порядка в Кириллово-Белозерском монастыре.

Интерес представляет учение Ивана Грозного о сохранении единства в государстве и пресечении поползновений на самодержавную власть. На взгляд царя, все государства в истории погибали от того, что в них классы и сословия боролись за власть, пытались стать хозяевами в отдельных княжествах, уделах. Причем Иван Грозный ссылается на библейскую историю, в которой борьба за власть приводила к гибели государств. Но более подробно Иван Васильевич останавливается на истории Византии, в которой борьба за императорскую власть, рознь царства и священства в конце концов кончились завоеванием империи турками. По мнению Ивана Грозного, только истинное православное самодержавие может стать преградой для борьбы за власть и, соответственно, гибели государства. Поэтому царь должен заботиться о прекращении междоусобных войн и распрей, чтобы сохранить целостность государства и предотвратить его порабощение другими народами. Иван Грозный замечает: «Господь Иисус Христос сказал: "Если царство разделится, то оно не сможет устоять", кто же может вести войну против врагов, если его царство раздирается междоусобными распрями» [5, с. 140].

Литература

1. Васильев А.А. Государственное учение Ивана Грозного. М., 2014.
2. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. СПб.: Изд-во Юридического института, 1999.
3. Золотухина Н.М. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юрид. лит., 1985.
4. Иван IV Грозный. Сочинения. СПб.: Азбука-классика, 2008.
5. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М.: Наука, 1993.

УДК 351.74:343.343.3(571.150)

В.А. Суверов

аспирант Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета имени В.М. Шукшина

E-mail: vsuverov@bk.ru

ПРЕСЕЧЕНИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫМИ ОРГАНАМИ ХУЛИГАНСКИХ ДЕЙСТВИЙ НА ТЕРРИТОРИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941-1945 ГГ.)

Сильное влияние на распространение правонарушений на территории края оказала тяжелая социально-экономическая ситуация в регионе. Особая опасность хулиганских действий проявлялась во время выполнения производственных заданий. Благодаря слаженным действиям правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны на Алтае удалось держать под контролем уровень хулиганских проявлений.

Ключевые слова: правоохранительные органы, преступление, хулиганство.

V.A. Suverov

postgraduate student of the Shukshin Altai State Humanities Pedagogical University

E-mail: vsuverov@bk.ru

SUPPRESSION OF HOOLIGANISM BY THE LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE ALTAI TERRITORY DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941-1945)

Strong influence on the distribution of crime inside the territory of the region had a falling socio-economic situation in the region. Special danger of hooliganism was manifested during the execution of production orders. The level of manifestation of hooliganism in the Altai during the Great Patriotic War failed to control thanks to the coordinated actions of law enforcement agencies.

Key words: law enforcement, crime, hooliganism.

Великая Отечественная война 1941-1945 гг. являлась временем острых социальных потрясений. Поражения советских войск в начале боевых действий привели к тяжелейшим утратам, с июня по декабрь 1941 г. Красная армия потеряла убитыми, погибшими от ран, попавшими в плен и пропавшими без вести 3183 тыс. человек [10, с. 205].

В стране началась массовая мобилизация личного состава правоохранительных органов в действующую армию. Резкое уменьшение личного состава отразилось на обеспечении правопорядка и укреплении законности. Военная обстановка требовала неотложного принятия мер по комплектованию ка-

дрового состава правоохранительных органов [15, с. 79].

Серьезно осложнила криминогенную ситуацию в регионе массовая эвакуация трудовых ресурсов из западных районов страны. Одним из видов преступлений, отражающим пограничное психологическое состояние сообщества, стало хулиганство.

Анализ динамики данного вида преступления в Алтайском крае показал ее сильную зависимость от мобилизации и эвакуации, социальной политики в отношении инвалидов войны и несовершеннолетних, неудач на фронте, ужесточения трудового законодательства, употребления спиртных напитков.

К 1941 г. обеспечение населения края продуктами и промышленными товарами стало ухудшаться. Обычным явлением стали очереди в магазинах. Отсутствие положенного отдыха и достаточного уровня жизни негативно влияло на психологическое положение людей, провоцируя на хулиганские выходы.

В годы войны возросла численность правонарушений, совершенных несовершеннолетними лицами. Чрезмерно тяжелые условия труда для подростков приводили к частым побегам. Некоторые дети занимались попрошайничеством и воровством [13, с. 19]. Если в 1941 г. несовершеннолетними было совершено 5% от всех зарегистрированных преступлений, то в 1944 г. этот показатель возрос до 11% [8, л. 42].

Хулиганские действия часто сопровождалась поножовщиной. Так, к примеру, в январе 1943 г. на Барнаульскую станцию «Скорой помощи» был доставлен семнадцатилетний рабочий завода им. Володарского с ножевыми ранениями лица. Пострадавший заявил, что на северном выгоне (окраина города) на него напали неизвестные граждане и нанесли ему ранение [14, л. 87].

Особую опасность представляли хулиганские действия на производстве. Так, 27 января 1945 г. в цехе завода № 3 им. Володарского установщик Ф.А. Акинфов избил контролёршу А.И. Белинскую. Контролёрша вовремя увидела выпуск брака и остановила работу станка. Вместо того чтобы сделать станок, Акинфов оттолкнул Белинскую, а когда та опять попробовала предотвратить выпуск бракованной продукции, два раза ударил её [11].

Благодаря оперативным действиям правоохранителей в первые годы Великой Отечественной войны резкого роста численности хулиганства на территории Алтайского края не произошло. Приказом Прокурора СССР от 28 января 1942 г. были значительно сокращены сроки по производству расследования уголовных дел [9, с. 178].

Сотрудники НКВД проводили облавы в местах массового скопления людей; проверяли другие места вероятного нахождения нарушителей паспортного режима; обнаруживали лиц, не имеющих неизменного места жительства, занятий, и ставили их на учет; проверяли лиц, кому было отказано в прописке или у кого истек срок прописки; верховодили при приеме людей на работу, учебу, при прописке [16, с. 24].

Документы свидетельствуют, что возникшие в летние месяцы 1941 г. среднемесячные характеристики зарегистрированных хулиганств оставались практически стабильными. Так, в июле 1941 г. по городу Бийску было записано 14 хулиганств, а в августе – 17 [2, л. 52].

В сентябре 1941 г. отмечалось постепенное снижение численности зарегистрированных хулиганств, в краевые медицинские вытрезвители доставлялось меньше людей. В городе Барнауле в июле 1941 г. было доставлено в вытрезвители 312 человек, в сентябре – 141, в октябре – 82 [2, л. 76]. Эта статистика ещё раз указывает на взаимозависимость потребления алкоголя с совершаемыми хулиганскими действиями. В ноябре-декабре 1941 г. потребление алкогольных напитков существенно снижается, что было соединено с недостатком спиртных напитков и повышением цен на них.

Указом Президиума Верховного Совета СССР были введены непрременные сверхурочные работы, отменены отпуска [3, л. 38]. В августе 1941 г. рабочая смена на некоторых предприятиях Алтайского края равнялась 11 часам [4, л. 232]. Физическое утомление удерживало молодых людей от хулиганских действий. Злоупотребление алкоголем могло привести к опозданию на работу, что согласно Указу от 26 июля 1940 г. угрожало лишением свободы. За два последних месяца 1941 г. в вытрезвители, к примеру, города Рубцовска доставили только 17 человек, что было значительно меньше довоенных показателей. Кроме того, не было зарегистрировано ни одного факта разведения нетрезвого человека, до этого в городе встречавшихся часто. За этот же период в городе Рубцовске было зарегистрировано всего 4 случая хулиганства [4, л. 32].

В июле-августе 1941 г. на Алтае происходила мобилизация в вооруженные силы. Заметно снизилась численность молодых мужчин – главных субъектов, совершавших подобного вида правонарушения. Мужского населения стало значительно меньше в общественных местах в связи с массовой организацией военного обучения.

Во время проведения мобилизации местного населения в армию не обходилось без хулиганских выходов. Это было связано со стрессовым перенапряжением новобранцев и их близких, усугубленным алкоголем.

Летом 1942 г. в крае начала разворачиваться вторая волна эвакуации. Почти все эвакуированные были устроены на работу, где, выполняя сложные производственные задания, сильно уставали, совершать хулиганские выходы просто не было сил. Лев Захарьин, прибывший в Алтайский край, писал, что на работу устраивались для того, чтобы жить. Из-за плохой работы транспорта до работы приходилось добираться от одного до четырех часов. Учитывая 11-часовой рабочий день, время отдыха значительно уменьшалось.

В.П. Новичков, в 1941-1942 гг. рабочий барнаульского оборонного завода № 3, так описывает в

собственном дневнике то время: «...Некоторых ребят из нашего цеха брали на фронт. Люди посуровели. Но безмятежные и возмущенные они прибывают в цех, не говоря ни слова, работают у станков... Работаем по 12 часов без выходных дней... Зима грозная, а одежка плохонькая» [5, л. 121].

Всего за 1942 г. в Алтайском крае было совершено 22 одиночных и 4 групповых хулиганства, при том что в 1941 г. таковых насчитывалось 127 и 9 соответственно [6, л. 245]. Многие хулиганские действия совершались по месту жительства преступников, что значительно облегчало установление их личностей и задержание сотрудниками правоохранительных органов. 4 февраля 1942 г. в 20 часов участковым уполномоченным 1 городского отделения милиции города Змеиногорска был доставлен рабочий завода им. Володарского. Будучи в нетрезвом облике, в общежитии завода он выражался нецензурными словами, нанёс некоторое количество ударов рабочим, проживавшим в этом же общежитии. За совершённые деяния хулиган был привлечён к уголовной ответственности.

Снижение уровня хулиганств в Алтайском крае длилось вплоть до начала 1943 г. В 1943 г. количество осужденных по ч. 1, 2 ст. 74 УК РСФСР 1926 г. стало расти. На такую динамику оказала воздействие демобилизация с фронта. Вернувшиеся на Родину выжившие солдаты не получали квалифицированную медицинскую и психологическую помощь в связи с суровыми условиями военного времени.

Возникавшие трудности да и элементарно тяжелое психологическое положение бывших фронтовиков содействовали увеличению случаев хулиганств. К 1943 г. в комитет ВКП(б) в массовом порядке начинают поступать жалобы не только от фронтовиков, но и инвалидов Отечественной войны. Не все демобилизованные фронтовики сумели приспособиться к мирным условиям. Бывших военнослужащих долго не трудоустривали или предоставляли работу не по специальности. Бывших фронтовиков охотно использовали в качестве счетоводов и высококвалифицированных рабочих. Многие инвалиды Отечественной войны становились сапожниками.

Увеличиваются хулиганские действия в сельской местности. Заметное повышение численности осужденных за хулиганство в Алтайском крае пришлось на II квартал 1943 г. Из 40 осужденных хулиганов 29 были из села. В 1943 и 1944 гг. наблюдается постепенное снижение числа осужденных за хулиганские действия – 91 и 60 человек соответственно

[6, л. 71], что требовало повышенного наблюдения со стороны местной милиции.

Второе серьезное увеличение осужденных за хулиганские действия произошло в Алтайском крае к концу ВОВ. 22 человека совершили хулиганства в городках и посёлках городского типа (ПГТ), а 18 – в сельской местности [7, л. 147]. В I-II кварталах 1945 г. фиксировался острый рост уровня хулиганств в регионе. За это время осуждению подверглись 77 человек.

Увеличение хулиганств в первой половине 1945 г. объясняется тем, что на Алтае скопилось много демобилизованных лиц, психика которых в большинстве случаев была искалена во время ведения боевых действий. В большинстве случаев инвалидам войны выдавались мизерные пенсионные выплаты – от 70 до 500 рублей.

Немаловажную роль в пресечении хулиганских проявлений сыграла алтайская прокуратура, осуществляющая надзорные функции за законными действиями милиции. Пытаясь улучшить ситуацию в конце войны, все чаще стали проводиться плановые проверки подразделений алтайской прокуратуры. Тщательно изучались факты неправомερных деяний отдельных прокурорских работников. В итоге предпринятых мер удалось существенно избавить прокурорский коллектив от случайных людей [14, с. 240].

Таким образом, причины хулиганств на территории региона были многофакторными. Уровень хулиганских проявлений был циклическим и зависел от многих факторов. В большинстве случаев это были обстоятельства, вызванные условиями военного времени, вносившими дискомфорт в психологическое состояние людей. Борьбу правоохранительных органов с хулиганствами в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны можно считать успешной в деле совершенствования методики, т.к. за исследуемый период был снижен процент брака, допущенный при расследовании преступлений. В суровых условиях военного времени у государства отсутствовала возможность оказания демобилизованным психологической реабилитации, что в итоге сказалось на повышении уровня хулиганств в регионе на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Несмотря на многочисленные кадровые проблемы в правоохранительном блоке, удалось сдерживать рост хулиганских проявлений на Алтае, изолируя при этом из общества наиболее опасный контингент.

Литература

1. ГААК (Государственный архив Алтайского края). Ф. 8. Оп. 3. Д. 279. Л. 142.
2. ГААК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 617.

3. ГААК. Ф. Р-634. Оп. 8. Д. 42. Л. 38.
4. ГААК. Ф. Р-634. Оп. 8. Д. 52.
5. ГААК. Ф. Р-634. Оп. 8. Д. 60. Л. 121.
6. ГААК. Ф. Р-2595. Оп. 2. Д. 3582.
7. ГААК. Ф. Р-3027. Оп. 1. Д. 1. Л. 147.
8. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 12а. Л. 42.
9. История государства и права России: учебное пособие для иностранных слушателей / под общ. ред. А.В. Старцева, Е.В. Суверова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016.
10. Отечественная история: учебное пособие для абитуриентов / Е.В. Григоров, А.А. Казаков, Е.В. Суверов, Р.Д. Галиева, К.В. Лен, И.В. Алешков; отв. ред. Л.А. Вишнякова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. 205 с.
11. Советская прокуратура. М.: Юридическая литература, 1982.
12. Суверов В.А. Усиление прокурорского надзора в Алтайском крае в начале Великой Отечественной войны // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. № 13. Ч. 2. С. 238.
13. Суверов Е.В., Тарасова Л.Я. Алтайская милиция в борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью (1941-1945 гг.). Барнаул: БЮИ МВД России, 2014.
14. Суверов Е.В. Укрепление кадрового потенциала прокуратуры Алтайского края в 1945 г. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. № 13. Ч. 2. С. 240.
15. Суверов С.Е. Комплектование правоохранительных органов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2015. № 29. С. 79.
16. Шатилов С.П., Шатилова О.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с дезертирством и уклонением от службы в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны // Алтайский юридический вестник. 2016. № 15. С. 24.

УДК 351.74:343.7

С.П. Шатилов, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shatilov_sp@mail.ru;

О.А. Шатилова, канд. ист. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shatilova_oa@mail.ru;

Е.Г. Ермаков, канд. юрид. наук

Московский университет имени В.Я. Кикотя

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ, СВЯЗАННЫМИ С ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫМИ И ПРОМЫШЛЕННЫМИ КАРТОЧКАМИ, В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе архивных материалов дается историко-правовой анализ деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступлениями, связанными с продовольственными и промышленными карточками, в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: продовольственные и промышленные карточки, милиция, НКВД, правоохранительные органы, виды преступлений.

S.P. Shatilov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shatilov_sp@mail.ru;

O.A. Shatilova, PhD. (Candidate of Historical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shatilova_oa@mail.ru;

E.G. Ermakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot

THE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES ON FIGHTING CRIMES RELATED TO FOOD AND MANUFACTURED CARDS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article gives the historical and legal analysis of law enforcement agencies activities on fighting crimes related to food and manufactured cards during the Great Patriotic war on the basis of archival materials.

Key words: food and manufactured cards, militia, NKVD, law enforcement agencies, the types of crimes.

Вторжение Германии произошло в экономически важные регионы Союза Советских Социалистических Республик, где в мирное время была сосредоточена значительная часть промышленной и сельскохозяйственной продукции страны, что привело к существенным экономическим потерям на начальном этапе войны. В первые месяцы Великой

Отечественной войны существенно сократился объем промышленного производства, особенно это коснулось оборонных отраслей, объем валовой продукции промышленности СССР уменьшился в 2,1 раза [1, с. 806]. В связи с утратой важных сельскохозяйственных регионов страны возникла напряженная ситуация со снабжением Красной армии и Военно-

Морского Флота, а также гражданского населения товарами первой необходимости.

Районам, находившимся в оккупации, до войны принадлежало 47% всех посевных площадей и 38% площадей зерновых культур. На оккупированных территориях вырабатывалось 52% всего зерна, 86% сахарной свеклы, 72% подсолнечника, 70% картофеля.

Все указанные нами выше территории считались развитыми животноводческими районами. Именно на них было сконцентрировано 45% всего поголовья скота. Из 54,5 млн голов крупного рогатого скота, водившегося в СССР накануне войны, в исследуемых районах имелось 31 млн голов, более 12 млн лошадей [7, с. 21].

Экономический ущерб в таком масштабе оказал негативное влияние на состояние жизненного уровня населения не только в регионах, охваченных военными действиями, но и всего Советского государства в целом. В военные годы возникший дефицит продовольственных и промышленных товаров ставил перед страной решение одной из важнейших задач – сохранить стабильность розничных цен на товары первой необходимости, не допустить обесценивания денег, предоставить возможность гражданам покупать на свою зарплату необходимые товары по фиксированным ценам. Решение этих задач было возможно только при одном условии – введении карточной системы в стране [14, с. 72].

18 июля 1941 г. СНК СССР принял постановление о введении карточек на некоторые продовольственные и промышленные товары. Этим же нормативным правовым актом устанавливалось, что за спекуляцию продовольственными и промышленными карточками следует привлекать к уголовной ответственности. Введение строгой карточной системы стало способствовать тому, что вновь и вновь появлялись новые виды преступлений, связанные с ними, а именно: хищение карточек в типографиях и при их транспортировке; хранение и распределение безучетных карточек в типографиях; изготовление поддельных карточек; повторное использование карточек и т.п. Известны случаи, когда преступники второй раз использовали карточки, которые уже были в обращении, изменяли списки, внося в них вымышленные данные, приобретали талоны и карточки на людей, которые уже умерли или выбыли на другое место жительства, вносили в списки на получение продовольственных карточек в домоуправлениях и организациях подставных лиц. В силу этого правоохранительным органам вменялась в обязанность борьба с данным видом преступлений [5, с. 61].

В связи с тем, что учреждения по изготовлению, хранению и выдаче карточек не имели необходимо-

го опыта работы в данной сфере, в начале войны по всей стране встречаются случаи грубого нарушения порядка их сдачи, приема, уничтожения и списания, инвентаризации, что облегчало их хищение работниками бюро. Так, например, в г. Рубцовске Алтайского края раздатчица одного из заводов, пользуясь бесконтрольностью, вносила в списки вымышленных рабочих и тем самым присвоила 97 карточек [9, л. 122].

Уже в 1941 г. появились рисованные от руки фальшивые карточки, причем очень хорошего качества, поддельность которых на первый взгляд было определить невозможно. Так, например, художник красного уголка «Меланжевого комбината» сам изготавливал хлебные карточки с целью их реализации [3, л. 221-222]. В г. Барнауле Алтайского края 3 октября 1942 г. заведующая столовой одного из заводов представила к зачету поддельные талоны на 1023 кг хлеба [4, л. 145].

В годы войны сотрудниками правоохранительных органов было выявлено немало нарушений и в реализации карточек. Наиболее распространенными нарушениями являлся отпуск товара или по неоформленным карточкам, без указания фамилии, имени, отчества и без предъявления гражданином документов, удостоверяющих личность, либо по обрезанным талонам, либо по карточкам, не имевшим отметки о перерегистрации.

В рассматриваемый период каждое третье преступление, связанное с карточками, совершалось должностными лицами, в ведении которых находилось изготовление, распределение и выдача карточек [12, с. 16].

Так, например, в сентябре 1944 г. работники уголовного розыска Управления милиции Алтайского края раскрыли деятельность преступной группы, состоявшей из служащих контрольно-учетного бюро Железнодорожного района г. Барнаула [8, л. 245]. В 1945 г. в типографии «Путь к коммунизму» за составление фиктивных списков были привлечены к уголовной ответственности заместитель председателя и секретарь Мошковского сельского совета Новосибирской области [2, с. 52].

Используя бесконтрольность со стороны руководства типографии газеты «Алтайская правда», ученик печатника в течение нескольких месяцев похищал карточки, которые в дальнейшем или продавались знакомым, или, используя связи с торговыми работниками, эти карточки заверялись и в дальнейшем реализовывались в торговой сети [3, л. 221].

О масштабах преступлений в карточной системе свидетельствует тот факт, что в период с 1941 по 1944 гг. до 10% всех дел, законченных органами милиции по линии ОБХСС, составляли именно дела

этой категории [2, с. 54]. В связи с тем, что в ряде городов СССР резко увеличилось кражи продовольственных карточек, ГУМ НКВД СССР издал Приказ от 20 марта 1942 г. «О кражах у населения продовольственных карточек и мерах по борьбе с этим видом преступлений» [11, с. 208], в котором потребовал от периферийных органов милиции произвести учет воров-карманников.

В годы войны правоохранные органы стали чаще практиковать проведение внезапных проверок предприятий питания, складских помещений и т.п. на наличие у них материальных ценностей. В случаях выявления излишек товаров или недостачи либо несоответствия документов в ходе проверок виновных привлекали к уголовной ответственности. Со стороны сотрудников правоохранительных органов и руководства типографиями устанавливался предельно жесткий контроль за изготовлением карточек, усиливалась степень их защиты от подделок, вводилось ежемесячное использование талонов, доводилась до совершенства система транспортировки и хранения.

Все эти меры стали приносить положительные результаты. Так, в Новосибирской области в 1942 г. была задержана преступная организованная группа, которая при помощи поддельных штампов и печатей и полученных от коменданта домоуправления стандартных справок в течение длительного периода получала в карточных бюро хлебные и продуктовые карточки [15, с. 91].

В июне 1942 г. работница Барнаульской конторы «Союзтиль», получая отходы бумаги из типографии газеты «Алтайская правда» и пользуясь бесконтрольностью со стороны администрации, похитила из карточного утиля 12 хлебных и 8 промтоварных карточек. Последние она заверила печатью по месту работы своего мужа, в дальнейшем по ним получила продукты и промышленные товары [3, л. 222].

В 1943 г. в казанской типографии «Титполиграф» была задержана группа преступников, занимавшаяся сокрытием, во время уничтожения чистых полей карточек (шириной в полтора-два сантиметра), которые в дальнейшем были предназначены для изготовления талонов с целью продажи. Преступная группа действовала два месяца, ущерб, который она нанесла государству, составил 2201 тыс. руб. [5, с. 97].

В июне 1942 г. сотрудниками УНКВД Алтайского края были задержаны и привлечены два работника «Меланжевого комбината» за хищение продовольственных карточек. В ходе следствия было установлено, что ими из непригодного к хранению карточек помещения из стола табельщицы ткацкой фабрики было похищено 183 продоволь-

ственных карточки на июнь. Похищенные карточки реализовывались сотрудникам того же комбината [3, л. 222].

В одном из районов Тбилиси было обнаружено небольшое количество фальшивых карточек на хлеб. Несмотря на активное сопротивление и умелую конспирацию, сотрудники правоохранительных органов своевременно выявили и задержали преступников и лиц, которые им содействовали в преступной деятельности в количестве 16 чел. В процессе оперативно-разыскных мероприятий было определено местоположение типографии, изъяты вещественные доказательства в виде печатей, шрифтов, бумаги, купюр. Преступная группа была обезврежена, при этом следствием установлено, что за небольшой период указанная группа в результате своей деятельности нанесла ущерб на общую сумму 1500 тыс. руб. Согласно Закону от 7 августа 1932 г. руководители группы были привлечены к высшей мере наказания – расстрелу, остальные – к различным срокам лишения свободы – от 7 до 15 лет [13, с. 140].

В процессе введения карточной системы государство столкнулось со множеством трудностей, например во время эвакуации в местах массового скопления населения учет эвакуированных был затруднен, кроме того, они не всегда имели документы, удостоверявшие личность. Вместе с тем все усилия были направлены на то, чтобы никого не оставить без продуктов питания.

В осажденном Ленинграде карточки на получение продуктов были бесценны. Во время блокады вопросы, связанные со снабжением города продовольствием, имели первостепенное значение. Продажа по карточкам являлась единственным источником получения от государства продуктов питания [9, с. 47].

В руководящих документах отмечалось, что одной из основных причин хищений был некачественный подбор кадров. Именно поэтому на склады, базы, в торговую сеть назначались люди, которые, используя свое служебное положение в корыстных целях, расхищали товары.

Некоторые управдомы, используя свое служебное положение, пускали в оборот карточки, оформленные ими на вымышленных, выбывших или умерших лиц.

Например, работницы счетной конторы № 21 включали в списки на получение хлеба и продовольственных карточек умерших, в результате этих преступных действий им удалось завладеть более чем 60 комплектами карточек [6, с. 121]. Наборщица типографии при заводе № 5 совместно со своим мужем, используя похищенное клише и другие

материалы, в собственной квартире изготавливали поддельные карточки и талоны. Пользуясь знакомыми людьми в торговой сети, за три месяца противозаконной деятельности получили около тонны продуктов [10, с. 47]. В марте 1943 г. Ленинградский ГК ВКП(б) решал остро стоявшую проблему повышения эффективности борьбы с хищением продовольственных и промышленных товаров.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что снижение жизненного уровня одних людей в этих же условиях создавало основу для обогащения других, а при отдельных обстоятельствах влекло более серьезные преступления, что, в свою очередь, сеяло среди населения страх, озлобленность, то-

тальное недоверие и, как следствие, рост преступности.

Все это вызвало необходимость того, что в годы Великой Отечественной войны сотрудникам правоохранительных органов пришлось применять более разнообразные формы и методы выявления преступлений, связанных с продовольственными и промышленными карточками. Это не могло не привести к высоким результатам их деятельности. Данное утверждение подтверждает результаты изучения архивных документов, а именно: за последние три года войны за данный вид преступлений в 1943 г. было осуждено 21066, в 1944 г. – 14557, за I полугодие 1945 г. – 5034 чел. [4, л. 113].

Литература

1. Архив Главного управления МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АГУВД СПб и ЛО). Ф. 72. Оп. 1. Д. 1. Т. 1.
2. Базаров Ф.Е., Назаров А.П. Советская милиция в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Омск, 1979. 90 с.
3. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18. Д. 156.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9415. Оп. 3. Д. 13.
5. Лен К.В. История службы участковых полиции. Барнаул, 2015. 80 с.
6. На страже порядка. Казань, 1997. 256 с.
7. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. М., 1964. 228 с.
8. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК (Отдел по реабилитации и архивной информации информационно-го центра Главного управления МВД России по АК). Ф. 8. Оп. 2. Д. 3.
9. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по АК. Ф. 8. Оп. 6. Д. 4.
10. Панфилец А.В. Организация и деятельность городской милиции по охране общественного порядка в блокадном Ленинграде (сентябрь 1941 – 1942 гг.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2014. № 1 (61). С. 45-51.
11. Советское право в период Великой Отечественной войны. М., 1948. Ч. 2. 431 с.
12. Ханин С.В., Вирабов В.С. Организационные и правовые основы взаимодействия милиции и населения в межвоенный период и годы Великой Отечественной войны // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 14-18.
13. Хвачия П. Очерки истории Грузинской милиции 1932-1960 гг. Тбилиси, 1982. 333 с.
14. Шатилов С.П., Шатилова О.А., Ипполитов П.Л. Роль правоохранительных органов в реализации функции защиты Советского государства в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): монография. Барнаул, 2016. 156 с.
15. Шатилова О.А. Деятельность патрульно-постовой службы в годы Великой Отечественной войны // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 1 (30). С. 145-146.

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 17.02:34

М.А. Бучакова, доктор юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: bm290163@mail.ru;

О.А. Дизер, канд. юрид. наук, доцент

Омская академия МВД России

E-mail: dizer77@mail.ru

КАТЕГОРИЯ НРАВСТВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Авторы рассматривают философскую категорию нравственности в качестве важного регулятора всех сфер жизни общества, осуществляют ее сопоставление с понятием морали. Исследуются современные процессы правового закрепления нравственности в Конституции РФ и отраслевом законодательстве.

Ключевые слова: нравственность, мораль, добрые нравы, общество, право, ценности, конституции, общественная нравственность.

M.A. Buchakova, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: bm290163@mail.ru;

O.A. Dizer, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: dizer77@mail.ru

MORALITY CATEGORY AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION: THEORETICAL ISSUES

The authors consider the philosophical category of morality as an important regulator of all spheres of society life, carry out its juxtaposition with the notion of morality. The modern processes of legal consolidation of morality in the Constitution of the Russian Federation and branch legislation are investigated.

Key words: morality, good morals, society, law, values, constitutions, public morality.

Категория нравственности является фундаментальной философской категорией, выступает одним из важных регуляторов в социальной, культурной, экономической и других сферах жизни общества. Нравственные установки становятся значимым фактором развития конкретного государства.

Общеизвестно, что единой нравственности, морали для всех народов и времен не бывает. Данная категория является продуктом длительного формирования и развития человеческого общества, и для каждой нации и народа существуют свои особенности в понимании нравственности, морали, нрав-

ственного поведения и воспитания. Эти особенности связаны с экономическим, культурным, духовным обществом и государством, на них влияют сложившиеся традиции и обычаи, религия и прочие факторы. Важно подчеркнуть, что нравственность определяет правила поведения, образ жизни общества. Следует согласиться с А.А. Гогиним в том, что «нравственность наиболее полно отражает уровень развития конкретной нации, народности, общества и государства, поскольку ее нормы складываются на протяжении многих веков под воздействием исторических, культурных, национальных, религиозных и иных условий. Выступая в качестве базового критерия правомерного поведения, указанные правила выполняют регулятивную, воспитательную и контролирующую функции» [2, с. 14-18].

Этимологически нравственность (лат. *moralis* – нравственный, *mores* – нравы) – специфический тип регуляции отношений людей, направленный на их гуманизацию; совокупность принятых в том или ином социальном организме норм поведения, общения и взаимоотношений [7, с. 474].

Как видим, нравственность – термин, употребляемый, как правило, синонимично термину «мораль». В языках, где употребляются одновременно оба слова (как в рус. «мораль» и «нравственность» или в нем. «Moralität» и «Sittlichkeit»), они чаще выступают синонимами либо же каким-то образом концептуализируются для обозначения отдельных сторон (уровней) морали [15]. В научной литературе нравственность, как правило, рассматривается в широком и узком смыслах. В широком – как «особая форма общественного сознания и вид общественных отношений»; в узком – «как совокупность принципов и норм поведения людей по отношению друг к другу и обществу. Мораль подразумевает наличие внешнего оценивающего субъекта (другие люди, общество, церковь и т.д.). Нравственность в большей степени ориентирована на внутренний мир человека и его собственные убеждения» [14, с. 442]. Известный российский ученый В.С. Нерсисянц, характеризуя мораль и нравственность, выделял в ней две составляющие: «личностную, т.е. субъективное усмотрение субъекта по поводу определенного поведения и его этической оценки, и объективную, т.е. господствующую в социуме систему этических ценностей, норм и принципов» [6, с. 39-40]. А.А. Гусейновым мораль понимается как «регулятивный инструмент, действующий в контексте реальных социальных и человеческих отношений. Приоритетным и существенным выражением моральной императивности является запрет» [10, с. 257].

Особенность нравственных правил проявляется в том, что они обычно обеспечиваются силой

общественного мнения. Вместе с тем развитие и усложнение общественных отношений приводят к стремлению государств осуществить правовое регулирование нравственных ценностей, тем самым придав им общеобязательный характер. Такие нравственные положения приобретают особую значимость, становясь объектом правовой охраны. Так, А.Б. Венгеров отмечает, что «моральный регулятор во всем своем многообразии, сложностях, противоречиях, взаимодействиях занимает в нормативной системе общества одно из важнейших и определяющих мест, и его изучение дает понимание реальных процессов воздействия нормативной системы на общественные отношения» [1, с. 90].

Наиболее базовые, исходные положения нравственного характера закрепляются в конституциях государств, что позволяет говорить о конституционно-правовой охране нравственных ценностей. В конституциях находят отражение в первую очередь отношения, связанные с правами граждан, их обеспечением. Эти установленные на законодательном уровне отношения ориентированы на морально-нравственные установки общества и одновременно определяют вектор его развития. Так, Конституция РФ (далее – Конституция) провозглашает «человека, его права и свободы высшей ценностью, возлагая обязанность их признания, соблюдения и защиты на государство» (ст. 2). Данный постулат является центральным в конституции не только РФ, но и других государств, неся в себе сильное нравственное начало, подчеркивая значимость человека, его приоритет во взаимоотношениях с государством.

Нравственность выступает также критерием для установления законодательных ограничений и запретов. Так, в п. 3 ст. 55 Конституции подчеркивается, что «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства» [4]. Аналогичные нормы содержатся в конституциях зарубежных государств. При этом основаниями ограничений выступают такие государственные институты, как основы конституционного строя, безопасность государства, здоровье и др. Категория «нравственность», получая правовое закрепление в конституциях государств, приобретает статус конституционно-правовой категории, а конституционные нормы о нравственности, ее защите, нравственном воспитании и др. становятся объектом конституционно-правовой охраны.

В конституциях наряду с термином «нравственность» в качестве объекта правовой охраны исполь-

зуются понятия «добрый нрав или добрые нравы», «общественная нравственность». Добрый нрав или добрые нравы (фр. *bonnes mœurs*, или *mœurs*) – термин, определяемый в современной французской юриспруденции как «совокупность императивных норм социальной морали, возведенных в общественную этико-нравственную доктрину, которые подлежат соблюдению каждым членом общества, независимо от его религиозных, философских, политических и личных моральных убеждений» [3, с. 688]. Основой понятия «добрые нравы» являются обычаи, принятые в государстве и возведенные в ранг общепринятых правил поведения, первоначально которых выступают правовые традиции Древнего Рима. По сути, данный термин синонимичен понятию «нравственность».

Нормативные предписания о добрых нравах существуют в современном законодательстве многих государств и опираются на традиционные нравственные нормы в регулировании общественных отношений. Например, они действуют в законодательстве Германии, Греции, Китая, Японии и т.д. По мнению М.Н. Кузнецова, они взаимосвязаны с понятием «публичный порядок» [5, с. 6], и, по сути, речь идет в них о схожих правоотношениях. Что касается словоупотреблений на законодательном уровне терминов «нравственность», «общественная нравственность», то полагаем, что каких-либо различий в них нет, т.к. нормативное закрепление нравственности свидетельствует о том, что это моральные правила, поддерживаемые большей частью социума. Об этом свидетельствуют и взгляды ученых, исследующих данную проблематику. Так, по мнению Е.А. Старкова, под общественной нравственностью понимается «совокупность ценностей, которую разделяет преобладающая часть социума, т.е. нормы, принципы и ценности общественной нравственности господствуют в конкретном обществе» [13, с. 22-25]. Аналогичной позиции придерживается В.П. Степалин, отмечая, что «общественная нравственность – это моральные правила, выработанные в обществе и поддерживаемые авторитетом общественного мнения, представлений о добре и зле, о гуманности и негуманности, о справедливости и несправедливости, о пристойности, приличии и непристойности, неприличии» [9, с. 213].

Наиболее важные нравственные установки, закрепленные в Конституции РФ, получили развитие в отраслевом законодательстве, в т.ч. административном. Между тем в административном законодательстве достаточно часто применяются нормы, касающиеся нравственности. В нем в качестве объекта правового регулирования закрепляется «общественная нравственность», тем самым законодатель

стремится подчеркнуть, что объектом выступают общественные отношения, поддерживаемые большей частью социума.

Так, ст. 1.2 КоАП РФ к числу задач законодательства об административных правонарушениях относит защиту общественной нравственности, а глава 6 КоАП РФ закрепляет административные правонарушения, посягающие на здоровье, санитарно-эпидемиологическое благополучие населения и общественную нравственность.

Соответственно, в ряде статей указанных глав кодекса общественная нравственность выступает в качестве объекта правонарушения. В частности, сюда могут быть отнесены: «сокрытие источника заражения ВИЧ-инфекцией, венерической болезнью и контактов, создающих опасность заражения» (ст. 6.1); «незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов и незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества» (ст. 6.8); «потребление наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» (ст. 6.9); «уклонение от прохождения диагностики, профилактических мероприятий, лечения от наркомании и (или) медицинской и (или) социальной реабилитации в связи с потреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо новых потенциально опасных психоактивных веществ» (ст. 6.9.1); «вовлечение несовершеннолетнего в употребление алкогольной и спиртосодержащей продукции, новых потенциально опасных психоактивных веществ или одурманивающих веществ» (ст. 6.10); «занятие проституцией» (ст. 6.11); «получение дохода от занятия проституцией, если этот доход связан с занятием другого лица проституцией» (ст. 6.12); «пропаганда наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, новых потенциально опасных психоактивных веществ» (ст. 6.13); «нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию» (ст. 6.17); «пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних» (ст. 6.21).

Безусловно, некоторые из перечисленных составов административных правонарушений посягают и на другие объекты, например здоровье

населения, но нравственный аспект выступает в качестве основополагающего. Так, в Постановлении Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» отмечается, что «правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации имеют значение и при оценке установленного федеральным законодателем правового регулирования административно-деликтных отношений, в рамках которого не исключается – в частности, с учетом особенностей конкретных объектов правовой охраны и необходимости адекватного и пропорционального применения административно-правовых запретов в условиях многообразия складывающихся в конкретной сфере моделей поведения – использование оценочных или общепринятых понятий (категорий)» [8].

Обращение к категории нравственности имеет место и в других нормативных правовых актах, устанавливающих административные процедуры по защите детей. Например, в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» [12] сформулировано понятие информационной безопасности детей; конкретизированы

виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей.

В соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 5 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [11] к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации на осуществление гарантий прав ребенка в Российской Федерации относится выбор приоритетных направлений деятельности по обеспечению прав и законных интересов ребенка, охраны его здоровья и нравственности. Данным документом предусмотрено в целях обеспечения безопасности жизни, охраны здоровья, нравственности ребенка, защиты его от негативных воздействий проведение экспертизы (социальной, психологической, педагогической, санитарной) настольных, компьютерных и иных игр, игрушек и игровых сооружений для детей (ч. 3 ст. 14).

Таким образом, на современном этапе нравственность выступает не только в качестве важной философской категории, но и, получая правовое закрепление, приобретает статус юридической дефиниции. Между тем отсутствие легального понятия нравственности создает сложности при ее защите в случае совершения правонарушения. Тем самым возникает необходимость ее законодательного определения для установления пределов правового регулирования.

Литература

1. Венгеров А.Б. Теория государства и права. Часть II: Теория права. М., 1996. Т. I.
2. Гогин А.А. К вопросу о защите нравственности как фундаментальной социальной ценности // История государства и права. 2015. № 13. С. 14-18.
3. Гражданский кодекс Франции (Кодекс Наполеона) / пер. В.Н. Захватаева. Киев, 2006.
4. Конституция Российской Федерации (в ред. от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Кузнецов М.Н. О содержании понятия «публичный порядок» // Нравственные императивы в праве. 2011. № 2. С. 6.
6. Нерсисянц В.С. Право в системе социальной регуляции (история и современность). М., 1986.
7. Новейший философский словарь. Минск, 1999.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 сентября 2014 г. № 24 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Рарог А.И., Степалин В.П., Шишов О.Ф. Уголовное право. Особенная часть в вопросах и ответах: учеб. пособие / под ред. А.И. Рарога. М., 2000.
10. Российская философия продолжается: из XX века в XXI / под ред. Б.И. Пружилина. М., 2010. 311 с.
11. Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3802.
12. Собрание законодательства РФ. 2011. № 1. Ст. 48.
13. Старков Е.А. Особенности объекта преступления против общественной нравственности (отдельные аспекты) // Российский следователь. 2009. № 5. С. 22-25.
14. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л.Ф. Ильичёва, П.Н. Федосеева, С.М. Ковалёва, В.Г. Панова. М., 1983.
15. Философия: Энциклопедический словарь / под ред. А.А. Ивина. М., 2004.

УДК 351.74

Я.Е. Верхоглядов

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: barnaulaw@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ

В настоящей статье проанализирована сложившаяся ситуация в сфере противодействия экстремизму, исследованы подходы к построению государством системы мониторинга. Автор рассматривает настоящую деятельность в иных направлениях государственной правовой политики, выделяет способы исключения дублирования и пути оптимизации мониторинга относительно субъектов его осуществления.

Ключевые слова: экстремизм, государственная правовая политика, мониторинг, система, стратегия, противодействие.

Ya.E. Verhoglyadov

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: barnaulaw@mail.ru

TOPICAL PROBLEMS OF CONSTRUCTION OF THE STATE MONITORING SYSTEM IN THE FIELD OF COUNTERING EXTREMISM

This article analyzes the current situation in the field of countering extremism, approaches to the construction of a monitoring system by the state are examined. The author considers this activity in other areas of state legal policy, identifies ways to avoid duplication and ways to optimize monitoring regarding the subjects of its implementation.

Key words: extremism, state legal policy, monitoring, system, strategy, counteraction.

На сегодняшний день опасность экстремистской деятельности более чем актуальна. Об этом свидетельствуют как отнесение экстремизма в концептуальных документах к одной из основных угроз безопасности государства и общества [27], так и официальные статистические данные.

Согласно отчетам МВД России, если в 2009 г. было выявлено 548 преступлений экстремистской направленности [24], то в 2016 г. – 1450 [25]. Учитывая негативную динамику, допустимо предположить, что реализуемая государственно-правовая политика в сфере противодействия экстремизму не совершенна. Одним из способов определить, какие направления требуют корректировки, представляется создание и качественное функционирование системы государственного мониторинга.

Федеральный закон № 114 от 25.07.2002 «О противодействии экстремистской деятельности» непосредственных упоминаний о подобном направлении не содержит, но в ст. 3 «Основные направления противодействия экстремистской деятельности» есть схожие по смыслу формулировки: «...принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в т.ч. на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности» [15].

Стратегия противодействия экстремизму в РФ до 2025 г., принятая в целях конкретизации ФЗ № 114, к одной из основных задач отнесла создание единой государственной системы мониторинга в сфере противодействия экстремизму [28].

Четкого содержания декларируемой системы в Стратегии нет, однако при более детальном анализе основных направлений политики государства, перечисленных в тексте, можно предположить, что к нему как минимум относятся: мониторинг правоприменительной практики; мониторинг межрасовых, межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, социально-политической ситуации в РФ; мониторинг СМИ и информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет; мониторинг девиантного поведения молодежи; мониторинг результатов, достигнутых при реализации настоящей Стратегии. Вместе с тем, если примерную структуру мы можем представить, то кто будет осуществлять мониторинг, сказать точно нельзя, т.к. в документе нет прямых указаний на субъекты реализации [28].

Постановлением Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 15.04.2015 № 139-СФ Правительству РФ было рекомендовано разработать и утвердить план по реализации Стратегии и изучить вопрос о создании единой государственной системы мониторинга в области противодействия экстремизму. Правительство РФ рекомендацию выполнило – план был подготовлен [21].

Идея о мониторинге в сфере противодействия экстремизму не нова. Так, М.П. Клейменов в 2012 г., предлагая проект Закона Омской области «О профилактике экстремистской деятельности в Омской области», включал в его содержание мониторинг различных аспектов противодействия экстремизму [6]. Ранее мониторинг, в т.ч. количества конфликтных ситуаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, осуществлялся Министерством регионального развития РФ, Генеральной прокуратурой и МВД России [22, с. 139]. Говоря о деятельности правоохранительных органов, отметим, что в научной сфере встречались упоминания о важности мониторинга процессов, последствиями которых могут стать экстремистские конфликты, и исключении пренебрежения таковыми в пользу единично силовых методов противодействия [2, с. 58]. Здесь же нельзя не упомянуть, что к разновидностям мониторинга можно отнести деятельность: ВЦИОМ, Левада-Центра, Фонда общественного мнения и других организаций, проводящих различного рода социологические исследования [22, с. 140-141, 146].

Сегодня государственный мониторинг производят Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в РФ [13] и комиссии субъектов РФ [12]. Однако на региональном уровне, согласно общедоступной информации, комиссии существуют не на всей территории страны, а субъекты РФ,

где таковые органы функционируют, отличаются подходами к построению системы мониторинга.

К примеру, в Алтайском крае одним из элементов мониторинга является исследование индекса интолерантности, которое несколько неоднозначно в силу того, что экспресс-опросник, применяемый изначально на школьниках и студентах, сейчас распространяется на более широкую возрастную группу и полноценно не учитывает религиозную толерантность. Помимо этого, первоначальная идея авторов данной методики тестирования заключалась в том, чтобы диагностировать изменения уровня толерантности после осуществления целенаправленного психологического воздействия – тренинга толерантности. Экспресс-опросник заполнялся участвующими в тренингах дважды: до начала занятий и после их завершения [3]. Применена ли подобная схема тестирования в Алтайском крае, нам неизвестно в связи с отсутствием точных данных в общем доступе, но по предварительной информации исследование проводится раз в год. Дополнительные трудности в субъектах РФ возникают при эпизодическом возложении обязанностей по мониторингу экстремизма в сети Интернет на администрацию районов муниципальных образований. Отсутствие специалистов и необходимых ресурсов в таковых учреждениях, безусловно, сказывается на качестве выполняемой деятельности.

В соседнем регионе было принято Постановление Правительства Республики Алтай № 110 от 22.04.2013 «Об утверждении системы мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма в Республике Алтай и Плана мероприятий по профилактике экстремизма на территории Республики Алтай» [19]. Настоящий документ подразумевал комплекс мер по получению информации о фактах проявления экстремизма от органов исполнительной власти и юридических лиц, анализу и прогнозированию. Физические лица как источник информации в указанном постановлении не рассматриваются. Дополнительно в соответствии с Распоряжением Правительства Республики Алтай «Об утверждении Комплекса мер по совершенствованию работы государственной власти Республики Алтай по предупреждению межнациональных конфликтов на 2013-2014 гг.» Министерство культуры республики на договорной основе задействовало Институт алтаистики в проведении мониторинга состояния межнациональных (межэтнических) отношений [7, с. 127].

Иначе выстроена система мониторинга в Республике Татарстан. Согласно Распоряжению Президента Республики Татарстан от 07.03.2016 № РП-170 «Об образовании межведомственной рабочей

группы по вопросам профилактики терроризма и экстремизма в Республике Татарстан» к основным задачам настоящего объединения относятся: проведение комплексного анализа состояния профилактики терроризма и экстремизма, прогнозирование, выработка рекомендаций и т.д., т.е. деятельность, весьма схожая с мониторингом [14].

Из вышерассмотренных примеров можно сделать вывод, что мониторинг экстремистской деятельности в субъектах РФ осуществляется, но различается по структуре, содержанию, субъектам реализации. Касаемо последних скажем, что сегодня активно функционируют в данной сфере различного рода организации: Национальный центр информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет (НЦПТИ) [29] и Лига безопасного интернета [5], исследовательские центры, образовательные учреждения и т.д. Отдельно стоит отметить, что некоторые объединения, ранее активно проводившие исследования [8], на данный момент признаны иностранными агентами [9], от чего достоверность результатов и беспристрастность в целом их деятельности подвергаются сомнению.

Возвращаясь к государственным субъектам мониторинга и проецируя рассматриваемый вопрос на смежную область – противодействие терроризму, можно с уверенностью утверждать, что антитеррористические комиссии существуют во всех субъектах и осуществляют мониторинг по своему направлению [23], т.е. вопрос, кто и как осуществляет мониторинг в сфере противодействия терроризму, не актуален. Чем мотивирована неоднозначность в вопросе мониторинга экстремизма, который не менее опасен, чем терроризм, и фактически является его предшественником, не понятно.

Дополнительную неясность вносят результаты проведенного нами анализа иных направлений государственно-правовой политики. Как оказалось, одна из линий мониторинга в сфере противодействия экстремизму, а именно мониторинг межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, сегодня реализуется в рамках другого ответвления государственной политики – национального.

Президент РФ Указом № 602 от 07.05.2012 «Об обеспечении межнационального согласия» обязал Правительство РФ организовать проведение системного мониторинга состояния межнациональных отношений [1]. Спустя семь месяцев в утвержденной Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. говорилось о необходимости создания государственной и муниципальной систем мониторинга состояния межэтнических отношений и раннего предупреждения

конфликтных ситуаций [26]. Затем в 2013 г. были разработаны методические рекомендации по мониторингу в рассматриваемом направлении от упраздненного в 2014 г. Минрегионразвития РФ [16]. Последующие планы реализации Стратегии государственной национальной политики в период 2013-2015 гг. [17] и 2016-2018 гг. [18] в перечне мероприятий уже содержали мониторинг состояния межнациональных отношений. Ответственным исполнителем в планах указывалось Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) [20], созданное в 2015 г. Интересно вспомнить тот факт, что А.И. Казанник в несколько иной вариации предлагал учредить настоящий орган еще в 2007 г. и возложить на него религиозный мониторинг [4, с. 33-34].

Считаем, что сложившееся дублирование мониторинга, учитывая рост правонарушений экстремистской направленности, представляется нецелесообразным. Подобные факты имели место быть ранее (миграционная политика некоторых субъектов РФ подразумевала мониторинг межнациональных и межконфессиональных отношений [2, с. 59]), существуют сегодня, и не исключено, что возникнут в будущем, т.к. государство планирует прописать систему мониторинга этноконфессиональных отношений в законопроекте «О единстве российской нации и управлении межэтническими отношениями», который потенциально в будущем будет переименован в законопроект «Об основах государственной национальной политики» [10].

Одним из элементов эффективной политики противодействия экстремизму С.М. Нунуев называет создание и господдержку экспертно-аналитических центров для осуществления мониторинга [11, с. 241]. На наш взгляд, в настоящий момент для исключения дублирования, необоснованной траты сил и средств возможной видится оптимизация уже имеющихся структур тремя способами:

1) образование во всех субъектах РФ комиссий по противодействию экстремизму, на которых возложить обязанность по мониторингу, предварительно проработав его с целью исключения повторения с деятельностью ФАДН;

2) возложение первоочередной функции мониторинга на ФАДН, результаты которого предоставлять всем заинтересованным лицам, отдельно рассмотрев вопрос мониторинга в сфере противодействия политическому экстремизму, т.к. это направление в меньшей степени затрагивает деятельность ФАДН;

3) объединение антитеррористической политики с антиэкстремистской, учитывая схожесть и взаимосвязанность явлений, которым осуществляется

противодействие, и возложить мониторинг на региональные антитеррористические комиссии, также предварительно исключив возможные дублирования с ФАДН.

Сегодня с учетом всех сложившихся условий представляется более предпочтительным второй вариант в силу временной и экономической целесообразности. Однако в дальнейшей перспективе наиболее логичным видится третий вариант, т.к. максимальной эффективности возможно достичь лишь тогда, когда противодействие двум схожим явлениям будет сконцентрировано в рамках одного политико-правового института.

Рассматриваемый вопрос весьма спорен и требует серьезной проработки, но однозначность необходимости его решения подтверждается: ростом экстремизма, дублированием мониторинга в различных направлениях государственно-правовой политики на протяжении как минимум последних 5 лет и попыткой вновь включить его в новый нормативный акт – законопроект «О единстве россий-

ской нации и управлении межэтническими отношениями» [10]. Очевидно, что множественность государственных субъектов в реализации мониторинга не является залогом качества в вопросе противодействия экстремизму. Подобная характеристика, наверное, допустима лишь со стороны общественности в виде возможности проявления широким кругом лиц гражданской активности и осуществления мониторинга путем добровольного сотрудничества с исполнительной властью.

Также в силу отсутствия детальных пояснений со стороны государства открытыми остаются общие вопросы мониторинга: какова его форма, содержание и направления реализации, т.е. представляет он из себя лишь анкетирование населения или ряд более глобальных и масштабных исследований. Предполагается, что в виде рекомендаций всероссийский подход к мониторингу должен быть выработан на федеральном уровне, но при условии наличия возможности внесения некоторых коррективов с учетом особенностей конкретного региона.

Литература

1. Владимир Путин подписал Указ «Об обеспечении межнационального согласия» // Официальный сайт администрации Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/15240> (дата обращения: 30.03.2017).
2. Волосюк П.В. Мониторинг экстремизма как фактора, ухудшающего криминогенную обстановку в Ставропольском крае // Гуманитарные и юридические исследования. 2013. № 1. С. 57-62.
3. Индекс интолерантности в молодежной среде Алтайского края: Результаты социологического исследования // Официальный сайт Алтайского государственного педагогического университета. URL: http://www.altspu.ru/vospit/vospit_pme/vospit_pme_metod/16387-celevaya-programma-protivodeystvie-ekstremizmu-v-altayskom-krae.html (дата обращения: 30.03.2017).
4. Казанник А.И. Правовые проблемы совершенствования системы органов исполнительной власти, противодействующих религиозному экстремизму в России // Вестник Омского государственного университета. Серия «Право». Гуманитарные и юридические исследования. 2007. № 2 (11). С. 27-35.
5. Кибердружина // Официальный сайт Лиги безопасного интернета. URL: <http://www.ligainternet.ru/liga/activity-cyber.php> (дата обращения: 30.03.2017).
6. Клейменов М.П. Закон Омской области «О профилактике экстремистской деятельности в Омской области» // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2012. № 3 (32). С. 277-282.
7. Мадюкова С.А., Персидская О.А. Этнонациональная политика в Республике Алтай // Сибирский философский журнал. 2016. № 1. С. 120-134.
8. Мониторинг дискриминации и национал-экстремизма в России / под общ. ред. Ю. Башинова, Н. Таубина. М.: Фонд «За гражданское общество», 2004. 122 с.
9. Мосгорсуд подтвердил законность включения «Левада-Центра» в реестр «иноагентов». URL: <http://www.newsru.com/russia/14mar2017/levadamosgorcourt.html> (дата обращения: 30.03.2017).
10. Название закона о российской нации изменят из-за неготовности общества // Официальный сайт Российской газеты. URL: <https://rg.ru/2017/03/07/nazvanie-zakona-o-rossijskoj-nacii-izmeniat-iz-za-negotovnosti-obshchestva.html> (дата обращения: 30.03.2017).
11. Нунуев С.М. Технологии политики РФ по противодействию религиозному экстремизму на Северном Кавказе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 12. С. 238-242.
12. О комиссии Алтайского края по противодействию экстремизму: постановление администрации Алтайского края от 22.06.2011 № 341 // Официальный сайт Алтайского края. URL: <http://www.altaregion22.ru/gov/administration/isp/territorial/komissiya-altayskogo-kraja-po-protivodeystviyu-ekstremizmu/> (дата обращения: 30.03.2017).

13. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 26.07.2011 № 988 (ред. от 17.02.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об образовании межведомственной рабочей группы по вопросам профилактики терроризма и экстремизма в Республике Татарстан: распоряжение Президента Республики Татарстан от 07.03.2016 № РП-170 // Официальный портал Республики Татарстан. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_787037.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

15. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (ред. от 23.11.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. Об утверждении методических рекомендаций для органов государственной власти субъектов Российской Федерации о порядке выявления формирующихся конфликтов в сфере межнациональных отношений, их предупреждения и действиях, направленных на ликвидацию их последствий [Электронный ресурс]: приказ Минрегиона России от 14.10.2013 № 444 (ред. от 14.10.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2013-2015 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 15.07.2013 № 1226-р (ред. от 15.09.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2016-2018 годах Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства РФ от 23.12.2015 № 2648-р (ред. от 27.10.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Об утверждении системы мониторинга и оперативного реагирования на проявления религиозного и национального экстремизма в Республике Алтай и Плана мероприятий по профилактике экстремизма на территории Республики Алтай: постановление Правительства Республики Алтай от 22.04.2013 № 110 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/473310365> (дата обращения: 30.03.2017).

20. О Федеральном агентстве по делам национальностей (вместе с «Положением о Федеральном агентстве по делам национальностей») [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 18.04.2015 № 368 (ред. от 01.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. План мероприятий по реализации Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 30.06.2015 № 4721п-п44 // Официальный портал Республики Татарстан. URL: http://tatarstan.ru/rus/file/pub/pub_787037.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

22. Половнев А.В. Дестабилизирующие этноконфессиональные факторы социально-политической ситуации в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2011. № 25 (631). С. 139-149.

23. Положение об антитеррористической комиссии в субъекте Российской Федерации // Официальный сайт Национального антитеррористического комитета. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/inye-pravovyye-akty/polozhenie-ob-antiterroristicheskoy-komissii.html> (дата обращения: 30.03.2017).

24. Состояние преступности за 2009 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/209641/> (дата обращения: 30.03.2017).

25. Состояние преступности за 2016 г. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site1/document_news/009/338/947/sb_1612.pdf (дата обращения: 30.03.2017).

26. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.: Указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119/> (дата обращения: 30.03.2017).

27. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 (ред. от 31.12.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: утверждена Президентом РФ 28.11.2014 Пр-2753 // Официальный сайт Совета Безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/> (дата обращения: 30.03.2016).

29. Яровой А.В. О национальном центре информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет // Обзор НЦПТИ. 2012. № 1. С. 8-11.

УДК 342.413

А.В. Головинов, канд. филос. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: alex-golovinov@mail.ru;

Ю.В. Головинова, канд. ист. наук
Алтайский государственный педагогический университет
E-mail: yu.golovinova@mail.ru

ИДЕОЛОГИЧЕСКОЕ МНОГООБРАЗИЕ И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ПРАВОПОРЯДОК: КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается значение идеологического многообразия для демократического государства. Авторами показано, что Конституция Российской Федерации является не только политико-правовой, но и идейно-теоретической базой текущего российского законодательства. На установленных данным актом основах конституционного строя и сформирована идеологическая составляющая Российского государства.

Ключевые слова: конституционный принцип, идеологическое многообразие, Конституция, плюрализм, демократия.

A.V. Golovinov, PhD. (Candidate of Philosophical Sciences), assistant-professor

Altai State University

E-mail: alex-golovinov@mail.ru;

Y.V. Golovinova, PhD. (Candidate of Historical Sciences)

Altai State Pedagogical University

E-mail: yu.golovinova@mail.ru

IDEOLOGICAL DIVERSITY AND DEMOCRATIC LAW AND ORDER: CONSTITUTIONAL AND LEGAL ASPECTS

The article discusses the importance of ideological diversity for a democratic state. The authors have shown that the Russian Constitution is not only political and legal, but also the ideological and theoretical basis of the current Russian legislation. The ideological component of the Russian state was formed on established by the act of the constitutional order.

Key words: constitutional principle, ideological diversity, the Constitution, pluralism, democracy.

В условиях перехода от советского государственного строя к либерально-демократическим ценностям был поставлен вопрос об отказе монополии государства на официальную идеологию и о признании множества равноценных идеологий. Таким образом, в начале 1990-х гг. в ряде государств установили принцип идеологического многообразия.

Как известно, в соответствии с Основным Законом Российского государства 1993 г. на территории нашей страны обеспечивается идеологическое многообразие [8]. Более того, идеологическое мно-

гообразие декларируется в качестве основы конституционного строя страны. Как следует из ст. 13 Конституции РФ в Российской Федерации исключается возможность существования государственной или обязательной идеологии. Ключевым же вопросом в определении значения идеологического многообразия в демократическом государстве является прежде всего выяснение самой сущности и феномена идеологии.

В связи с этим сразу же обращает на себя внимание тот факт, что понятие идеологии разрабатывается в рамках социально-философских, полито-

логических, теоретико-правовых и конституционно-правовых исследований. Очевидно, что только позитивный синтез и диалектическая взаимосвязь достижений этих научных направлений позволяют понять феномен идеологии.

Сама история российской государственности неоднократно демонстрировала, что неидеологического состояния у общества и государства быть не может. Как считает современный исследователь Э.С. Юсубов, юридическая наука в настоящее время столкнулась с дефицитом целостного мировоззрения к явлению, называемому «идеология» [12, с. 83]. Поэтому вполне очевидно, что в этом вопросе одного лишь обращения к Конституции РФ можно считать явно недостаточным.

Дискуссионность понятия «идеология» связана с возможными ее интерпретациями. Хотя само понятие вошло в научную лексику относительно недавно, это не говорит о том, что идеологических институций в разных обществах не существовало. Они присутствовали всегда, но их обозначали с использованием иных терминологических приемов.

Во всей множественности определений понятия идеологии можно выделить несколько основных. Во-первых, идеология есть набор каких-либо специфических убеждений; во-вторых, идеологии обрекают на ложность в вопросах интерпретации сущности социального порядка; в-третьих, термин «идеология» попросту используют для обозначения совершенно любой совокупности идей.

Если вспомнить истоки, то надо признать, что появление категории «идеология» прежде всего связано с мыслителями французского Просвещения. А именно с известным философом-государствоведом Дестютю де Траси. Он не только ввел данный термин в научный лексикон, но первым заметил, что созданное человеком единое и цельное идеологическое пространство нивелирует религиозные идеи. Здесь идеологическое пространство идентично своеобразной культуре, внутри которой различные конкурирующие между собой сферы бытия (религия, политика, экономика, право) и их идейные обоснования направлены на создание и трансляцию определенных смыслов.

Поэтому, следуя исторически первому полному определению понятия идеологии, следует рассматривать ее как систему ценностей. В таком первоочередном качестве идеология как инструмент закрепления ценностей сближается в наши дни с демократическими конституциями. Ведь Основной Закон также конституирует всю систему ценностей. Весьма авторитетно в этом отношении выглядит утверждение известного ученого С.А. Авакьяна о том, что каждая отечественная Конституция закрепляет

свою систему ценностей и нацеливает на то, чтобы на ее основе формировались соответствующие воззрения каждого члена общества [1, с. 15]. Поэтому современный исследователь вообще приходит к выводу о том, что конституция просто не может быть неидеологическим – мировоззренческим – документом.

Как заметил Э.С. Юсубов, эта позиция известного российского конституционалиста нашла массу своих сторонников, которые, несмотря на произошедшие изменения в идеологической сфере, также считают, что положения любой конституции всегда выражают определенную идеологию [12, с. 84]. Вот почему принцип идеологического многообразия приобретает особое значение в условиях демократического правового государства. Ведь в таком государстве плюрализм, оформленный в виде идеологического многообразия, является основой конституционного строя. Демократическая сущность отечественного государства, вписанная в контекст идеологического многообразия, как раз и подтверждается следующими факторами.

С одной стороны, это означает возможность свободного сосуществования в обществе разнообразных, причем даже противоположных по смыслу социально-философских, политико-правовых, экономических, религиозных и иных убеждений, концепций и теорий. Любой член общества самостоятельно и свободно вправе создавать, распространять и защищать свои взгляды и идеи. Поэтому принцип идеологического многообразия является развитием неотъемлемых прав человека на свободу мысли, слова, информации, совести, вероисповедания.

С другой же стороны, необходимость в запрете установления какой-либо идеологии в качестве государственной или общеобязательной выступает в качестве важнейшей гарантии принципа идеологического многообразия. Эта гарантия означает, что государство не должно вмешиваться в сферу идеологии путем подчинения какому-либо идеологическому направлению, в т.ч. политическому, и что государство не вправе устанавливать какую-либо идеологию в качестве общеобязательной, т.е. ограничивать права человека на свободу совести, мысли и слова.

Более того, приоритет прав человека как важнейшей основы правового государства не может быть полно осуществлен вне вышеупомянутых принципов идеологического многообразия. Как отмечает российский конституционалист В.В. Невинский, для соблюдения целостности общественных отношений и формально-юридического равенства индивидов определяющим является единство

прав и обязанностей личности [9, с. 35]. Наиболее полная реализация этих прав и обязанностей возможна как раз в условиях идеологического многообразия.

И.И. Шувалов справедливо утверждает, что идеология выполняет некоторую функцию стержня в праве, а отсутствие таковой приводит к неэффективности закона. Причины этой неэффективности часто следует искать в том, что закон не может достичь преследуемой цели из-за своей ложной установки [11, с. 88]. Именно поэтому идеология и выступает как система идей и представлений, истолковывающих окружающую действительность и побуждающих отдельные социальные группы или общество в целом действовать. В этом смысле правовая идеология является составной частью правовой политики, где концентрированно отражаются основные достижения в области права и фиксированные формы желаемого правового будущего [10, с. 137].

В конечном счете идеологическое многообразие компенсирует несовершенство человеческого ума, его неспособность отразить в одной теории все многообразие мира. Попытки создать монополярную универсальную теорию, объясняющую всю сложную социальную, экономическую и духовную основу жизни, а тем более попытки переустройства мира на основе такой теории неизменно порождали насилие над людьми, тиранические режимы, беспрецедентные войны и репрессии.

Принцип идеологического многообразия способствует преодолению застоя в литературе, философии, искусстве, науках. Естественно, что свободой мысли и слова могут злоупотреблять, в результате чего появляются безнравственные и даже расистского содержания концепции. Однако в соответствии со ст. 29 Конституции РФ отечественное государство ограничивает пропаганду таких идей, когда дело доходит до прямых призывов или действий, подрывающих общественные устои. Но при этом государство не должно вмешиваться в идеологические дискуссии. Поскольку именно свобода научной мысли есть важная гарантия существования гражданского общества, и в этом – главная необходимость признания Конституцией РФ принципа идеологического многообразия в качестве основы конституционного строя.

Также необходимо отметить, что идеология выступает комплексным социально-политическим феноменом, соединяющим духовное и практическое производство. То есть в данном случае сама выработка идей, призванных трансформировать социальную и политическую действительность, прежде всего связана с технологиями их практического осуществления.

По наблюдениям же В.В. Ильина, идеология не может быть расценена как явление чисто духовное или практически-духовное; она есть образование синкретическое, отображающее способность человека как свободного существа самоутверждаться по внутренним автономным целям [6, с. 54].

Стоит добавить, что идеология есть форма социальной идентификации. Потребность в идентификации возникает в критический период крушения старых и возникновения новых социальных систем при остром ощущении потери стабильных основ, на которых строились прежние личные и групповые оценки. Идеология стала социально значимым феноменом, когда был сделан качественный скачок в развитии производительных сил и технологических ресурсов, позволивший обществу гораздо больше усилий направлять на рациональное осмысление своей деятельности [4, с. 112]. В этом своем качестве идеологическое многообразие как институт конституционного права формализует возможность личности к идентификации.

Вполне понятно, что без идеологии не обходится никакое общество и государство – как современное, так и традиционное. Еще философы античного периода пытались создать учения об идеальных формах государственной власти, совместного общежития людей и путей достижения идеала социальной гармонии. Поэтому идеология – неотъемлемая часть самого общества, в котором существуют рефлексирующие личности, стремящиеся разгадать предназначение и смысл государства, социального единства и вообще человеческого бытия. А.Г. Дугин совершенно справедливо утверждает, что в эпоху «конца идеологии» «освобождение от идеологии постепенно делает людей рабами той идеологии, о которой они не догадываются, которой они не выбрали, в которую они оказались загружены» [3, с. 24].

Безусловно, современная идеология «общества потребления» является новым форматом либеральной, или буржуазной, идеологии. Отсюда следует, что актуализация плюрализма мнений, возможного в демократическом государстве, неизбежно инициирует необходимость правового закрепления принципа идеологического многообразия.

Однако изложенные выше общетеоретические основы идеологического плюрализма для пущей объективности должны быть подкреплены конституционно-правовым аспектом. Так, основным юридическим документом для определения правовой и политической идеологии Российской Федерации, безусловно, является Конституция Российской Федерации, с помощью которой и можно определить конституционно-правовые основы идеологии государства. При этом С.А. Авакьян очень точно под-

метил, что если на этапе подготовки Конституции к ней предъявлялись требования соответствовать зародившимся или зарождающимся общественным отношениям, то в дальнейшем к общественным отношениям предъявляется требование соответствовать Конституции [2, с. 298].

В этом смысле Конституция выступает в известной степени самодостаточным документом, существующим, как отмечает К.А. Ишеков, в едином конституционно-правовом пространстве [7, с. 8]. Именно Конституция Российской Федерации является не только политико-правовой, но и идейно-теоретической базой текущего российского законодательства. На установленных данным актом основах конституционного строя и сформирована идеологическая составляющая Российского государства.

С другой стороны, в условиях развития демократического государства огромное количество существующих идеологических постулатов различных слоев общества обуславливает необходимость провозглашения принципов идеологического многообразия. Выражение данных принципов предполагает приоритет свободы слова, свободы выражения мнения, свободы совести и вероисповедания. Они же выступают гарантиями реализации принципа верховенства прав и свобод человека. Однако вместе с тем это не означает, что идеологический плюрализм совершенно безграничен.

Для демократического общества весьма опасно расширительное толкование понятия «идеологическое многообразие», «идеологический плюрализм», переходящее в его абсолютизацию. Демократический конституционный строй должен иметь адекватные средства защиты от различных нападений. В противном случае исследуемый принцип будет неизбежно разрушен. История государства и права знает немало подобных примеров. Так, достаточно вспомнить печальный опыт Веймарской республики 1919-1933 гг., где национал-социалисты, т.е. фашисты, пришли к власти совершенно законным путем. Да и собственно путь нацистов начинался с беспрепятственного распространения фашистской идеологии [5, с. 48].

Идеологическое многообразие как неотъемлемый атрибут демократического режима находится в непосредственной взаимосвязи с другими устоями

общества и государства. Наиболее важными гарантиями реализации данного принципа являются отмена цензуры, свобода информации, издательской деятельности, преподавания, реализация принципа политического многообразия, свобода мысли и слова, свобода совести и др. Однако, как было отмечено, осуществление любой свободы имеет свои границы. Так, Конституция Российской Федерации в развитии международно-правовых актов наряду с закреплением права на свободу мысли и слова, свободу совести и других прав и свобод человека и гражданина устанавливает запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ч. 5 ст. 13), пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду и др.

Большинством современных российских правоведов идеология рассматривается как структурный элемент правосознания. Зачастую она отождествляется также с государственной или правовой идеологией. В таком положении дел можно увидеть некоторый парадокс: в теории государства и права общенаучным принципом является положение о том, что государственные и правовые явления должны рассматриваться системно, в их совокупности, и только понятия «государственная идеология» и «правовая идеология» представляются абсолютно не связанными друг с другом. Поэтому значение идеологического многообразия для демократического государства подчеркивается тем, что этот принцип непосредственно влияет на уровень правосознания.

Подводя итог вышеизложенному, отметим, что государство, характеризующееся как демократическое и правовое, вряд ли может обойтись без принципа идеологического многообразия. Более того, существование той или иной идеологии возможно лишь в рамках конституционно закрепленной правовой идеологии, сущность которой заключается в соблюдении баланса конституционных ценностей, интересов общества, государства и личности.

Литература

1. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность. М., 2000. 236 с.
2. Авакьян С.А. Конституционное право России: учеб. курс: в 2 т. М., 2012. Т. 1. 398 с.
3. Дугин А.Г. Обществоведение для граждан Новой России. М., 2007. 240 с.
4. Ермаков А.В. Современная российская государственная идеология и ее «николаевские» корни // Известия ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. 2011. № 3. С. 112-124.

5. Исаева К.М. К вопросу о содержании конституционного принципа идеологического многообразия // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. 2012. № 4. С. 48-49.
6. Ильин В.В. Аксиология. М., 2005. 454 с.
7. Ишеков К.А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти: конституционно-правовое исследование. М., 2013. 326 с.
8. Конституция РФ от 12 декабря 1993 г. (ред. от 21 июля 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
9. Невинский В.В. Юридическая конструкция правового положения человека и гражданина // Личность и государство на рубеже веков / под ред. В.В. Невинского. Барнаул, 2000. С. 32-36.
10. Цалиев А.М., Цгоев Т.В. О конституционных основах государственно-правовой идеологии в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2013. № 1. С. 135-138.
11. Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 88-89.
12. Юсубов Э.С. К вопросу о конституционной идеологии Российской Федерации // Представительная власть в Российской Федерации: история, теория, практика: мат-лы международной научно-практической конференции / под ред. И.И. Лора и Л.В. Тена. Барнаул, 2013. С. 81-84.

УДК 340.132.66

В.М. Обухов, доктор юрид. наук, профессор

Международный институт экономики и права;

С.В. Троицкий, канд. юрид. наук, член Российской ассоциации международного права

МГИМО (У) МИД России

ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ В ПРИЗМЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

В статье кратко раскрывается практика Европейского суда по правам человека по нарушению ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Ключевые слова: право на суд, доступ к правосудию, ограничения доступа к правосудию.

V.M. Obukhov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

The International Institute of Economics and Law;

S.V. Troitski, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow State Institute of International Relations (University) of the

Ministry of Foreign Affairs Russian Federation

ACCESS TO JUSTICE IN THE LIGHT OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

The article briefly reveals the Practice of the European Court of human rights on the violation of Art. 6 of the European Convention on human rights and fundamental freedoms of 1950.

Key words: right to trial, access to justice, access limitation to justice.

Право на доступ к правосудию является неотъемлемым правом любого лица в правовом и демократическом государстве и существенным элементом верховенства права. Указанное право выступает в качестве необходимого условия реализации правосудия и показателем уровня развития судебной власти в государстве [2].

Пункт 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее – Конвенция 1950 г.) закрепляет: «Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Судебное решение объявляется публично, однако, как показывает практика поведения российского судебного корпуса, пресса и зрители могут не допускаться на открытые судебные заседания в течение всего процесса или его части по необъяснимым соображениям суда, суды общей юрисдикции

не принимают иски по формальным основаниям и с грубым нарушением процессуального законодательства» [4].

Названный пункт Конвенции гарантирует каждому право на суд, которое обозначается как «право на справедливый суд» или «право на справедливое судебное разбирательство», имеет многоаспектный характер и не исчерпывается требованием о соответствии справедливого судебного разбирательства только лишь принципу справедливости процесса [3].

Доступ к правосудию является фундаментальным принципом правосудия, имеющего исключительное и процессуальное значение, тесно сопрягается с вопросами организации правосудия и организации «юридической инфраструктуры» общества в целом, поскольку все остальные принципы правосудия будут лишены смысла в том случае, если не будет реализована возможность обратиться в суд в случае возникновения любого спора и обеспечено право граждан на доступ к правосудию [22].

Практика Европейского суда по правам человека последних лет свидетельствует о том, что суд обоснованно обновил подходы к толкованию и содержанию права на суд, отмечая специфику и критерии, присущие для справедливого судебного процесса. Это связано с тем, что Европейский суд в рамках рассмотрения жалоб на нарушение права на суд часто исследует различные аспекты проведенного национального судебного разбирательства, что в конечном счете позволяет сделать умозаключение относительно соответствия этого разбирательства положениям ст. 6 Конвенции 1950 г. [1].

Одним из системных и частных нарушений положений Конвенции 1950 г. в Российской Федерации является нарушение права на доступ к правосудию, несмотря на то, что положения ст. 8 Всеобщей декларации прав человека 1948 г., ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. и ч. 1 ст. 46 Конституции РФ закрепляют право граждан на защиту своих интересов в суде, т.е. гарантируют отсутствие явных и необоснованных в правовом аспекте и технических препятствий для реализации права на рассмотрение дела в суде.

Данный аспект прямо не назван в п. 1 ст. 6 Конвенции 1950 г., однако его содержание в совокупности с фундаментальными правовыми доктринами, устанавливающими право каждого гражданина требовать судебную защиту и запрет на отказ в доступе к судебной защите, позволили Европейскому суду рассматривать доступность суда к осуществлению правосудия как одну из обязательных составляющих права на суд.

Категория «доступность суда» может рассматриваться как совокупность условий, создающих возможность для беспрепятственного обращения любого заинтересованного лица или гражданина в национальный суд для защиты своих нарушенных или оспоренных прав и свобод [8].

Первым и самым главным способом реализации доступа к правосудию является недопущение со стороны государства создания препятствий (юридического, политического, технического или иного характера), которые затрудняют или исключают возможность для граждан, лиц без гражданства и юридических лиц реализовать свое право на обращение в суд.

Явным примером в создании со стороны государства правовых препятствий для защиты в судебном порядке прав лиц, выявленных в практике Европейского суда, служит принятие и введение в действие законодательных положений, которые в своем применении влияют на результат длящегося судебного спора.

Рассматривая пример дела «М. С. и другие против Италии», заявителями обжаловано вмешательство законодательного органа, мешающее переоценивать компенсации от причиненного ущерба вследствие заражения ВИЧ, гепатитами после переливания крови. Европейский суд определил критерии, которые предопределяют исход длящегося судебного процесса. Кроме того, как указал суд, этот закон сделал неэффективными решения, вынесенные в пользу отдельных заявителей, и повлек тем самым неисполнение судебных решений, благоприятных для них [9]. Практический интерес представляет вывод Европейского суда по отношению к цели принятия рассматриваемого закона, в котором указано на несоответствие «неотложным основаниям общего интереса» при условии сохранения собственных финансовых интересов государства. Указанная цель не может оправдать вмешательство государства и указывает на нарушение принципа верховенства закона, а также права на справедливый суд [10].

Преграды технического характера, приводящие к нарушению права на суд, Европейский суд выявил в рассмотренной жалобе, в которой говорится о возвращении национальным судом в адрес заявителя искового заявления по причине того, что им был указан лишь адрес для корреспонденции, а не адрес его постоянного места проживания или жительства по причине того, что заявитель не имеет постоянного места жительства [11]. Указанные действия суда являются существенными ограничениями, препятствующими рассмотрению гражданских требований национальными судами за несоблюдение формального требования.

Важно отметить, что запрет на препятствия при обращении в суд распространяется на все судебные инстанции. В одном из решений Европейский суд указал, что ст. 6 Конвенции 1950 г. не вынуждает государства устанавливать систему апелляционных или кассационных судов, при этом государства должны гарантировать сторонам процесса право на доступ к суду [12].

Аналогичные нарушения были предметом рассмотрения жалобы «Мельник против Украины» [13], где установлено, что на основании закона сокращен срок подачи кассационной жалобы, однако на жалобу заявителя новый срок подачи был распространен необоснованно, что, безусловно, нарушает право заявителя на суд в аспекте доступа к суду.

Второй не менее важный способ реализации «доступности суда» – совершение государством необходимых и минимальных действий для создания условий для беспрепятственного обращения любого заинтересованного лица и гражданина в суд за защитой своих прав и законных интересов.

Для целей облегчения доступности суда на органы законодательной власти государства возлагается обязательство по реализации доступа к правосудию на стадии принятия дела к рассмотрению, в процессе непосредственного рассмотрения дела в суде первой инстанции, в рамках рассмотрения вышестоящим судом жалобы на решение нижестоящего суда, на стадии исполнения решения суда и в рамках производства по вновь открывшимся и новым обстоятельствам.

Указанные положения содержатся в Резолюции Комитета Министров Совета Европы (далее – Рекомендации КМСЕ) о юридической помощи и консультациях от 2 мая 1978 г. (78), Рекомендации КМСЕ о способах облегчения доступа к правосудию от 14 мая 1981 г., R(93)1 об эффективном доступе к праву и правосудию малообеспеченных слоев населения, о принципах гражданского судопроизводства, направленных на усовершенствование судебной системы от 8 января 1993 г., а также в иных международных документах, указанных в Рекомендации КМСЕ об учреждении Европейской комиссии по эффективности правосудия от 18 сентября 2002 г.

В рамках соблюдения указанных договоренностей Европейский суд указал, что при отправлении правосудия договорившиеся государства должны соблюдать и гарантировать:

1) упрощение порядка возбуждения производства по делу и ведения дела в суде, упрощение процедуры судебного разбирательства;

2) решение вопросов подсудности и подсудности исходя из правила о важности территориальной приближенности судов к месту пребывания и жительства, а также к месту нахождения лиц, обращающихся за судебной защитой, с учетом обеспечения территориальной доступности судов;

3) создание минимальной системы льгот при уплате государственной пошлины, судебных расходов и иных гарантированных выплат, связанных с участием в рамках рассмотрения дела, а также установление оснований и механизмов для освобождения от уплаты указанных расходов или уменьшения их размера [14];

4) установление оптимальных и разумных сроков рассмотрения дел в суде.

На судебные органы государства возлагается обязанность по информированию общества и заинтересованных лиц о месте нахождения и полномочиях судов, правилах и порядке обращения в суд, порядке уплаты и размерах государственной пошлины и т.д. Такого рода требования были закреплены в Рекомендации Комитета Министров Совета Европы о способах облегчения доступа к правосудию от 14 мая 1981 г.

Указанная Рекомендация предусматривает, что в самом суде может быть представлена информация общего характера: 1) нормы процессуального права (эта информация не должна содержать юридических советов по существу дела); 2) порядок обращения в суд и сроки обращения в суд; 3) предусмотренные законом требования к форме и содержанию такого обращения; 4) порядок исполнения решения суда.

В связи с этим нарушением права на суд может быть признано, помимо создания препятствий для обращения в суд заинтересованного лица, неисполнение договорившимся государством обязанности по обеспечению доступа к правосудию.

Необходимо заметить то, что Европейский суд в своей практике в последние годы исходит из того, что под понятием «суд» нельзя понимать только суд, входящий в государственную судебную систему [15]. Понятием «суд» охватываются также те органы, которые не входят в государственную судебную систему государства, но независимы от сторон спора и органов исполнительной власти, созданные на основании закона для разрешения определенных вопросов и осуществляющие свои полномочия в соответствии с установленной законом процедурой [16].

Кроме того, в практике Европейского суда получило закрепление правило, согласно которому Конвенция 1950 г. не препятствует сторонам в добровольном порядке отказаться от своих прав. При этом Европейской комиссией по правам человека признавалось, что, когда стороны выбрали для разрешения спора третейский суд, они тем самым отказались от реализации права на судебное разбирательство в национальном и государственном суде, что по сути толкования Конвенции не противоречит ст. 6 [17]. Вследствие этого выбор сторонами для рассмотрения дела третейским судом вместо государственного не рассматривается как нарушение или несоответствие Конвенции 1950 г.

Законным ограничением доступа к суду Европейский суд полагает только согласие стороны на разрешение гражданского спора в ином не установленном законом порядке. Среди ограничений доступа к правосудию выделяется возможность заинтересованного лица отказаться от реализации права на суд при гражданско-правовых отношениях. В связи с этим ограничение доступа к суду за счет свободного волеизъявления о передаче коммерческого конфликта альтернативному варианту разрешения спора – арбитражу, посреднику и т.п. – допустимо.

В то же время Европейский суд высказал интересную правовую позицию, согласно которой установление обязанности передать требование на рас-

смотрение третейских органов не отвечает основополагающим гарантиям п. 1 ст. 6 Конвенции 1950 г., а в условиях нежелания заявителя отказываться от таких гарантий является нарушением права на разбирательство дела судом [18].

В аспекте «доступности» суда право на суд не рассматривается Европейским судом как абсолютное, поскольку оно может быть ограничено, к примеру, в интересах надлежащего отправления правосудия. В частности, такие ограничения могут быть предусмотрены законом в отношении душевнобольных лиц на время их лечения, а также в других исключительных случаях, преследующих легитимную и оправданную цель правосудия. Однако устанавливаемые государством ограничения доступа к правосудию должны преследовать законную цель, учитывать баланс публичных и частных интересов и не должны абсолютно лишать лицо права на суд, наносить какой-либо ущерб самой сути этого права [5].

Например, в жалобе «Зыльков против России» [19] заявитель оспаривал решение отдела социального обеспечения Посольства Российской Федерации, расположенного в Вильнюсе (Литва), по отказу в реализации его права на получение пособия на основе законодательства России, однако получил отказ по причине того, что, как отметил национальный суд, «это компетенция литовского суда». Европейский суд в связи со сложившейся ситуацией указал, что литовский суд имеет юрисдикцию для разрешения спора между гражданином РФ и дипломатическим органом РФ, регулируемого российским законодательством. В этой связи российские суды не ссылались на какой-либо закон, указывающий на компетентность литовских судов в разрешении вопроса. Суды Российской Федерации не указали и не объяснили, почему указанный вопрос должен разрешить иностранный суд и как это соответствует принципу международного права о государственном иммунитете и принципу *par in parem non habet jurisdictionem*. Европейский суд находит интересным, что российские органы государственной власти рекомендовали заявителю обратиться в суд иностранного государства, фактически не оценив, выполнимо ли это действие при учете положений Венской конвенции о дипломатических сношениях 1969 г. либо Договора между Российской Федерацией и Литвой. Подобные действия являются отказом в правосудии, который умаляет саму сущность права на доступ к правосудию.

Другой недопустимой и незаконной формой ограничения доступа к правосудию Европейский суд посчитал невозможность войти в качестве стороны по делу не участвующему в споре, права и

законные интересы которого при этом будут затронуты судебным решением. По мнению суда, «п. 1 ст. 6 применяется не только к производству, которое ведется, на эту статью может ссылаться любой, кто считает, что имело место вмешательство в осуществление одного из его прав».

К особым случаям недопустимых ограничений доступа к правосудию Европейский суд отнес: а) отказ признавать субъектом процессуального права некоторые организации; б) отказ в отсрочке уплаты государственной пошлины; в) запрет на предоставление своих интересов в рамках гражданско-правовых споров лично, без участия адвоката; г) невыполнение обязанности государства по созданию необходимых условий доступа к правосудию: несовершенство системы юридической помощи, исполнения решений суда и т.д.; д) придание обратной силы закону об исковой давности и т.д.

При рассмотрении доступа к правосудию необходимо учитывать, что Европейский суд в своих постановлениях и решениях неоднократно обращал внимание на обязанность договорившихся государств в рамках своей юрисдикции гарантировать каждому гражданину, лицу без гражданства и иностранному лицу право на рассмотрение его дела посредством осуществления судопроизводства, имеющего элементы судебной формы контроля. В данном случае, если национальным законом установлен административный порядок разрешения споров, должно соблюдаться одно из требований:

- либо органы, принимающие первоначальное решение по вопросу о нарушениях прав или наличии обязанностей заявителя, должны соответствовать стандартам отправления правосудия [19];

- либо, если органы, принимающие первоначальное решение по вопросу о нарушениях прав или наличии обязанностей заявителя, не соответствуют стандартам отправления правосудия, то их решения должны подвергаться дальнейшему контролю со стороны судебного органа, обладающего всей полнотой полномочий и призванного обеспечить соблюдение требований п. 1 ст. 6 Конвенции [20].

В практике Европейского суда сформулирована позиция, согласно которой государство не может бесконтрольно и безоговорочно исключить из юрисдикции судов гражданские иски или освободить определенную категорию граждан от какой-либо ответственности, не нарушив принцип верховенства права и п. 1 ст. 6 Конвенции [21]. Указанная позиция распространяется в том числе и на применение судебного иммунитета государств.

Подводя итог изложенному, следует отметить, что Конвенция о защите прав человека и основных

свобод 1950 г. и Протоколы к ней ратифицированы Российской Федерацией, вступили в силу на ее территории и, следовательно, являются составной частью ее правовой системы. При этом Российская Федерация признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека и обязалась привести правоприменительную, в т.ч. судебную, практику в полное соответствие с обязательствами Российской Федерации, вытекающими из участия в Конвенции и Протоколах к ней. Конвенция и Протоколы к ней являются международными договорами Российской Федерации, и при их применении судам общей юрисдикции необходимо учитывать разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» [6], а также

в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации». Как следует из положений ст. 46 Конвенции, ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», правовые позиции Европейского суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях суда, принятых в отношении Российской Федерации, являются обязательными для судов.

Только доступ к правосудию, возможность обращения в суд являются единственным убедительным воздействием на развитие правовой системы государства и демократии.

Литература

1. Волкова О.В. Личная свобода как объект уголовно-правовой охраны // Российский следователь. 2009. № 16. С. 5-8.
2. Галиев Р.С. Нормативно-правовая основа осуществления общественного контроля за деятельностью органов местного самоуправления в городе Барнауле // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. Барнаул: БЮИ МВД России, 2014. № 12. Ч. 2. С. 76-77.
3. Глазкова М.Е., Рожкова М.А. Аспекты права на суд: новейшие тенденции // Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека: вып. 1. М.: Статут, 2015.
4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.
5. Ляхов Е.Г., Бадалина М.Б., Троицкий С.В. Некоторые вопросы международного сотрудничества государств по противодействию преступности (проблемы формирования понятийного аппарата) // Международное право. 2010. Т. 44. № 4. С. 35.
6. Международное сотрудничество в борьбе с преступностью: учебник / Р.А. Каламкарян, А.Ф. Андреев, Д.И. Самодуров, Р.С. Галиев, В.В. Руденко, С.В. Троицкий, М.Б.Р. Юсупов. М., 2016. 349 с.
7. О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 1.
8. Постановление Европейского суда по правам человека от 21 февраля 1975 г. по делу «Голдер против Соединенного Королевства».
9. Постановление Европейского суда по правам человека от 3 сентября 2013 г. по делу «М.С. и другие против Италии».
10. Постановление Европейского суда по правам человека от 22 декабря 2009 г. по делу «Сергей Смирнов против России».
11. Постановление Европейского суда по правам человека от 24 мая 2007 г. по делу «Дунаев против России».
12. Постановление Европейского суда по правам человека от 28 марта 2006 г. по делу «Мельник против Украины».
13. Постановление Европейского суда по правам человека от 22 декабря 2009 г. по делу «Безымянная против России».
14. Постановление Европейского суда по правам человека от 8 июля 1986 г. по делу «Литгоу и другие против Соединенного Королевства».
15. Постановление Европейского суда по правам человека от 3 апреля 2008 г. по делу «Риджент компани против Украины».

16. Постановление Европейского суда по правам человека о признании жалобы неприемлемой от 13 июля 1990 г. по делу «Акселссон и другие против Швеции».

17. Постановление Европейского суда по правам человека от 28 октября 2010 г. по делу «Суда против Чешской Республики».

18. Постановление Европейского суда по правам человека от 21 июня 2011 г. по делу «Зыльков против России».

19. Постановление Европейского суда по правам человека от 27 мая 2003 г. по делу «Кришан против Румынии».

20. Постановление Европейского суда по правам человека от 4 марта 2014 г. по делу «Гранде Стивенс и другие против Италии».

21. Постановление Европейского суда по правам человека от 30 января 2003 г. по делу «Кордова против Италии» (Cordova v. Italy).

22. Прохоров Ю.В. Финансовый контроль как форма государственной власти // Вестник Международного института экономики и права. 2013. № 3 (12). С. 65-72.

УДК 340.11

А.С. Селиванов

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: sas_barn2006@mail.ru

ПРОВЕРКА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ АКТОВ КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ВИД ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ

В статье исследуется категория «юридическая технология». На основе последних достижений общей теории права по данному вопросу автор приводит примеры видов юридической технологии и их классификацию. Обосновывается позиция на основе разработанных критериев выделять самостоятельный вид юридической технологии, целью которой является проверка правоприменительных актов.

Ключевые слова: правоприменительный акт, юридическая технология, правотворческая технология, правоприменительная технология, интерпретационная технология.

A.S. Selivanov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: sas_barn2006@mail.ru

VERIFICATION OF THE LAW-ENFORCEMENT ACTS AS AN INDEPENDENT TYPE OF THE JURIDICAL TECHNOLOGY

The category «juridical technology» is investigated in the article. The author gives examples of types of juridical technology and their classification on the basis of the last achievements of the general right theory on the matter. It is proved the position of allocating an independent type of juridical technology (which purpose is verification of law-enforcement acts) on the basis of the developed criteria.

Key words: law-enforcement acts, juridical technology, law-making technology, law-enforcement technology, interpretative technology.

Сравнительно недавно в профессиональный оборот вошел термин «юридическая технология». Ученые-юристы, исследуя общетеоретические вопросы реализации функций права в современном обществе, пришли к необходимости формирования понятия правового явления, которое бы описывало различные аспекты юридической практики. В.М. Баранов, С.В. Бахвалов, Н.А. Власенко, М.Л. Давыдова, А.Н. Илясов, В.Б. Исаков, В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина, К.Н. Княгинин, А.Н. Миرون, Т.Я. Хабриева и др. в той или иной мере занимались изучением данного вопроса. В их работах формулируются общие положения (понятие, признаки, структура, содержание) категории «юридическая технология», анализируются различные аспекты ее

проявления в системе правотворческой и правоприменительной деятельности.

Изучив смежные и непосредственно связанные с вопросом юридической технологии работы, мы готовы констатировать, что существует несколько подходов к пониманию названной категории и, следовательно, нет единого толкования значения термина «юридическая технология». Потребность в теоретическом обосновании существующего правового явления и многообразие точек зрения на его понятие свидетельствуют в пользу актуальности изучения категории «юридическая технология».

Анализ результатов исследования вышеуказанных авторов позволяет выделить следующие основные подходы к определению понятия юридической

технологии. В самом общем виде существуют следующие суждения:

1. Юридическая технология включена в структуру более сложного правового явления («юридическая техника»), выступая как обслуживающий юридическую технику элемент [6, с. 65].

2. Юридическая технология и юридическая техника – взаимодействующие категории (без поглощения одного понятия другим) [2, с. 152].

3. Юридическая технология включает в свою структуру юридическую технику, тем самым превосходя и подчиняя последнюю [3, с. 46].

Каждое направление вполне обосновано, и авторы, его развивающие, приводят веские аргументы в подтверждение своей точки зрения. Однако новаторской идеей является третья позиция, за которой, по нашему мнению, будущее. В связи с этим в процессе изучения понятия «юридическая технология» следует учитывать ее триединый характер, статические и динамические характеристики, одновременную связь с абстрактной моделью поведения (нормой права) и ее воплощением в поведении конкретных субъектов (правоотношением). В рамках данной статьи попытаемся охарактеризовать один из видов юридической технологии, тем самым несколько прояснить общую теорию указанного явления.

Традиционно деление юридической технологии происходит в зависимости от характера, способов преобразования общественных отношений, являющихся видами юридической практики: на правотворческую, правоприменительную, интерпретационную и др. [2, с. 19]. В основу классификации положен критерий вида юридической практики, в зависимости от которой выделяется соответствующая юридическая технология.

Есть мнение, что к перечисленным видам юридической технологии необходимо добавить «научно-прикладную (доктринальную)» технологию [1, с. 9]. Восприятие юридической технологии как науки, системно обобщающей знания о средствах, способах и методах эффективной и планомерной юридической практики, позволяет более детально уяснить природу, сущность, назначение её процедур и процессов.

С целью выявления специфики каждого вида возможно проведение более глубокого дробления. Например, В.И. Червонюк и И.В. Гойман-Калинский утверждают, что «законодательные технологии многообразны: по содержанию они подразделяются на технологии согласования интересов, их лоббирования, технологии продвижения законодательных инициатив, блокирования законопроектов и др.» [7, с. 34].

Интерпретация как технология тоже может быть представлена в виде синтетической конструкции, включающей в себя следующие разновидности:

1. Юридически значимая интерпретация жизненных событий и индивидуальных юридических актов:

1.1. Юридическая квалификация фактических обстоятельств. Это поиск юридической конструкции, адекватной событию.

1.2. Интерпретация индивидуальных юридических актов. Это толкование заявлений, договоров, завещаний.

2. Интерпретация текстов правовых норм:

2.1. Дискреционно-типовая интерпретация правовых норм. Этот вид интерпретационной деятельности осуществляется в ходе конкретных судебных разбирательств на основе судебных усмотрений, результаты которых закрепляются в правоприменительной традиции.

2.2. Прескриптивно-эталонная интерпретация правовых норм. Этот вид интерпретационной деятельности связан с официальным толкованием текстов норм. Примером могут послужить интерпретационные акты Конституционного Суда, в которых излагаются правовые позиции, легитимирующие толкование Конституционным Судом конституционно-правового смысла тех или иных норм. Эти правовые позиции выполняют как легитимирующую, так и эвристическую роль [5, с. 20].

Н.А. Власенко в ряду с другими технологиями в зависимости от юридической практики пишет о правоприменительной технологии. Указывает на возможность разделения последней на подвиды в зависимости от субъекта: судебная, следственная, нотариальная, договорная технология, а также используя критерий этапа правоприменения: технология подготовки и принятия подзаконного ненормативного правового акта [1, с. 9].

Считаем, что перечисление видов технологий, входящих в структуру правоприменения в зависимости от этапа, остается неполным. Неохваченным остался этап проверки правоприменительного акта. По нашему мнению, логичным является включение проверки правоприменительных актов как подвида правоприменительной технологии. По аналогии, например, с законодательной технологией, которая подразделяется на технологии согласования интересов, их лоббирования, технологии продвижения законодательных инициатив, блокирования законопроектов и др.

В чем же заключается ценность дробления технологий на подвиды? Полагаем, что обоснование наличия частных (специальных) технологий, разложение их на самостоятельные элементы – это имен-

но тот путь, который позволит индуктивно понять генеральную (основную) технологию. Кроме того, выявленные существенные отличия между элементами частных технологий могут являться индикаторами для последующего их совершенствования, выбора оптимальных приемов. Также это позволит последовательно и менее трудоемко создавать новые частные технологии, так сказать «не с нуля».

Промежуточным выводом может считаться предположение о том, что юридическая технология проверки правоприменительных актов – это разновидность юридической технологии, она имеет прямую связь с правоприменительной технологией, поэтому ей присущи основные признаки, характерные для любой юридической технологии, и признаки правоприменительной технологии в частности.

Рассуждая об изучаемом виде технологии, отметим, что властный орган (должностное лицо), реализующий свои полномочия, и частный субъект (физическое или юридическое лицо) находятся в отношениях власти и подчинения, обязанное лицо должно исполнять требования публичного субъекта, а законность требований (актов, действий, бездействия) органа власти презюмируется.

Предположение о незаконности правоприменительного акта сталкивается с презумпцией законности поведения органов публичной власти и их должностных лиц. В свою очередь, указанное предположение только усиливает подозрения в недобросовестности поведения или незаконности правоприменительного акта. Такую закольцованность можно преодолеть только перенаправлением энергии противостоящих субъектов, образующих диалектическое единство и борьбу противоположностей как источник самодвижения и саморазвития в целях совершенствования правоприменительных актов.

Управлять энергией, рождающейся из описанной борьбы, возможно только комплексно. Для этого необходимо на научной основе обобщить в единую систему правила поведения, закрепленные в широком перечне нормативных актов, с целью охвата различных проявлений юридической технологии проверки правоприменительных актов.

Предложенный общий подход имеет право на существование, подтверждение тому – правила, которые закреплены в различных нормативных источниках и предполагают специальный порядок проверки правоприменительных актов.

Примером будут в первую очередь процессуальные кодексы: АПК РФ, ГПК РФ, КАС РФ, УПК

РФ, в них закреплена процессуальная форма реализации юридической технологии проверки правоприменительных актов. Иные источники: ГК РФ, КоАП РФ, НК РФ, некоторые федеральные законы, регулирующие возможность проверки правоприменительных актов: Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и др., содержат лишь частные правила, которые применяются в зависимости от предмета проверки. Подзаконные нормативные правовые акты, издаваемые на основе и во исполнение законов, составляют значительный массив специального законодательства, которое регулирует отношения в сфере правоприменения. Они принимаются с целью конкретизации и дополнений нормативных положений законов и не могут им противоречить.

Различные источники, закрепляя приемы, процедуры и процессуальные правила проверки, имеют общие закономерности, касающиеся режима, принципов, приемов и способов этой проверки. Эти правила, по своей сути, являются технологическими особенностями, которые призваны соблюсти баланс частных и публичных прав, гарантированный межотраслевыми и отраслевыми принципами.

Названный вид технологии необходимо понимать в трех аспектах: во-первых, совокупность правовых норм, устанавливающих возможные способы проверки правоприменительных актов; во-вторых, как правоотношение участников технологии, реализующих свои права и обязанности; в-третьих, как институт теоретико-правового направления, изучающий закономерности проверки правоприменительных актов, задачей которого является оптимизация механизмов осуществления указанной деятельности.

Изложенное убеждает нас в том, что можно говорить о юридической технологии проверки правоприменительных актов в системе видов юридических технологий. Она содержит нормативно закрепленную совокупность средств, приемов, способов проверки правоприменительных актов, комбинация применения которых может различаться в зависимости от определенной участниками стратегии, примененной тактики и процедурно-процессуальной формы.

Литература

1. Власенко Н.А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. Иркутск: Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. 144 с.

2. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010. С. 151-167.
3. Карташов В.Н. Юридические технологии – перспективные направления исследований в современной науке // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 46-50.
4. Краснов Ю.К., Надвикова В.В., Шкатулла В.И. Юридическая техника: учебник. М.: Юстицинформ, 2014. 536 с.
5. Малинова И.П. Интерпретационная деятельность в праве (методологические основания и систематизация) // Российский юридический журнал. 2011. № 1. С. 18-25.
6. Миронов А.Н. Юридическая технология // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 63-66.
7. Червонюк В.И., Гойман-Калинский И.В. Согласование интересов как вид современных законодательных технологий // Государство и право. 2004. № 8. С. 34-35.

УДК 340.132:351.74

А.М. Шаганян, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: Sha-anneta@mail.ru

К ВОПРОСУ О ГАРАНТИЯХ СОЦИАЛЬНОЙ И ПРАВОВОЙ ЗАЩИЩЕННОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье рассматривается понятие гарантий социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел как условий, способствующих надлежащей реализации их прав и свобод. Проведен анализ существующих гарантий правовой и социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел, закрепленных в нормативных правовых актах в настоящее время, а также осуществлено сравнительное исследование с гарантиями, содержащимися в Законе РФ «О милиции» и в «Положении о службе в органах внутренних дел». В статье автор приходит к выводу о необходимости соблюдения принципа соразмерного соотношения гарантий правовой и социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел и мер ответственности за совершение правонарушений.

Ключевые слова: гарантии, сотрудники органов внутренних дел, права, свободы, социальная защищенность, правовая защищенность.

A.M. Shaganyan, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Sha-anneta@mail.ru

ABOUT THE GUARANTEES OF SOCIAL AND LEGAL PROTECTION OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS

The article discusses the concept of guarantees of social and legal protection of police officers as the conditions conducive to the proper exercise of their rights and freedoms. The analysis of existing guarantees of legal and social protection of police officers assigned to the normative legal acts in the present, as well as a comparative study carried out with the guarantees contained in the Law of the Russian Federation «On Militia» and «Regulation on Service in Internal Affairs Bodies». The author concludes that there is a need to respect the principle of proportionality ratio guarantees of legal and social protection of employees of the Internal Affairs and the sanctions for offenses.

Key words: guarantee, law enforcement officers, rights, freedom, social security, legal protection.

Термин «гарантия» или «гарантии» используется практически каждой современной наукой, предметом которой является изучение взаимодействия личности и общества. Социология, экономика, политология, юриспруденция вкладывают разное содержание в определение указанного термина, однако сходятся во мнении, что без гарантий не возможна качественная реализация личности в публичной сфере жизнедеятельности общества.

В юриспруденции гарантии рассматриваются как система социальных, экономических, полити-

ческих, нравственных, юридических, организационных предпосылок, условий, средств, способов, призванных обеспечить абсолютно равные возможности каждой личности для реализации своих прав, свобод и законных интересов.

Актуальность темы социальной и правовой защищенности различных групп населения обусловлена прежде всего закреплением в Конституции Российской Федерации положения о том, что Россия является правовым и социальным государством, политика которого направлена на создание условий,

обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [2]. Многие российские ученые исследовали проблемы гарантий социальной и правовой защищенности личности, в т.ч. такой категории граждан, как сотрудники органов внутренних дел [1].

На легальном уровне Трудовой кодекс Российской Федерации определил, что гарантии – это средства, способы и условия, с помощью которых обеспечивается осуществление предоставленных сотрудникам, военнослужащим, федеральным государственным служащим и работникам прав в области социально-трудовых отношений [8]. Безусловно, в системе условий и средств защиты прав и свобод человека и гражданина, в т.ч. сотрудников органов внутренних дел, важное место принадлежит гарантиям социальной и правовой защищенности, которые, помимо прочего, обеспечены силой государственного принуждения.

Именно закрепленные в нормативных правовых актах средства, способы, специальные меры призваны непосредственно обеспечить реализацию и защиту правовых норм, устанавливающих права, свободы и обязанности сотрудников органов внутренних дел, удовлетворить их законные интересы и возможность использования благ, лежащих в основе того или иного права или свободы.

Безусловно, гарантии социальной и правовой защищенности многочисленны и весьма разнообразны. Однако большинство из них должен объединять один общий признак – формальная определенность.

Таким образом, основополагающие, базовые гарантии социальной и правовой защищенности нашли свое отражение в Конституции Российской Федерации. Так, Основной Закон гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45) [2]. Это общее правило устанавливает обязанность государства различными правовыми средствами обеспечивать защиту прав и свобод личности, осуществлять их правомерное регулирование.

Наиболее общей гарантией социальной и правовой защищенности, имеющей наивысшую юридическую силу, является сам конституционный строй, основанный на неуклонном соблюдении Конституции Российской Федерации, на неотчуждаемом естественном праве и общепризнанных принципах международного права. Эта наивысшая юридическая гарантия трансформируется Конституцией Российской Федерации в систему определенных прав граждан и обязанностей государства по обеспечению прав и свобод, сформулированных в главе второй «Права и свободы человека и гражданина» Конституции Российской Федерации [2].

Так, вторая глава Конституции Российской Федерации провозглашает право каждого на жилище, государственную пенсию и социальные пособия, социальное страхование и создание дополнительных форм социального обеспечения, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также другие виды социальной защиты, определяет механизм реализации прав граждан. Статья 7 закрепляет общее положение об обеспечении в Российской Федерации гарантий социальной защиты [2]. Пункт «ж» части первой статьи 72 устанавливает, что социальная защита находится в совместном ведении Российской Федерации и ее субъектов [2].

Сформулированные в Конституции Российской Федерации положения означают нацеленность государства в лице государственных органов и должностных лиц на обеспечение прав человека, а институтов гражданского общества – на осуществление контроля над их правомерной реализацией.

Помимо Конституции Российской Федерации, гарантии социальной и правовой защищенности зафиксированы в различных нормативных правовых актах, в т.ч. регламентирующих деятельность лиц, наделенных специальным (видовым) правовым статусом.

В соответствии с системой нормативных правовых актов в Российской Федерации гарантии социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел содержатся в ряде федеральных законов Российской Федерации и подзаконных нормативных правовых актах.

Например, глава 9 Федерального закона от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5] закрепляет следующие основные гарантии социальной защиты сотрудников органов внутренних дел: оплата труда; жилищное, медицинское, санаторно-курортное и пенсионное, а также вещевое и продовольственное обеспечение. Безусловно, заслуживают внимания юридические гарантии, связанные с увольнением со службы в органах внутренних дел, обязательным государственным страхованием жизни и здоровья сотрудника органов внутренних дел.

Следует отметить, что впервые гарантии социальной защищенности сотрудников органов внутренних дел получили закрепление и развитие на федеральном уровне в отдельном нормативном правовом акте – Федеральном законе от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

В частности, указанный федеральный закон содержит следующие гарантии социальной защищенности: денежное довольствие сотрудников; пособия и другие денежные выплаты в связи с прохождением службы в органах внутренних дел и увольнением со службы в органах внутренних дел; единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения; предоставление жилого помещения в собственность либо по договору социального найма; предоставление жилых помещений специализированного жилищного фонда, а также денежная компенсация за наем (поднаем) жилых помещений; предоставление жилых помещений сотрудникам, замещающим должность участкового уполномоченного полиции; денежные компенсации расходов на оплату коммунальных и иных услуг исключительно членам семьи сотрудника, погибшего (умершего) вследствие увечья или иного повреждения здоровья, полученных в связи с выполнением служебных обязанностей либо вследствие заболевания, полученного в период прохождения службы в органах внутренних дел. Продублированы гарантии на медицинское обеспечение и санаторно-курортное лечение. Получили закрепление меры социальной поддержки членов семей сотрудников, погибших (умерших), пропавших без вести при выполнении служебных обязанностей [6]. Следует отметить негативную тенденцию перманентного редактирования практически всех федеральных законов Российской Федерации, несмотря на относительно недавнее принятие. Так, рассматриваемый федеральный закон редактировался с момента опубликования шесть раз, причем в 2014 и 2016 гг. по два раза. Подобная практика способствует возможности неверной интерпретации положений законов и, как следствие, проблематичности их реализации.

Перечень социальных и правовых гарантий защищенности сотрудников органов внутренних дел не исчерпывается мерами, содержащимися в названных нормативных правовых актах. Рядом иных федеральных законов, а также указами Президента Российской Федерации и постановлениями Правительства Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации для сотрудников органов внутренних дел установлены дополнительные гарантии социальной защищенности. Например, Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», который, в частности, определяет государственную политику в области социальной защиты инвалидов в Российской Федерации, целью которой является обеспечение инвалидам равных с другими гражданами воз-

можностей в реализации гарантированных Конституцией прав и свобод.

К сожалению, сегодня практически не сохранились гарантии социальной и правовой защищенности сотрудников милиции, установленные законом «О милиции», который предусматривал гораздо более широкий их перечень. В результате масштабного реформирования системы органов внутренних дел законодатель значительную часть гарантий монетизировал, включив их стоимость в состав денежного довольствия сотрудников органов внутренних дел без их ежегодного индексирования. Кроме того, анализируя нормы ФЗ «О социальных гарантиях и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], можно с уверенностью сказать, что законодатель в большей мере позаботился о социальной защищенности лишь членов семьи погибшего сотрудника.

Ратифицировав международный Пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Российская Федерация приняла на себя обязательства обеспечить любому лицу, права и свободы которого нарушены, эффективные средства правовой защиты. Соответственно, при наличии угрозы посягательства на жизнь, здоровье или имущество сотрудника органов внутренних дел, членов его семьи в целях воспрепятствования законной деятельности сотрудника либо принуждения его к изменению ее характера, а также из мести за указанную деятельность обеспечивается государственная защита в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Кроме того, гарантии именно правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел и порядок их реализации определены Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» [4].

Например, ст. 30 указанного закона закрепила следующие положения:

Сотрудник полиции, выполняя обязанности, возложенные на полицию, и реализуя права, предоставленные полиции, выступает в качестве представителя государственной власти и находится под защитой государства.

Государственная защита жизни и здоровья, чести и достоинства сотрудника полиции и членов его семьи, а также имущества, принадлежащего ему и членам его семьи, от преступных посягательств в связи с выполнением служебных обязанностей осуществляется в порядке, установленном законодательством Российской Федерации.

Меры государственной защиты применяются также в отношении близких родственников сотрудника полиции, а в исключительных случаях – в отношении иных лиц, на жизнь, здоровье и имущество которых совершается посягательство в целях

воспрепятствования законной деятельности сотрудника органов внутренних дел либо принуждения к изменению ее характера, а также из мести за указанную деятельность.

Конечно, специально жизнь, здоровье, репутация, честь и достоинство сотрудника органов внутренних дел в качестве объекта преступления не выделены в Уголовном кодексе Российской Федерации ни в одном из составов преступлений, но как представители власти лица, осуществляющие служебную деятельность, могут выступать потерпевшими в составах, предусмотренных ст. 317-320, 294-296, 298.1, п. «б» ч. 2 ст. 105 УК РФ [9].

Кроме того, гарантии правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел осуществляются также нормами Общей части российского уголовного закона. В частности, на это направлены обстоятельства, исключающие преступность деяния, например, в случае причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, необходимой обороне или исполнении приказа или распоряжения.

Следует отметить, что законодательство ряда зарубежных стран закрепляет значительные гарантии правовой защищенности именно сотрудников полиции (милиции). Например, ст. 125.7 Уголовного кодекса штата Нью-Йорк устанавливает повышенную уголовную ответственность за посягательство на жизнь и здоровье сотрудника полиции [3, с. 47]; параграф 113 Уголовного кодекса Германии содержит норму, криминализирующую противодействие должностному лицу, которое назначено исполнять законы, правовые предписания [10]; в Англии убийство сотрудника полиции наказывается пожизненным лишением свободы [11, с. 12]; ст. 350 Уголовного кодекса Республики Молдова предусматривает ответственность за посягательство на жизнь сотрудника полиции или иного работника органов внутренних дел [12, с. 323]; ст. 362 Уголовного кодекса Республики Беларусь закрепляет ответственность за убийство работника милиции [13, с. 397].

Изложенное свидетельствует о корреальности законодательной мысли большинства государств о необходимости установления значительных гарантий правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел.

Тем не менее, несмотря на имеющиеся гарантии правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел в Российской Федерации, зачастую возникают трудности с доведением возбужденных уголовных дел по указанным составам преступлений до обвинительного приговора суда.

Кроме того, параллельно с закреплением гарантий правовой защищенности сотрудников органов

внутренних дел действующее законодательство определяет правовой статус самого сотрудника органов внутренних дел как специального субъекта ряда преступлений. Помимо этого, законодатель предусмотрел специальный вид отягчающего наказания обстоятельства – совершение умышленного преступления сотрудником органа внутренних дел (п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ). Введение этой нормы в Уголовный кодекс Российской Федерации состоялось относительно недавно, но сразу вызвало критику со стороны научного сообщества. Большинство справедливых замечаний касается несоответствия п. «о» ч. 1 ст. 63 УК РФ [9] конституционному принципу равенства перед законом и судом, поскольку сотрудники иных правоохранительных органов (например, ФСБ, ФСИН, прокуратуры) остаются в привилегированном положении по отношению к сотрудникам органов внутренних дел. При этом критиками не отрицается сама идея установления специального отягчающего обстоятельства при совершении сотрудником органа внутренних дел умышленного преступления, что также подчеркивает специфику правового статуса последних.

Аналогичное специфическое правовое положение сотрудников органов внутренних дел отмечает также Конституционный Суд Российской Федерации, указывая, что на них «возложена исключительная по своему объему и характеру – даже в сравнении с сотрудниками иных правоохранительных органов – ответственность по защите жизни и здоровья граждан, противодействию преступности и охране общественного порядка» [7].

При этом механизм правового регулирования деятельности сотрудников органов внутренних дел должен прежде всего строиться на принципе соразмерного соотношения усиления гарантий их социальной и правовой защищенности и существующих мер ответственности за совершение правонарушений. Соблюдение данного принципа призвано обеспечить эффективную деятельность сотрудников органов внутренних дел, с одной стороны, и исключить чрезмерное правовое воздействие на них, с другой стороны. Следует также исходить из того, что п. 4 ч. 3 ст. 4 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплено, что ограничение прав и свобод человека и гражданина в отношении сотрудника органов внутренних дел допускается федеральным законом в той мере, в какой это необходимо для выполнения задач, связанных с защитой основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, и для обеспечения безопасности государства.

Все это говорит о том, что соблюдение баланса гарантий социальной и правовой защищенности с мерами ответственности применительно к сотрудникам органов внутренних дел является залогом максимальной результативности их деятельности.

Литература

1. Анохина С.Ю. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел: вопросы теории: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 224 с.
2. Конституция Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
3. Никифоров А.С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. 60 с.
4. О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2011. № 25.
5. О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 5 декабря 2011 г. (с изм. от 01.01.2016) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
6. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (№ 1). Ст. 4595.
7. По запросу Лабытнангского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа о проверке конституционности пункта «о» части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 декабря 2011 г. № 1623-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Российская газета. 2001. № 256.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
10. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Особенная часть. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944,100103618,100103714#text> (дата обращения: 07.07.2016).
11. Уголовное право зарубежных государств: учеб. пособие / под ред. И.Д. Козочкина. М., 2004. 560 с.
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 603 с.
13. Уголовный кодекс Республики Молдова. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2001. 580 с.

Административное право и административный процесс

УДК 340.132:351.74

Ю.В. Анохин, доктор юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: anohin1963@rambler.ru;

С.Ю. Анохина, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: asy0801@rambler.ru

ПРАВОВАЯ ЗАЩИЩЕННОСТЬ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ КАК ГАРАНТИЯ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ИХ ПОЛНОМОЧИЙ

В статье раскрывается смысл правовой защиты и защищенности сотрудников полиции, а также с общеправовых позиций проводится анализ проблем, возникающих в правоприменительной практике сотрудников полиции при выявлении и пресечении административных правонарушений, что не позволяет им в полной мере ощутить правовую защищенность при исполнении своих служебных обязанностей.

Ключевые слова: правовая защищенность, сотрудник полиции, гарантии законности, нормативное регулирование, выявление и пресечение административного правонарушения.

Yu. V. Anokhin, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: anohin1963@rambler.ru;

S. Yu. Anokhina, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: asy0801@rambler.ru

LEGAL PROTECTION OF POLICE OFFICERS AS A GUARANTEE OF SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THEIR POWERS

The article reveals the meaning of legal protection and security of police officers. From general legal positions the authors also carry out an analysis of problems which arise in the law enforcement practice of police officers in identifying and suppressing of administrative offenses when police officers do not feel legal protection in the performance of their official duties.

Key words: legal protection, police, guarantees of legality, regulation, detection and suppression of administrative offenses.

Проблемы правовой защищенности сотрудников полиции в настоящее время имеют весьма актуальное значение в правоприменительной деятельности.

В связи с этим формирование и совершенствование соответствующего правового механизма реализации правовой защиты и защищенности объективно

необходимы. Однако, несмотря на это, приходится констатировать, что на пути создания правовых и организационных средств правовой защиты сотрудников полиции имеется достаточно много проблем, решить которые государство в полной мере пока не может.

Таким образом, четко сформулированная в нормативных актах и осуществляемая правовая защита обеспечивает правовую защищенность сотрудников органов внутренних дел в целом и сотрудников полиции в частности. При этом необходимо отметить высокую степень защиты сотрудника полиции, которая характеризуется предоставлением ему широких, установленных нормативными правовыми актами прав и наличием эффективного механизма (сил, способов, средств) воплощения их в действительность, в целях эффективной деятельности данных сотрудников, а также повышение престижа службы в органах внутренних дел [1, с. 115-116]. Вместе с тем стоит отметить, что правовая защита означает создание на федеральном уровне необходимых условий для нормальной оперативно-служебной деятельности сотрудников органов внутренних дел при неукоснительном соблюдении каждым законодательства Российской Федерации [1, с. 78].

Что касается анализа термина «правовая защита», то в юридической литературе достаточно часто правовая защита понимается как деятельность органов, направленная на восстановление нарушенных прав и законных интересов. Однако нельзя не согласиться с мнением Н.В. Витрука [4, с. 361] и А.В. Стремоухова [13, с. 17], которые рассматривают правовую защиту как деятельность компетентных органов, направленную на устранение препятствий в реализации правового статуса личности, восстановление нарушенных прав и обязанностей и наказание виновных за правонарушение, а также деятельность самого лица, т.е. самозащиту прав. Вместе с тем не лишено логики мнение Е.Ю. Чумаровой, которая под правовой защитой сотрудников полиции понимает «совокупность юридических средств, обеспечивающих инициативное, законное и беспрепятственное осуществление сотрудниками органов внутренних дел служебных обязанностей и поддержание их статуса как авторитетных представителей государственной власти» [12, с. 8]. С нашей точки зрения, по своему содержанию правовая защита сотрудников органов внутренних дел представляет собой деятельность государства и должностных лиц по созданию комплекса юридических средств и условий, направленных не только на предотвращение ущемления прав сотрудников полиции, а в случае нарушения их восстановление [1, с. 113], но и на выработку механизма реализации

норм права при исполнении сотрудниками полиции своих полномочий, в частности по выявлению или пресечению административных правонарушений. Это обуславливает высокую степень защиты данного сотрудника, которая характеризуется предоставлением ему широких, установленных нормативными правовыми актами прав и наличием эффективного механизма (сил, способов, средств) воплощения их в действительность в целях эффективной деятельности данных сотрудников полиции, а также повышение престижа службы в органах внутренних дел [1, с. 115-116].

Проблемы, возникающие в данной сфере, постоянно привлекают внимание юристов, ученых и практиков. В современных условиях развития общества возникает необходимость совершенствования правовой защиты и защищенности сотрудников полиции.

Немаловажной проблемой в данной сфере является недостаточная забота государства о надлежащем обеспечении правового регулирования в данной сфере деятельности сотрудников полиции. Это в первую очередь касается правоприменения в административно-юрисдикционной деятельности сотрудников полиции.

Вряд ли можно сегодня назвать стабильной ситуацию в выявлении и пресечении административных правонарушений сотрудниками полиции, например, в ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» и 20.21 КоАП РФ «Появление в общественных местах в состоянии опьянения». В правоприменительной практике возникает множество споров по следующим направлениям квалификационных признаков данных деяний. Во-первых, это понятие «общественного места». Данное понятие нормативно урегулировано только по отдельным составам административных правонарушений, например, таких как ч. 1 ст. 20.20 КоАП РФ [8, ст. 16], ст. 6.24 КоАП РФ [10, ст. 12], и не может быть отнесено к общеприменительному содержанию понятия «общественное место» для других видов административных правонарушений. Это, в свою очередь, влечет разногласие в толковании данного понятия между сотрудниками полиции и гражданами (в первую очередь), а также между сотрудниками полиции, судьями и сотрудниками прокуратуры, поэтому в отдельных случаях могут возникать юридические коллизии, и окончательный вердикт в том или ином деле выносит суд на основании собственных суждений. Это не совсем положительно влияет на факт законного привлечения лица, совершившего административное правонарушение, к административной ответственности, т.к. нечетко определен квалифицирующий признак – место [12, с. 10].

Кроме того, ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» содержит ряд терминов, которые, как и понятие «общественное место», не имеют общего нормативного толкования. К данным случаям можно отнести такие, как «нецензурная брань», «оскорбительное приставание к гражданам».

Понятие «нецензурная брань» до сих пор, к сожалению, не имеет нормативного закрепления. Данное суждение поддерживается и другими авторами, что позволяет воспринимать те или иные слова объективно (независимо от субъективного к ним отношения), определив их цензовый уровень и значение. Полемика по данному поводу в принципе не существенна, если не затрагивается проблема отграничения нецензурных выражений от других неприличных форм употребления слов, которая относится к сфере филологического, нежели юридического знания. Может быть, поэтому Верховный Суд Российской Федерации в своих официальных разъяснениях не дает определения нецензурной брани [6, с. 24].

На наш взгляд, понятие «оскорбительное приставание к гражданам» нуждается в осмыслении и обобщении со стороны как ученых, так и законодательных органов. Несомненно, заслуживают внимания следующие точки зрения ученых. Так, доктор юридических наук М.Е. Труфанов отмечает, что оскорбительное приставание к гражданам характеризуется дерзкими, навязчивыми действиями хулигана, наносящими моральный или физический вред незнакомому ему лицу, несмотря на его противодействие, является устоявшимся и служит основой для юридической квалификации данной формы мелкого хулиганства [14, с. 262]. О.А. Дизер и О.Ю. Филиппов считают, что «в качестве оскорбительного приставания следует расценивать следующие действия: назойливое хватание за одежду; ведение разговоров непристойного характера; непристойные жесты; обнажение половых органов; плевки; прикосновение к интимным местам, толкание; преграждение дороги; загораживание выхода; умышленное пускание табачного дыма в лицо и другие действия, стесняющие чью-либо волю» [5, с. 143].

При этом возникает вопрос, а как быть с остальными противоправными деяниями, совершаемыми гражданами в виде непристойного поведения в общественных местах, например, таких как: справление естественных надобностей в общественных местах (данное деяние во многих субъектах Российской Федерации перестало признаваться административным правонарушением, хотя несет в себе явное аморальное поведение и неуважение к обществу); «демонстративные плевки» и многие другие

действия, которые сопряжены с недостойным, безнравственным поведением людей.

Изложенные проблемы правового регулирования свидетельствуют о недостаточном внимании законодателя к разрешению возникших коллизий.

Мы предлагаем изложить ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ «Мелкое хулиганство» в следующей редакции:

«Статья 20.1. Мелкое хулиганство

1. Нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах и другими подобными действиями, нарушающими общественный порядок –

влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи рублей до одной тысячи пятисот рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток».

Обновление норм законодательства приносит желаемый успех только в том случае, когда выработан механизм реализации данных норм.

Нельзя сказать, что в административно-правовом обеспечении нормативного регулирования вопросам пресечения административных правонарушений сотрудниками полиции уделялось достаточное внимание. Так, при пресечении административного правонарушения данные сотрудники имеют право применять меры административного принуждения, в частности меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении в виде доставления.

К таким, например, можно отнести *доставление*, под которым в соответствии со ст. 27.2 КоАП РФ понимается принудительное препровождение физического лица в целях составления протокола об административном правонарушении при невозможности его составления на месте выявления административного правонарушения, если составление протокола является обязательным.

Необходимо особо обратить внимание на то, что единственной целью *доставления* является необходимость составления именно протокола об административном правонарушении. И эта цель в обязательном порядке должна быть отражена в протоколе доставления (в случае если данный протокол составляется). Вместе с тем невозможность составления сотрудником полиции протокола об административном правонарушении на месте совершения административного правонарушения должна быть обусловлена юридическим основанием (которое отсутствует в ст. 27.2 КоАП РФ). Например, им может быть: 1) если лицо, совершившее административное правонарушение, находится в состоянии опьянения; 2) если лицо оказывает неповиновение или сопротивление сотруднику

полиции при пресечении им административного правонарушения; 3) если сотрудник полиции, выявив административное правонарушение, не уполномочен (по данному составу противоправного деяния) составлять протокол об административном правонарушении [12]; 4) в целях обеспечения своевременного рассмотрения дела, если санкцией за содеянное предусмотрен административный арест или административное выдворение иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы территории Российской Федерации (например, ст. 18.8, 20.1, 20.21 КоАП РФ); 5) если у лица, совершившего административное правонарушение, отсутствует документ, удостоверяющий его личность [11]; 6) если лицо, совершившее административное правонарушение, является иностранным гражданином (в целях предоставления переводчика) [3, с. 29-30].

Перечисленные правовые основания, на наш взгляд, не позволяют сотрудникам полиции беспричинно ограничивать права и свободы граждан, которые в соответствии со ст. 2 Конституции РФ являются высшей ценностью в нашем государстве.

Сотрудники органов внутренних дел в целом и сотрудники полиции в частности занимают особое место среди субъектов правовой защиты. В связи с этим государство неслучайно определило повышение роли правовой защиты и поддержки сотрудников полиции. Однако сегодня говорить о том, что административно-правовой механизм правовой защиты и защищенности сотрудников полиции эффективно работает, а их меры полностью достигают своей цели, пока нельзя. Не вызывает сомнений, что правовая защищенность данных сотрудников самым непосредственным образом связана с престижностью службы, а также эффективным выполнением возложенных на них задач и функций.

Литература

1. Анохина С.Ю. Социальная и правовая защищенность сотрудников органов внутренних дел: теоретические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
2. Анохина С.Ю. Особенности выявления и пресечения административных правонарушений участковыми уполномоченными полиции // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы пятнадцатой международной науч.-практ. конф-ции / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 1. С. 9-11.
3. Анохина С.Ю. Механизм привлечения к административной ответственности участковыми уполномоченными полиции: учебное пособие. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015.
4. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.
5. Дизер О.А., Филиппов О.Ю. Мелкое хулиганство: ошибки толкования и применения нормы, предусматривающей ответственность // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32).
6. Иваненко Ю.Г. О гражданско-правовой защите чести, достоинства и деловой репутации // Законодательство. 1998. № 12.
7. Михайлюк П.А. К вопросу о совершенствовании социальной защиты сотрудников органов внутренних дел // Административное и муниципальное право. 2010. № 12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В идеале меры правовой защиты должны компенсировать сложность и напряженность службы в органах внутренних дел, стимулировать служебную деятельность сотрудников. В действительности же те правовые гарантии, которые закреплены в нормативных правовых актах, используются сотрудниками полиции далеко не в полном объеме из-за их несовершенства.

Подобное положение дел, разумеется, не может в полной мере стимулировать служебную деятельность сотрудников полиции, и, как следствие этого, мы наблюдаем систематические и циничные факты нарушения законности, прав граждан, а также различного рода коррупционные правонарушения со стороны сотрудников органов внутренних дел [7].

В этой связи именно для создания современных органов полиции, повышения престижности правоохранительной службы в органах внутренних дел необходимо формирование соответствующего административно-правового механизма правовой защиты сотрудников полиции. Закрепление правовых гарантий для сотрудников органов внутренних дел, а также формирование правового, организационного и финансового механизма их реализации должны внести свой вклад в дело повышения престижности службы и обеспечения законности в административной, процессуальной и оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел.

Основополагающей целью правовой защиты и защищенности сотрудников органов внутренних дел, определяющей ее основные направления, является формирование высокопрофессионального, стабильного и оптимально сбалансированного кадрового состава органов внутренних дел, наиболее полно соответствующего современным требованиям и способного эффективно решать те задачи, которые поставлены перед органами внутренних дел.

8. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О полномочиях должностных лиц системы МВД России по составлению протоколов об административных правонарушениях и административному задержанию [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 5 мая 2012 г. № 403. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 февраля 2013 г. № 15-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

11. Об утверждении образцов и описания бланков основных документов, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации за пределами Российской Федерации: этим документом является паспорт гражданина, но допустим любой документ, содержащий в себе фотографию данного лица с печатью организации, выдавшей данный документ [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 14 марта 1997 г. № 298. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Правовые основы социальной защиты сотрудников органов внутренних дел: учебное пособие / Е.Ю. Чумарова [и др.]. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010.

13. Стремоухов А.В. Правовая защита человека. СПб.: СПбГУП, 2007.

14. Труфанов М.Е. Проблемы квалификации мелкого хулиганства // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3 (35).

УДК 343.615:34

Е.В. Кашкина, канд. юрид. наук

Всероссийский институт повышения квалификации МВД России

E-mail: 000049@bk.ru;

А.Г. Репьев, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: repev-artem@yandex.ru

ОБЩЕПРАВОВОЕ ПОНИМАНИЕ И ОТРАСЛЕВОЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАНЕСЕНИЕ ПОБОЕВ

В статье с общеправовых позиций проводится анализ понятия «нанесение побоев». Выводы, к которым приходят авторы, позволили им соотнести составы уголовно наказуемого деяния и административного правонарушения как «побои», выделить не только элементы их единства и различия, но и взаимодействия, а также образовавшиеся в законодательстве противоречия.

Ключевые слова: административное правонарушение, декриминализация, общественная опасность, специальный субъект, уголовно наказуемое деяние, человеческое достоинство, правовое преимущество.

E.V. Kashkina, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

All-Russian Advanced Training Institute of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

E-mail: 000049@bk.ru;

A.G. Repev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: repev-artem@yandex.ru

GENERAL LEGAL UNDERSTANDING AND SECTORAL REGULATION OF RESPONSIBILITY FOR BODILY BLOWS

There is an analysis of the concept «bodily blows» in the article. The conclusions of the authors allow them to correlate structures of penal act and an administrative offense as «bodily blows», to allocate not only elements of their unity and distinction, but also interactions, and also formed in the legislation contradiction.

Key words: administrative offense, decriminalization, public danger, special subject, penal act, human dignity, legal benefit.

Вследствие проведенного реформирования законодательства нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль (ч. 1 ст. 116 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ) в редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ), было, по сути, декриминализовано. На сегодняшний день состав частично охватывается административной юрисдикцией (ст. 6.1.1 «Побои» Кодекса Российской Федерации об адми-

нистративных правонарушениях (далее – КоАП РФ)). При этом ответственность за деяние, содержащее квалифицирующие признаки (ч. 2 ст. 116 УК РФ в редакции Федерального закона от 08.12.2003 № 162-ФЗ), осталась в уголовном законе. Речь идет о совершении побоев при наличии квалифицирующих признаков: из хулиганских побуждений либо по мотивам политической, идеологической, расовой и иной ненависти или вражды. Кроме того, в кон-

струкцию состава добавлены специальный субъект, а также непосредственный объект преступного посягательства – близкие лица. Даже поверхностный взгляд на законодательные новеллы позволяет их неоднозначно оценить. На это есть ряд причин.

Во-первых, введение в качестве основного объекта преступного посягательства близкого лица, по сути, является новым для уголовного закона. Ряд его составов так или иначе затрагивает права и законные интересы близких лиц (к примеру, ст. 144 УК РФ «Воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов», ст. 317 УК РФ «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа»), но факультативно. Основной объект был специальный в силу своего должностного положения (сотрудник правоохранительных органов, журналист и др.). Посягательство на их родственников и близких лиц в правовой норме, как правило, указывалось в форме дополнения (к примеру, ч. 2 ст. 321 УК РФ «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества»).

Во-вторых, субъект данного преступления будет также специальным – член семьи, родственник или лицо, ведущее совместное хозяйство. Касаемо административного деликта законодатель в ст. 6.1.1 КоАП РФ прямо не определяет принадлежность субъекта к той или иной группе и не наделяет его специальными свойствами. Субъект побоев по ст. 6.1.1 КоАП РФ общий, т.е. физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет и не состоящее в родственных связях с потерпевшим и иных свойствах.

И наконец, в-третьих, мотивом изменения законодательства о побоях послужила их так называемая малозначительность, небольшая общественная опасность. На это, к слову сказать, указал Президент Российской Федерации В. Путин на прошедшем 16 февраля 2016 г. семинаре-совещании председателей судов, при этом призывал либерализацию законодательства проводить максимально осторожно [12]. Инициатива верна по своей сути, но реализация, на наш взгляд, оказалась поспешной. Полагаем, что декриминализация побоев не будет способствовать профилактике правонарушений насильственного характера, совершаемых в т.ч. в сфере семейно-бытовых отношений. Скорее, наоборот. К примеру, за 2015 год на территории Алтайского края совершено 3940 уголовно наказуемых деяний на почве семейно-бытовых отношений, их удельный вес в структуре всех преступлений составляет 13,6%. Фактически более чем каждое десятое преступление совершено по мотивам семейной и бытовой неприязни. Анализ материалов более чем 100 уго-

ловных дел, возбужденных и оконченных производством по преступлениям, совершенным на почве семейно-бытового конфликта, подтверждает сказанное. К наиболее характерным особенностям данной группы преступлений следует отнести: во-первых, преобладание насильственных преступлений. Так, в прошлом году в числе преступлений, совершенных в Алтайском крае на бытовой почве, зарегистрировано 43 убийства, 193 факта умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, 442 факта умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью; во-вторых, высокий уровень латентности данных преступлений и, как следствие, многоэпизодность совершения противоправных посягательств в отношении одних и тех же жертв; в-третьих, преобладающая доля совершения бытовых преступлений в состоянии опьянения. К примеру, из 236 тяжких и особо тяжких преступлений в быту, совершенных в 2015 г. в Алтайском крае, 82,2% (194 факта) были совершены в состоянии опьянения; в-четвертых, существенная виктимологическая составляющая. Характерно, что потенциальные потерпевшие, перед тем как стать жертвой преступления, в 70% случаев употребляют алкогольные напитки и наркотические средства с будущим преступником. Примеров очень много. Так, 19.10.2016 в 22:10 в центральную районную больницу г. К. Алтайского края с проникающей колото-резаной раной брюшной полости госпитализирован гражданин Х.А. 1972 года рождения, которому в ходе совместного распития спиртных напитков ранение нанес знакомый П.Т. 1971 года рождения.

Для объективного понимания сущности декриминализации предлагаем более детально изучить и иные элементы состава как административного правонарушения (ст. 6.1.1 КоАП РФ), так и преступления (ст. 116 УК РФ) в их сравнительном аспекте.

Непосредственный объект административного правонарушения и преступления, по своей сути, аналогичны – здоровье личности. В качестве факультативного объекта преступления Е.В. Косьяненко предлагает рассматривать общественные отношения, охраняющие честь и достоинство личности [5, с. 44]. На этом следует остановить особое внимание. Этимология «достоинства» обращает нас к старославянскому слову «достой», что означает приличие, соответствие, соразмерность [11, с. 8-9]. Если систематизировать наиболее часто встречающиеся среди ученых подходы к пониманию достоинства, получим, что эта категория рассматривается как: качество и самооценка личности, осознание ею своей свободы, равенства и защищенности (А.Л. Анисимов, М.В. Баглай, А.М. Эрделевский); этическое благо нематериального характера, отражающее

ценность конкретной личности в глазах общества, и самоосознание личностью своей социальной значимости; минимальный набор социальных благ, необходимых для достойной жизни (В.Н. Барсукова, Ю.И. Стецовский); общепринятый стандарт нравственных качеств, равным образом принадлежащих каждому человеку, обладание которыми – право каждого и предел вторжения в его сферу (К.В. Безроднова, В.А. Тархов).

Исходя из изложенного, полагаем, что человеческое достоинство, несомненно, выступает объектом противоправного посягательства при нанесении побоев, будь это административное правонарушение либо преступление. Подтверждают высказанные доводы и материалы судебной практики. В решениях судов четко просматривается достоинство личности в качестве объекта при нанесении побоев, нарушении личной неприкосновенности, истязаниях и пр. [1].

Следует отметить и следующее. Не редки случаи, когда побои совершаются в присутствии несовершеннолетних либо ими самими, что негативно сказывается на формировании у будущего поколения представления о морали, этике, нормах поведения. Ввиду публичности нанесения побоев полагаем, что общественная нравственность как факультативный объект состава административного правонарушения и преступления также имеет место быть.

Степень посягательства на общественную нравственность определяется свойствами деяния, благодаря которым можно установить отраслевую принадлежность ответственности за нанесение побоев. К таким свойствам М.А. Степуренко и В.Г. Белоус относят: влияние совершаемого деяния на общественные процессы и сознание; признание совершенного деяния противоречащим морали; тяжесть последствий от совершенного деяния; яркую антисоциальную направленность совершенного деяния [10, с. 51].

Важно понимать, что в зависимости от непосредственного объекта посягательства следует квалификация содеянного. Согласно первой части диспозиции ст. 116 УК РФ потерпевшими являются близкие лица, исчерпывающий перечень которых содержится в примечании к данной норме. Исходя из второй части диспозиции данной нормы, потерпевшим от побоев является любое лицо, независимо от занимаемой должности, социального положения, национальной, расовой и иной принадлежности, политических взглядов или причисляющее себя к определенной социальной группе. Очевидным является наличие «специфической» связи между объектом и субъектом рассматриваемых составов противоправных деяний, о которой мы писали выше.

Объективная сторона ст. 6.1.1 КоАП РФ схожа со ст. 116 УК РФ в части характеристики противоправного деяния. Это действие, сопряженное с причинением физической боли, выраженное, во-первых, в нанесении побоев, т.е. ударов, влекущих за собой возникновение ссадин, кровоподтеков, но не причинивших вред здоровью человека и нарушивших лишь его телесную неприкосновенность; во-вторых, в иных насильственных действиях (щипках, укусах, выкручивании или заламывании рук или ног, сдавливании частей тела, связывании, защемлении кожи, вырывании волос, воздействии на тело потерпевшего огнем, иными природными биологическими факторами) [5, с. 44].

Самостоятельным признаком объективной стороны рассматриваемых противоправных деяний является общественная опасность, определяемая тем вредом, который причиняется или может быть причинен охраняемым законом объектам [9, с. 38]: во-первых, *причинение физического вреда человеку*. Законодатель четко не дает понять, какие действия принято считать «насилием» и совершение каких действий подпадает под формулировку «насильственные действия». Полагаем насильственное посягательство имеет целью физическую и моральную дезориентацию другого человека [13, с. 165]. Заметим, что не любое нарушение физической неприкосновенности (побои и насильственные действия) признается преступлением по степени общественной опасности; во-вторых, *посягательство на общественную нравственность*. Нанесение побоев как определенного рода и характера действия таит в себе «потенциальную угрозу, выражающуюся в создании дополнительных условий для совершения более тяжких преступлений (против жизни и здоровья, против свободы, чести и достоинства личности, против половой неприкосновенности и половой свободы)» [6, с. 76]. И примеров тому немало. Достаточно вспомнить лишь трагедию, имевшую место 04.08.2015 в г. Н. Новгород, связанную с убийством Беловым О.П. своей супруги и детей. В период с 2010 по 2015 гг. в отдел полиции № 5 УМВД России по г. Н. Новгород поступило не менее 13 заявлений о семейно-бытовом конфликте в семье Беловых, нанесении побоев жене и детям [7, с. 56].

Во всех перечисленных выше случаях, как и в ситуации с объектом противоправных деяний, основное отличие рассматриваемых действий необходимо искать в цели и мотиве их совершения (нанесении побоев), т.е. в субъективной стороне.

По мнению В.П. Кабанова, *субъективная сторона* преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, характеризуется прямым и косвенным умыслом, основное различие между которыми заключа-

ется в волевом моменте [3, с. 20]. Мы солидарны с автором и полагаем, что, говоря о субъективной стороне административно наказуемого деяния следует отметить в качестве отличительного свойства его многомотивность. Это означает, что конфликт, породивший взаимную неприязнь правонарушителя и его жертвы, мог быть как длительным (что характерно для сферы личностно-бытовых и семейно-бытовых отношений), так и скоропостижным. На сегодняшний день практика документирования административных правонарушений по ст. 6.1.1 КоАП РФ в достаточной мере не наработана. К примеру, на момент подготовки статьи органами внутренних дел Алтайского края не задокументировано ни одного такого факта. Однако анализ материалов проверок, находящихся на исполнении участковыми уполномоченными полиции региона, показал, что в очевидном большинстве данные правонарушения представляют собой результат длительных конфликтов, порождающих взаимную неприязнь граждан. Характерно, что подобная тенденция стала проследиваться в последние десятилетия. Связано это, как мы полагаем, с общим кризисом идеологии социальных и межличностных отношений, коммерциализацией общества, утратой коммуникативных способностей наших соотечественников, в т.ч. по ненасильственному урегулированию конфликтов.

Еще одним отличием преступления по ст. 116 УК РФ от правонарушения по ст. 6.1.1 КоАП РФ является характер совершаемых действий. Уголовно наказуемые «неквалифицированные» побои относятся к категории дел частного-публичного обвинения, а нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию, – частного обвинения. Однако необходимо помнить о таком институте публичного и частного права Российской Федерации, как беспомощное состояние, т.е. неспособность лица самостоятельно отстаивать свои права и свободы, а также удовлетворять законные интересы. Важным является то, что для конкретного субъекта права беспомощное состояние выступает, с одной стороны, обстоятельством, отягчающим наказание при совершении преступления в отношении него (как в случае совершения убийства Беловым О.П.), а с другой – последующим наделением беспомощного правовым преимуществом компенсационного характера, заключающимся в правомерной возможности удовлетворить свои интересы наиболее полно и всесторонне путем предоставления особых дополнительных прав. Речь идет о специальной гарантии, позволяющей возбудить уголовное дело, относящееся к категории частного обвинения без заявления «беспомощного» лица [7, с. 56]. В этом случае следует руководствоваться п. 4 ст. 20 УПК

РФ, в соответствии с которым руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении, даже по делам частного обвинения и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы.

Из всего вышеприведенного следует, что проблематика насилия между нашими соотечественниками не столь ясна и очевидна, как кажется на первый взгляд. В этой связи, помимо совершенствования законодательства, одним из приоритетных направлений для государства должна стать деятельность субъектов профилактики по выявлению причин и условий, способствующих совершению данных правонарушений [2]. Их, к сожалению, целый комплекс.

Во-первых, как и раньше, основной их причиной выступает низкий образовательный и культурный уровень части граждан, невысокая сознательность. По итогам 12 месяцев прошедшего года в Алтайском крае доля лиц со средним и средним профессиональным образованием, совершивших преступления, составляет 86,6% от общего количества преступников.

Во-вторых, безработица, социальная неустроенность, примитивные интересы и потребности – это приводит к созданию в семье атмосферы бескультурья, пустому, бесцельному времяпрепровождению и праздности, заполняемым, как правило, пьянством. В Алтайском крае доля лиц без постоянного источника дохода, совершивших преступления, составляет 66,9% (17861 из 26665), общероссийский показатель в целом аналогичен.

В-третьих, распушенность современного общества, утрата духовных ценностей, к сожалению, становятся следствием участвовавших насильственно-аморальных поступков в отношении членов семьи (детей и родителей) под воздействием алкоголя. На обозначенных проблемах насилия в семье ранее мы останавливались подробнее [8]. Удельный вес преступлений, совершенных в крае лицами в состоянии алкогольного опьянения, по итогам 2015 г. от общего числа деяний составил 43,7% (2014 г. – 39,6%), что выше среднего показателя по Сибирскому федеральному округу (37,9%) и в целом по России (32,1%).

Приведенные причины и условия на постоянной основе должны тщательно анализироваться органами полиции с последующей выработкой комплекса необходимых профилактических мероприятий. Ос-

новным субъектом предупреждения насилия, конфликтов населения, перерастающих в общественно опасные деяния, традиционно остаются участковые уполномоченные полиции [4], инспектора по делам

несовершеннолетних, органы опеки и попечительства. Слаженная работа этих и других субъектов профилактики рано или поздно даст свои положительные результаты, сохранит еще не одну семью.

Литература

1. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 29.06.2016 по делу № 33-4570/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Зайцев И.А., Кашкина Е.В. К вопросу об организации индивидуально-профилактической работы с лицами, требующими повышенного внимания со стороны полиции (на примере УМВД России по Тамбовской области) // Алтайский юридический вестник. 2014. № 8. С. 58-62.
3. Кабанов П.В. Уголовная ответственность за побои и истязание: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 26 с.
4. Кашкина Е.В., Хандогина А.В. К вопросу об эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции (на примере расчета времени, затрачиваемого на одного человека при проведении профилактического обхода административного участка) // Вестник ВИПК МВД России. 2015. № 3 (33). Ч. 1. С. 21-25.
5. Косьяненко Е.В. Опасность декриминализации деяний, предусмотренных ст. 116 и 119 УК РФ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2016. № 1 (43). С. 43-46.
6. Осокин Р.Б., Чирков Е.В. К вопросу о тенденциях динамики преступлений против общественной нравственности в Рязанской области // Человек: преступление и наказание. 2015. № 3. С. 75-83.
7. Репьев А.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности при рассмотрении участковым уполномоченным полиции заявлений и сообщений граждан: региональный аспект // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 54-60.
8. Репьев А.Г. Насильственные действия в отношении лица, находящегося в беспомощном состоянии: теоретико-правовые и процессуальные гарантии по законодательству России // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: сборник тезисов докладов международной науч.-практ. конф-ции (Республика Беларусь, Минск, 7 апреля 2016 г.). Минск: Академия МВД Республики Беларусь, 2016. С. 230-231.
9. Степанова И.Б., Соколова О.В. К вопросу о декриминализации некоторых преступлений небольшой тяжести // Научный поиск. 2016. № 2.1. С. 37-39.
10. Степуренко М.А., Белоус В.Г. Противодействие преступлениям против общественной нравственности как необходимое условие развития современного общества // Актуальные вопросы образования и науки. 2015. № 5-6 (51-52). С. 51-54.
11. Столович Л.Н. Красота. Добро. Истина // Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. 154 с.
12. Текст выступления Президента Российской Федерации на семинаре-совещании председателей судов 16 февраля 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51343> (дата обращения: 19.09.2016).
13. Ширяев А.Ю. Содержание общественной опасности и вины в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 116 УК РФ, совершенных в ходе внутрисемейных конфликтов // Российский юридический журнал. 2014. № 5. С. 161-167.

УДК 342.55:35.082

О.В. Меженина, канд. ист. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: MOW77@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ СЛУЖЕБНОГО КОНТРАКТА НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЕ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

В статье поднимаются проблемы содержания служебного контракта на государственной гражданской службе в Российской Федерации. Последовательно проанализированы позиции современных отечественных ученых по данному аспекту. Автор дает характеристику существенных и дополнительных условий служебного контракта. Эта проблематика сравнивается с особенностями правового регулирования содержания трудового договора.

Ключевые слова: государственная гражданская служба, служебный контракт, трудовой договор, Российская Федерация, условия служебного контракта, гражданский служащий.

O.V. Mezhenina, PhD. (Candidate of Historical Sciences), assistant-professor
Altai State University
E-mail: MOW77@mail.ru

CONTENTS OF A SERVICE CONTRACT IN THE CIVIL SERVICE: SOME PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND ENFORCEMENT

The article raises the problems of the contents of a service contract in the civil service in the Russian Federation. The position of contemporary Russian scientists on this aspect is analyzed subsequently. The author characterizes the essential and additional conditions of a service contract. This problem is compared with the peculiarities of the legal regulation of the employment agreement content.

Key words: civil service, service contract, employment agreement, service contract conditions, civil agent.

На сегодняшний день по-прежнему остается актуальным вопрос правового регулирования трудовых отношений на государственной гражданской службе. В рамках реформирования государственной службы и принятия значимых нормативно-правовых актов в этой связи особенно важными для рассмотрения являются вопросы специфики содержания служебного контракта [7, 8]. С 2004 г. служебный контракт, заключаемый с государственным гражданским служащим, пришел на смену трудовому договору, что вызвало споры в научной среде.

Содержание служебного контракта раскрывается в ст. 24 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации»

(далее – ФЗ № 79), в которой содержатся основные реквизиты (элементы) соглашения [8]. Под понятием «реквизиты» в науке понимают совокупность содержащихся в договоре информационных элементов, включающих как сведения, так и условия. То есть к реквизитам служебного контракта можно отнести, например, данные о месте его заключения, права и обязанности сторон. Поэтому понятие «условия» представляется нам уже, чем реквизиты. Условия представляют собой соглашение между представителем нанимателя и гражданским служащим по конкретным вопросам взаимодействия сторон в рамках трудового (служебного) правоотношения, именно они носят договорной характер, т.к. являются

ся результатом согласования воли сторон договора. Как уточняет в этой связи Е.Б. Хохлов, рассматривая содержание трудового договора, его условия включаются в договор как реквизиты [5, с. 136].

К сведениям, обязательным для включения в служебный контракт, следует отнести фамилию, имя, отчество гражданина или гражданского служащего, представителя нанимателя и наименование государственного органа (ч. 1 ст. 24 ФЗ № 79). Кроме того, в Указе Президента РФ от 16.02.2005 № 159 «О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации» предполагаются и иные сведения о сторонах контракта [6].

Надо отметить, что в законодательстве о государственной гражданской службе не определены последствия невключения в служебный контракт обязательных сведений и условий, как это сделано, например, в Трудовом кодексе РФ (далее – ТК РФ) [12]. Согласно статье 57 ТК РФ недостающие сведения должны быть внесены непосредственно в текст трудового договора, а недостающие условия определяются дополнительным соглашением сторон, заключаемым в письменной форме, которые являются неотъемлемой частью трудового договора. Учитывая, что в соответствии со ст. 73 ФЗ № 79 трудовое законодательство субсидиарно распространяется на государственно-служебные отношения, его нормы в этой части вполне подлежат применению, поэтому в служебном контракте на государственной гражданской службе также необходимо различать сведения и условия.

Условия служебного контракта подразделяются на существенные и дополнительные (которые могут как включаться, так и нет). Формулировка «существенные условия служебного контракта» вызывает в литературе вполне оправданную критику. Дело в том, что ранее в трудовом законодательстве также использовался этот термин, однако в новом ТК РФ законодатель изменил понятие «существенные условия» на «обязательные». Данное нововведение было воспринято представителями науки трудового права достаточно позитивно, т.к. понятие «существенные условия» используется в гражданско-правовых отношениях [15, с. 73]. Ранее некоторые ученые считали, что если в трудовой договор не были включены какие-либо существенные условия, то он считался незаключенным по аналогии с гражданским правом [1, с. 53]. Вряд ли данное утверждение оправданно. Думается, что следует согласиться с М.В. Пресняковым. Он считает, что в трудовых отношениях как до введения нового ТК РФ, так и

после даже фактический допуск к работе с ведома или по поручению работодателя являлся основанием возникновения трудовых отношений [10, с. 37].

Несмотря на изменения в трудовом законодательстве, ФЗ № 79 по-прежнему использует понятие «существенные условия служебного контракта». Такой «гражданско-правовой» подход также вряд ли оправдан в государственно-служебных отношениях, т.к. сам механизм приема на государственную гражданскую службу обладает своей спецификой и полностью исключает возможность признания служебного контракта незаключенным по причине неуказания в нем существенных условий». Речь идет о том, что заключению служебного контракта предшествует акт о назначении на должность, а иногда и конкурсная процедура. Поэтому следует согласиться, например, с мнением Е.А. Ершовой об изменении ст. 24 ФЗ № 79, в которой вместо понятия «существенные» следует ввести понятие «обязательные условия служебного контракта» [3, с. 46].

Подход законодателя к определению перечня существенных условий во многом отличается от такового в трудовом законодательстве. Так, в отличие от таких обязательных условий в трудовом договоре, как место работы и трудовая функция, в п. 1 ч. 3 ст. 24 ФЗ № 79 прописывается условие о наименовании замещаемой должности гражданской службы с указанием подразделения государственного органа. Между тем по аналогии с ТК РФ (ст. 57) следует дополнить ст. 24 ФЗ № 79 таким положением, как описание служебного места гражданского служащего, а именно места нахождения того структурного подразделения, в котором непосредственно служит гражданский служащий. Такую запись необходимо делать и в акте о назначении на должность. На наш взгляд, подобное уточнение необходимо для четкого оформления мер взыскания за прогул (подп. «а» п. 3 ч. 1 ст. 37 ФЗ № 79).

Надо отметить, что в науке условия служебного контракта также подразделяют на непосредственные и производные. Непосредственные условия определяются соглашением сторон. К производным относятся те условия, о которых стороны не договариваются, т.к. они в силу закона и так обязательны для выполнения. Зачем тогда они вообще нужны в служебном контракте, договорном по своему характеру? Этот закономерный вопрос задают себе многие ученые. Так, М.В. Пресняков и С.Е. Чаннов справедливо замечают об отсутствии необходимости включать производные условия в трудовой договор, т.к. они и так общеобязательны благодаря включению их в конкретный нормативно-правовой акт [11, с. 31]. Тем не менее, по мысли законодателя, некоторые производные условия являются обя-

зательными для включения в служебный контракт. Например, согласно ч. 1 ст. 24 ФЗ № 79 необходимо включать в содержание служебного контракта права и обязанности сторон, указанные в ч. 2 и 3 ст. 23 данного федерального закона.

На наш взгляд, права представителя нанимателя действительно следует признать производными условиями, но они необходимы в служебном контракте, т.к. любое соглашение должно содержать такие сведения. Однако некоторые обязанности представителя нанимателя вполне могут носить договорной характер, например транспортное обслуживание гражданского служащего, при этом данный факт вовсе не лишает обязательного наличия этого условия в соглашении [4, с. 184]. А вот в отношении остальных производных условий следует согласиться с вышеназванной позицией ученых о целесообразности их включения в служебный контракт. Так, к производным реквизитам относятся виды и условия медицинского страхования гражданского служащего, условия профессиональной служебной деятельности, компенсации и льготы, предусмотренные за профессиональную служебную деятельность в тяжелых, вредных и (или) опасных условиях и т.п. В качестве существенного условия по смыслу п. 3 ч. 3 ст. 24 ФЗ № 79 прописан должностной регламент, однако очевидно, что его в данной ситуации можно рассматривать больше как приложение к служебному контракту. Исходя из изложенного, следует признать, что служебный контракт необоснованно переполнен производными условиями.

Вполне обоснованным, на наш взгляд, является включение в список существенных условий режима служебного времени и отдыха (п. 7 ч. 3 ст. 24 ФЗ № 79). При этом закономерно, что включать его необходимо, если дисциплинарный режим отличается от служебного распорядка государственного органа. Это важно, т.к. государственным гражданским служащим часто устанавливают ненормированный служебный день, поэтому этот факт нужно отражать в служебном контракте.

Как и в трудовом договоре, существенным условием в служебном контракте является дата начала исполнения должностных обязанностей. Тем не менее последствия невключения в служебный контракт этого пункта никак не прописаны, что является пробелом в законе. Думается, что по аналогии со ст. 61 ТК РФ необходимо прописать в ФЗ № 79, что гражданский служащий должен приступить к работе на следующий рабочий день после вступления служебного контракта в силу, дабы исключить возможные недоразумения на практике. Внедрение подобной нормы позволило бы с полным основанием использовать на практике институт аннулирования

служебного контракта (как это возможно в трудовых отношениях). Некоторые исследователи тем не менее считают, что «в силу принципа субсидиарного регулирования» ст. 61 ТК РФ вполне может применяться и в отношении гражданского служащего [2, с. 17].

Необходимыми для включения в служебный контракт законодатель считает условия оплаты труда. Причем «Примерная форма служебного контракта» предлагает три варианта оплаты труда гражданского служащего [6]. Итак, в служебном контракте прописываются (п. 9 IX раздела):

1) согласно подп. «а» все составные части денежного содержания (должностной оклад и оклад за классный чин, дополнительные выплаты);

2) согласно подп. «б» денежное содержание в виде единого денежного вознаграждения, к нему дополнительно устанавливаются премии за выполнение особо важных и сложных заданий в соответствии с положением, утвержденным представителем нанимателя, ежемесячное денежное поощрение и единовременная выплата при предоставлении ежегодного оплачиваемого отпуска и материальная помощь;

3) согласно подп. «в» оплата производится в зависимости от показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности. Как правило, такой порядок оплаты труда гражданских служащих установлен только по отдельным должностям гражданской службы, перечень которых утверждается соответственно указом Президента РФ по представлению Правительства РФ и нормативными правовыми актами субъектов РФ.

Таким образом, первые два варианта в качестве включения в служебный контракт предлагаются законодателем на выбор, а последний вариант, в сущности, носит императивный характер.

Важным дополнением к содержанию служебного контракта является п. 6 ст. 24 ФЗ № 79. Согласно норме необходимо в служебном контракте прописать срок его действия и обстоятельства (причины), послужившие основанием для заключения срочного служебного контракта.

А вот п. 7 ст. 24 ФЗ № 79 (ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение взятых на себя обязанностей и обязательств в соответствии с законодательством Российской Федерации), на наш взгляд, является лишним, потому что ответственность сторон является производным условием, т.к. четко прописана в законодательстве и не носит договорного характера.

В статье 24 ч. 4 прописаны возможные дополнительные (факультативные) условия. Причем пере-

чень является открытым, т.к. законодатель отмечает, что в служебный контракт могут включаться и «иные условия», «не ухудшающие положения гражданского служащего по сравнению с положением, установленным законами и иными нормативными правовыми актами» (п. 5 ч. 4 ст. 24). С одной стороны, это логично. Так как служебный контракт – это соглашение, а значит он вполне должен носить договорной характер, как и трудовой договор в ТК РФ. Но с другой стороны, многие ученые подвергают критике данную норму. Так, С.Е. Чаннов пишет, что условия контракта о прохождении государственной службы не вырабатываются сторонами, а определены в законодательном порядке. В принципе стороны могут определить в контракте отдельные условия осуществления профессиональной служебной деятельности, однако на практике их волеизъявление сильно ограничено [14, с. 32]. Подобную позицию высказывает и А.А. Осин: «Анализируя статьи Закона, связанные со служебным контрактом, все больше приходишь к выводу, что служебный контракт как соглашение (если под этим словом подразумевается согласие сторон на те или иные условия и свободное волеизъявление при их формулировке) является чем-то эфемерным. Действительно, в законодательстве о гражданской службе так детально регламентировано содержание служебного контракта, что включение в него каких-то иных условий просто теряет смысл. Закон либо сам устанавливает нормы, обязательные для исполнения, либо отсылает к иным нормативным правовым актам, уже принятым, или тем, которые должны быть приняты... Гражданину или гражданскому служащему просто остается соглашаться с теми условиями, которые ему предлагают Закон и иные нормативные правовые акты» [9, с. 73].

Отчасти ученых можно поддержать, т.к. многие дополнительные условия, которые могут быть прописаны в служебном контракте, на самом деле являются только условно факультативными. Что будет, если гражданский служащий откажется, например, включить в служебный контракт пункт о неразглашении сведений, составляющих государственную и иную охраняемую федеральным законом тайну, и служебной информации в целом? Гипотетически он может отказаться, но тогда он не сможет претендовать на должность, замещение которой связано с использованием таких сведений. Поэтому надо отметить, что при заключении служебного контракта как гражданский служащий, так и представитель нани-

мателя, по сути, не имеют права выбора условий, т.к. должности гражданской службы, их характер и особенности приписываются в соответствующих реестрах и перечнях. Возможно, в этом случае диспозитивные нормы служебного законодательства (во многом заимствованные из трудового) вступают в противоречие с публично-правовой сущностью государственной службы, ее включенностью в отрасль административного права.

В качестве необязательного в служебном контракте предусматривается условие об испытательном сроке. Если в служебном контракте не прописано это условие, то считается, что гражданский служащий принят без испытательного срока. До вступления в силу ФЗ № 79 это условие носило императивный характер. Ряд ученых считают, что необходимо вернуть подобную норму, т.к. «обязательное прохождение испытания (по меньшей мере при поступлении на гражданскую службу) более соответствует публичному характеру государственно-служебных отношений, чем предусмотренная действующим Законом диспозитивная норма, которая предполагает только возможность установления испытания по соглашению сторон» [2, с. 18]. Как нам видится, решение данной проблемы заключается в другом. Нужно более дифференцированно подойти к решению этой проблемы и закрепить необходимость и продолжительность испытания в зависимости от категории и группы соответствующих должностей.

Таким образом, содержание служебного контракта на государственной гражданской службе имеет свои особенности. Некоторые из них, на наш взгляд, не вполне оправданны. Как и в трудовом законодательстве, в служебном контракте необходимо заменить понятие «существенные условия служебного контракта» на «обязательные условия», для того чтобы отграничить служебный контракт от договоров в гражданско-правовой сфере. Кроме того, в служебном контракте на государственной гражданской службе необходимо выделить сведения и условия. Некоторые существенные условия, которые содержатся в служебном контракте являются производными, а значит их включение не является обязательным. Дополнительные условия, которые могут содержаться в служебном контракте, носят диспозитивный характер, однако это достаточно условно, учитывая четкое закрепление за каждой должностью на государственной гражданской службе конкретных реквизитов.

Литература

1. Бриллиантова Н.А., Архипов В.В. Проблема недействительности условий трудового договора // Законодательство и экономика. 2007. № 6. С. 36-42.

2. Горячук И.Н. Административно-правовое регулирование служебного контракта на государственной гражданской службе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011.
3. Ершова Е.А. Трудовые правоотношения государственных гражданских и муниципальных служащих в России. М.: Статут, 2008.
4. Комментарий к ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» / под ред. В.А. Козбаненко. СПб.: Питер Пресс, 2008.
5. Куренной А.М., Маврин С.П., Хохлов Е.Б. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. М.: Юристъ, 2005.
6. О примерной форме служебного контракта о прохождении государственной гражданской службы Российской Федерации и замещении должности государственной гражданской службы Российской Федерации: Указ Президента РФ от 16.02.2005 № 159 // Собрание законодательства РФ. 2005. № 8. Ст. 629.
7. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 27.05.2003 № 58-ФЗ (ред. от 01.12.2007) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 22. Ст. 2063.
8. О государственной гражданской службе в Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
9. Осин А.А. Содержание, форма и особенности заключения служебного контракта // Трудовое право. 2007. № 5. С. 36-44.
10. Пресняков М.В. Новая редакция Трудового кодекса: итоги практического применения // Гражданин и право. 2008. № 5. С. 36-42.
11. Пресняков М.В., Чаннов С.Е. Трудовой договор: учебно-практическое пособие. М.: Юристъ, 2008.
12. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.
13. Чаннов С.Е. Предотвращение и урегулирование конфликта интересов на государственной и муниципальной службе: новеллы антикоррупционного законодательства // Трудовое право. 2009. № 4. С. 77-82.
14. Чаннов С.Е. Некоторые вопросы отграничения трудового договора от контрактов с государственными и муниципальными служащими // Трудовое право. 2008. № 2. С. 45-52.
15. Чиканова Л.А. Правовое регулирование служебных отношений на государственной гражданской службе: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 42-50.

УДК 351.74:343.969

А.В. Равнюшкин, канд. ист. наук

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России

E-mail: rav.kin@mail.ru

О ПРОБЛЕМАХ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ СОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫХ ДЕЙСТВИЙ ЛИЦАМИ, СТРАДАЮЩИМИ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ И ПРЕДСТАВЛЯЮЩИМИ ОПАСНОСТЬ ДЛЯ ОКРУЖАЮЩИХ

Несмотря на то, что в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами и совершивших общественно опасные деяния, могут быть применены меры медицинского характера, необходимо совершенствовать деятельность органов внутренних дел по профилактике с их стороны противоправных деяний. В настоящее время требуются особые, эффективные формы профилактической работы с данными лицами. Выход видится в организации взаимодействия органов внутренних дел с органами здравоохранения. Органы внутренних дел должны получить право использовать персональные данные таких граждан для проведения профилактической работы.

Ключевые слова: лица, страдающие психическими расстройствами, профилактика, взаимодействие, меры медицинского характера.

A.V. Ravnushkin, PhD. (Candidate of Historical Sciences)
The Crimean branch of Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
E-mail: rav.kin@mail.ru

ABOUT THE ORGANIZATION PROBLEMS OF ACTIVITY OF INTERNAL AFFAIRS BODIES FOR THE PREVENTION OF COMMITTING OF SOCIALY DANGEROUS ACTIONS BY PERSONS SUFFERING FROM MENTAL DISORDER AND POSE A DANGER TO OTHERS

Despite the fact that measures of a medical nature can be applied in respect of persons suffering from mental disorder and committed socially dangerous acts, it is necessary to improve the activity of Internal Affairs bodies on prevention of the wrongful acts. Specific, effective forms of preventive work with these persons required currently. The output is seen in the organization of cooperation of Internal Affairs bodies with the health authorities. The Internal Affairs bodies shall be entitled to personal information of citizens for preventive work.

Key words: persons with mental disorders, prevention, cooperation, measures of medical character.

В настоящее время организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению совершения общественно опасных действий лицами, страдающими психическими расстройствами и представляющими опасность для окружающих, требует дополнительного нормативного правового регулирования.

В статье 12 Федерального закона «О полиции» прописан ряд обязанностей полиции, связанных с

применением мер принуждения в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих: полиция обязана оказывать содействие органам здравоохранения в доставлении в медицинские организации по решению суда лиц, уклоняющихся от явки по вызову в эти организации; участвовать совместно с органами здравоохранения в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской

Федерации, в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами и представляющими опасность для окружающих, в целях предупреждения совершения ими преступлений и административных правонарушений; оказывать содействие медицинским работникам в осуществлении назначенной судом недобровольной госпитализации лиц в медицинские организации, а также обеспечивать медицинским работникам безопасные условия для доступа к этим лицам и их осмотра [4]. Согласно пункту 11 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции» полиция имеет право задерживать лиц, уклоняющихся от следования в специализированные лечебные учреждения для исполнения назначенных им судом принудительных мер медицинского характера; лиц, предпринявших попытку самоубийства либо имеющих признаки выраженного психического расстройства и создающих своими действиями опасность для себя и окружающих.

Необходимо отметить, что порядок действий медицинского персонала и сотрудников полиции в случаях, когда по имеющимся данным лицо совершает действия, дающие основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, обуславливающего его непосредственную опасность для себя или окружающих, имеет правовое регламентирование в совместном приказе Минздрава и МВД [6].

Однако возникает ряд вопросов, связанных с реализацией перечисленных прав и обязанностей полиции. Имеет ли полиция право на формирование и ведение банков данных о лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих? Если имеет, то каким образом указанный банк данных формируется? В каких формах полиция имеет право осуществлять профилактическое воздействие к данным лицам? В чем именно заключается участие полиции в наблюдении за лицами, страдающими психическими расстройствами и представляющими опасность для окружающих?

Обратившись к Федеральному закону «О полиции», мы обнаруживаем, что согласно п. 3 ч. 3 ст. 17 внесению в банк данных подлежит информация о лицах, которые совершили преступление или общественно опасное деяние и в отношении которых судом применены принудительные меры медицинского характера. К данной информации следует отнести и сведения о совершивших общественно опасное деяние лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих, если судом принято решение о применении к ним принудительных мер медицинского характера. Такие сведения также подлежат внесению в банк данных. Однако следует отметить, что согласно ст. 9 Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» «сведения о состоя-

нии психического здоровья гражданина и диагнозе психического расстройства, иные сведения, полученные при оказании ему психиатрической помощи, составляют врачебную тайну, охраняемую законом» [5]. Получить информацию о данных лицах органы внутренних дел могут в соответствии с п. 3 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором указано, что «предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя допускается: по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством» [7]. В части 4 ст. 21 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации также указано, что «требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных настоящим Кодексом, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами» [9].

В иных случаях получение сведений законом не предусмотрено. Как пояснил первый заместитель Министра внутренних дел Российской Федерации генерал-полковник полиции А.В. Горовой, «когда местные отделы МВД запрашивают сведения о лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих, медицинские учреждения по всей стране отказывают в предоставлении такой информации» [3]. Участковые уполномоченные полиции как должностные лица органов внутренних дел, осуществляющие меры по профилактике правонарушений, могут получить сведения о лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих, только от органов дознания и следствия в связи с проведением расследования в отношении данных лиц. Получить официальную информацию после окончания расследования от указанных органов невозможно. Соответственно, если полиция как субъект профилактики не располагает сведениями о лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих, как она может поставить их на профилактический учет и проводить с ними профилактические мероприятия?

Кроме того, ни один правовой акт не предусматривает форму учета в органах внутренних дел информации о лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих. В части 3 ст. 17 Федерального закона «О полиции» перечислены виды банка данных о гражданах. Согласно пункту 16 ч. 3 данной статьи к ним относится и профилактический учет. Однако в ст. 17 Федерального закона от 23 июня 2016 г.

№ 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» профилактический учет является формой профилактического воздействия [8]. Как отметил административист А.В. Коркин, отсутствие единства терминологии в законодательстве и юридической науке применительно к профилактической деятельности полиции не способствует повышению уровня защищенности прав и свобод граждан [2, с. 3]. И лишь в пункте 63 «Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции», утвержденного Приказом МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 «Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции», перечислены состоящие на профилактическом учете категории граждан, с которыми участковый уполномоченный полиции проводит индивидуальную профилактическую работу [1]. Но следует отметить, что в данном перечне отсутствует такая категория граждан, как «лица, страдающие психическими расстройствами, представляющие опасность для окружающих» или какая-либо категория с подобным названием.

Таким образом, когда речь идет не о разовых и краткосрочных мероприятиях полиции в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих (как, например, доставление их в медицинские организации по решению суда; оказание содействия медицинским работникам в осуществлении назначенной судом недобровольной госпитализации данных лиц в медицинские организации; обеспечение медицинским работникам безопасных условий для доступа к

этим лицам и их осмотра; задержание данных лиц), а о систематической профилактической работе органов внутренних дел с указанными лицами, то очевиден правовой пробел.

По нашему мнению, необходимо законодательно урегулировать механизм информационного взаимодействия между органами здравоохранения и внутренних дел в части предоставления сведений органам внутренних дел о лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих. Было бы целесообразно п. 3 ст. 13 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» изложить в следующей редакции: «по запросу органов дознания и следствия, суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством, а также в связи с необходимостью постановки на профилактический учет в органах внутренних дел». Необходимо прописать форму учета в органах внутренних дел информации о лицах, страдающих психическими расстройствами и представляющих опасность для окружающих. Для этого предлагаем пункт 63 «Наставления по организации деятельности участковых уполномоченных полиции» расширить подпунктом, предусматривающим проведение индивидуальной профилактической работы с данными лицами. Тогда участковые уполномоченные полиции получают право, насколько это возможно, проводить все виды индивидуальной профилактической работы, перечисленные в п. 66 рассматриваемого наставления, в т.ч. осуществлять наблюдение за их поведением.

Литература

1. Вопросы организации деятельности участковых уполномоченных полиции [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 31 декабря 2012 г. № 1166 (в ред. приказа МВД России от 08.09.2016 № 526). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Коркин А.В. Актуальные вопросы профилактики правонарушений в жилом секторе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2015. № 4. С. 2-7.
3. Кочегаров П. МВД не будет следить за страдающими психическими заболеваниями // Известия: интернет-изд. 2015. 25 сентября. URL: <http://izvestia.ru/news/592014> (дата обращения: 01.12.2016).
4. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. от 3 июля 2016 г. № 305-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании [Электронный ресурс]: закон Российской Федерации от 2 июля 1992 г. № 3185-1 (с изм. от 3 июля 2016 г. № 227-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О мерах по предупреждению общественно опасных действий лиц, страдающих психическими расстройствами [Электронный ресурс]: приказ Минздрава России и МВД России от 30 апреля 1997 г. № 133/269. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 23 июня 2016 г. № 190-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 351.74

А.В. Равнюшкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ravnyushkin@mail.ru;

О.П. Карнаухов

Барнаульский юридический институт МВД России

НЕПОВИНОВЕНИЕ ЗАКОННОМУ ТРЕБОВАНИЮ СОТРУДНИКА ПОЛИЦИИ (ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

В статье рассматриваются проблемные аспекты, связанные с действиями сотрудников полиции при неповиновении их законным требованиям со стороны правонарушителей. В целях соблюдения законности при пресечении фактов неповиновения законным требованиям сотрудников полиции авторами предлагается обоснованный алгоритм их действий в подобных случаях.

Ключевые слова: неповиновение законным требованиям сотрудника полиции, административная ответственность, алгоритм действий, основные обязанности сотрудника полиции.

A.V. Ravnushkin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ravnyushkin@mail.ru;

O.P. Karnaukhov

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

DISOBEDIENCE THE LEGAL REQUIREMENT OF A POLICE OFFICER (THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS)

The article discusses the problematic aspects associated with the actions of police officers if offenders disobedience to their legal requirement. The authors propose a reasonable plan of actions of police officers for statutory compliance in the suppression of the facts of disobedience of the legal requirement.

Key words: disobedience of the legal requirement of a police officer, administrative responsibility, plan of actions, the basic duties of a police officer.

Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции») закрепил такие принципы деятельности полиции, как открытость и публичность, общественное доверие и поддержка граждан, ставшие приоритетными принципами ее работы. Полиция информирует граждан и общество о результатах своей деятельности, в т.ч. о принимаемых мерах по профилактике и пресечению правонарушений. Однако кардинальных сдвигов в налаживании партнерских отношений между полицией и обществом до настоящего времени не произошло. Сотрудники полиции при исполнении служебных обязанностей сталкиваются с фактами грубости, оскорбления, а также неповиновения и

сопротивления со стороны различных слоев общества.

Реализуя социальную функцию по защите прав и свобод граждан, полиция в указанных в законе случаях прибегает к мерам принуждения, включая требование от граждан и должностных лиц прекращения совершения противоправных действий (на основании п. 1 ч. 3 ст. 28 ФЗ «О полиции»). К сожалению, случаи оказания сотрудникам полиции неповиновения со стороны граждан в стране стремительно растут. По данным МВД России, в 2015 г. общее количество рассмотренных протоколов по административным правонарушениям, предусмотренным ст. 19.3 Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), составляет 64845, что на 18,6% больше по сравнению с 2014 г., в 2016 г. – 73314, что на 12,7% больше, чем в 2015 г., из них 28127 были подвергнуты наказанию в виде административного ареста. Справедливым звучит мнение, что «применение физической силы по-прежнему остается жесткой реальностью полицейской практики» [9, с. 2].

Предполагается, что действия сотрудников полиции, направленные на реализацию служебных обязанностей, должны носить строго законный характер, а в обществе преобладать мнение о презумпции законности действий сотрудников полиции, включая их требование от граждан и должностных лиц прекращения совершения противоправных действий (п. 1 ч. 3 ст. 28 ФЗ «О полиции»). Однако в одних случаях презумпция законности действий сотрудников полиции у граждан вызывает сомнения, а в других – полное отрицание, приводящее к неповиновению, воспрепятствованию исполнению сотрудниками полиции служебных обязанностей, в отдельных случаях – к насилию в отношении представителей власти.

Одной из проблем, влияющей на деятельность сотрудников полиции, является отсутствие четкого законодательного закрепления дефиниций «неповиновение сотруднику полиции» и «воспрепятствование исполнению служебных обязанностей». Отсутствует единство взглядов по данной проблеме и в научной среде.

Так, по мнению Н.Г. Салищевой, рассматриваемое неповиновение «проявляется в преднамеренном отказе от обязательного исполнения неоднократно повторенных распоряжений указанных лиц либо в неповиновении, выраженном в дерзкой форме, свидетельствующей о проявлении явного неуважения к органам и лицам, охраняющим общественный порядок» [4].

Профессор Б.В. Россинский отмечает, что «неповиновение может выражаться в совершении как активных действий, так и бездействия. При этом не имеет значения наступление каких-либо последствий (формальный состав)» [2].

По мнению коллектива авторов, объективная сторона ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ представляется «в виде полного или частичного игнорирования этих распоряжений и требований, совершения действий вопреки им либо продолжения бездействия, либо воспрепятствования (физического, психологического, организационного) исполнению служебных обязанностей сотрудником милиции, органом уголовно-исполнительной системы, военнослужащим» [3].

К числу ученых, ранее изучающих проблемы неповиновения законным требованиям сотрудникам тогда еще милиции, включая вопросы разграничения указанных выше понятий, относится А.К. Дубровин, определивший «неповиновение законному требованию сотрудника милиции как общественно опасные действия, направленные на нарушение нормального функционирования субъектов властно-публичной административной деятельности государства в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка либо служебных обязанностей, выражающихся в отказе от выполнения, а равно в неисполнении законных требований» [1, с. 9].

Данная дефиниция, предложенная автором еще до реформы органов внутренних дел, и складывающаяся административная и судебная практика [8], по нашему мнению, в нынешних условиях не в полной мере учитывают следующее обстоятельство. Так, согласно п. 2 ч. 2 ст. 27 «Основные обязанности сотрудника полиции» ФЗ «О полиции» сотрудник полиции независимо от замещаемой должности, места нахождения и времени суток обязан пресекать правонарушения. Указанная обязанность сотрудников полиции в данном случае не корреспондируется с нормой КоАП РФ в части административной ответственности за оказываемое сотруднику полиции неповиновение. Данный факт подтверждается случаями, происходящими на практике. Как правило, действия сотрудников полиции, не находящихся при исполнении своих служебных обязанностей, направленные на пресечение правонарушений лицами, продолжающими после неоднократных их требований о прекращении их дальнейшего совершения, не образуют состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

По данному поводу рассмотрим случай, с которым сталкиваются, например, сотрудники дорожно-патрульной службы Госавтоинспекции. Один из инспекторов дорожно-патрульной службы (далее – ДПС) после окончания службы возвращался домой. Поднимаясь вверх по лестнице подъезда к своей квартире, на лестничной площадке он встретил неизвестных девушку и молодого человека. Неизвестный молодой человек выражался нецензурной бранью, размахивал руками перед лицом девушки, а затем схватил ее за плечи и стал трясти. Наблюдая происходящее, инспектор ДПС после того, как представился сотрудником полиции, потребовал от неизвестного прекратить противоправные действия. Однако правонарушитель продолжал свои действия. Тогда инспектор ДПС уже после предупреждения о своем намерении применить физическую силу при-

менил ее посредством приема борьбы в отношении неизвестного правонарушителя. Вопрос: будут ли действия правонарушителя образовывать состав административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ? Отвечая на данный вопрос, необходимо учесть, что инспектор ДПС, согласно своему должностному регламенту, в данном случае не находился при исполнении служебных обязанностей, связанных с охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности. Однако связаны ли действия правонарушителя с воспрепятствованием исполнению сотрудником полиции (в данном случае инспектором ДПС) служебных обязанностей?

Согласно ст. 18 «Служебные обязанности и права сотрудника милиции» отмененного закона Российской Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-I «О милиции» сотрудник милиции должен был совершать аналогичные действия так же, как и ныне сотрудник полиции согласно п. 2 ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции». Положения ст. 18 указанного закона «О милиции» и совершение правонарушения в виде неповиновения законным требованиям сотрудника милиции были сопряжены между собой. Однако, как и указано выше, норма, закрепленная в ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции», ныне прямо не корреспондируется с ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

В целях устранения данной коллизии предлагаем в наименовании ст. 27 ФЗ «О полиции» после слова «основные» добавить слово «служебные». Тогда название ст. 27 ФЗ «О полиции» будет выглядеть следующим образом: «Основные служебные обязанности сотрудника полиции». Принятие данного предложения позволит устранить правовую коллизию и обеспечить надлежащую практику деятельности полиции по производству по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Кроме того, полагаем, что обоснованные А.К. Дубровиным условия наступления ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника милиции (ныне полиции) требуют новой правовой корректировки.

Первое условие связано с тем, что сотрудники должны находиться при исполнении служебных обязанностей – деятельности по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности [1, с. 9]. Однако диспозиция ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ также включает «воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей», что напрямую не связано с указанной деятельностью, а корреспондируется с основными обязанностями сотрудника полиции, указанными в п. 2 ч. 2 ст. 27 ФЗ «О полиции». В связи с этим действия сотрудника поли-

ции, как осуществляющего деятельность по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, так и исполняющего служебные обязанности (например, пресекающего правонарушение в случае пребывания в отпуске), должны в равной степени относиться к рассматриваемому условию наступления ответственности за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции.

Второе условие, обозначенное автором как «предъявление сотрудником милиции после предупреждения о применении мер принуждения и возможной ответственности требований, основанных на предписаниях закона и выраженных в настойчивой форме», требует с учетом изменений в законодательстве более детальной корректировки и разъяснения. Из смысла ч. 4 ст. 5 ФЗ «О полиции» следует, что сотрудник полиции при обращении к гражданину обязан (после всего прочего) сообщить цель и причину обращения, а в случае применения к гражданину мер, ограничивающих его права и свободы, разъяснить ему причину и основания применения таких мер, а также возникающие в связи с этим права и обязанности гражданина. Полагаем, что «требования, основанные на предписаниях закона, выраженные в настойчивой форме», должны быть выдвинуты сотрудниками полиции только после четкого разъяснения сути совершенного лицом административного правонарушения.

Изученная практика принятия судебных решений по административным правонарушениям позволяет прийти к выводу, что фактам оказания неповиновения законным требованиям сотрудника полиции со стороны лиц предшествовало в большинстве случаев совершение ими других правонарушений, например нарушение водителем транспортного средства скоростного режима, распитие спиртных напитков в общественных местах, нарушение установленного федеральным законом запрета курения табака [8].

Пресекая административные правонарушения, сотрудникам полиции, по нашему мнению, следует разъяснять правонарушителям суть совершаемого правонарушения, а именно конкретный пункт Правил дорожного движения, конкретную норму закона, которые были нарушены (необходимо отметить, что инспекторы ДПС поступают именно так). В частности, законодательством установлен запрет на потребление (распитие) алкогольной продукции в определенном перечне мест [6], запрет курения табака на отдельных территориях, в помещениях и на объектах [7].

Далее сотрудники полиции обязаны разъяснить, что, нарушив своими действиями конкретные закон-

ные предписания, лицо совершило административное правонарушение, предусмотренное конкретной частью статьи или статьей КоАП РФ и влекущее в санкции соответствующее наказание. В последующем в целях пресечения административного правонарушения и обеспечения производства по нему дела сотрудники полиции, ссылаясь на норму, закрепленную в ч. 3 ст. 30 ФЗ «О полиции», требуют выполнения их законных требований. В случае если лицо отказывается предъявить документы, удостоверяющие его личность, совершить другие действия в указанных целях, то сотрудникам полиции уместно предупредить о юридических последствиях невыполнения законных требований. В случае дальнейшего неповиновения законным требованиям сотрудники полиции действуют в соответствии с требованиями, предусмотренными ч. 1 ст. 19 ФЗ «О полиции».

Исходя из изложенного алгоритма действий сотрудников полиции при оказании им неповиновения со стороны правонарушителей, наличие вины данных лиц в форме прямого умысла не должно вызывать никаких сомнений. Именно такая последовательность действий должна быть отражена в рапортах сотрудников полиции. Однако во многих случаях указанная информация в представленных сотрудниками полиции рапортах отсутствует.

Более затруднительными в практической деятельности сотрудников полиции являются ситуации, связанные с ограничением прав граждан, внешние данные которых формально совпадают с данными словесного портрета, указанными в ориентировках полиции по совершенным преступлениям.

При неповиновении в данном случае сотрудникам полиции в большинстве случаев возникают два обстоятельства:

- лицо действительно совершило преступление, по подозрению которого сотрудники полиции стремятся его задержать, оказывает неповиновение (и, возможно, сопротивление, причиняет насилие в отношении сотрудников полиции) в целях избежать задержания по совершенному им преступлению;

- при ошибке в личности подозреваемого, из неожиданности и испуга от требований сотрудников полиции лицо совершает неповиновение, как правило, в пассивной форме.

Учитывая факт возможной ошибки в личности подозреваемого в совершении преступления, сотрудникам полиции следует действовать более тактично, беря во внимание сложившиеся обстоятельства. В любом случае сотрудники полиции должны иметь соответствующую квалифицированную подготовку по действиям в указанных обстоятельствах.

Кроме того, актуальным является вопрос о праве полиции применять специальные средства (палку специальную, специальные газовые средства, электрошоковые устройства, светошоковые устройства, служебных животных, средства сковывания движения) «для пресечения преступления или административного правонарушения» (согласно п. 2 ч. 1 ст. 21 ФЗ «О полиции»). Факты неповиновения законным требованиям сотрудника полиции относятся к административным правонарушениям, и, следовательно, для их пресечения полиция также наделена правом применения специальных средств. Однако на практике сотрудники полиции, как правило, не решаются на применение специальных средств, боясь допущения нарушений и быть подвергнутыми наказанию.

К случаям неповиновения законным требованиям сотрудника полиции относятся не только пассивные формы поведения лиц, но и активные. К числу активных форм относятся действия «правонарушителей, несвязанные с применением насилия в отношении сотрудника полиции (например, лицо, пытаясь помешать его помещению в служебный автомобиль, хватается за скамейку, дерево, иные предметы), и в таком случае речь идет о совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 19.3 либо ч. 2 ст. 20.1» [5, с. 398-399].

Соглашаясь с данным мнением, следует добавить, что неповиновение законным требованиям сотрудника полиции в виде действия проявляется правонарушителями именно в совершении подобных действий, но не связанных с применением насилия в отношении сотрудников полиции.

Таким образом, под неповиновением законным требованиям сотрудника полиции должны пониматься действия правонарушителя, направленные на нарушение нормальной деятельности полиции как субъекта властно-публичной административной деятельности государства посредством бездействия (пассивной формы) и (или) действия (активной формы) в связи с исполнением сотрудником полиции основных служебных обязанностей и (или) охраной общественного порядка и обеспечением общественной безопасности, но не связанные с применением в отношении сотрудника полиции насилия. При этом необходимо отметить, что обязанность сотрудника полиции пресекать правонарушения возложена на него ФЗ «О полиции» при любых обстоятельствах. Следовательно, и факты неповиновения его законным требованиям без исключений должны квалифицироваться по ч. 1 ст. 19.3 КоАП РФ.

Литература

1. Дубровин А.К. Административная ответственность за неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 25 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях. Постатейный научно-практический комментарий / под общ. ред. Б.В. Россинского [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (постатейный) / Р.В. Амелин, Е.А. Бевзюк, Ю.В. Волков и др. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях (постатейный). М.: Проспект, 2011 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Комментарий к Федеральному закону «О полиции» (постатейный) / Е.А. Аврутин, С.П. Булавин, Ю.П. Соловей, В.В. Черников. М.: Проспект, 2013. 552 с.
6. О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 22.11.1995 № 171-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об охране здоровья граждан от воздействия окружающего табачного дыма и последствий потребления табака [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.02.2013 № 15-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. РосПравосудие. Практика. URL: <https://rospravosudie.com/law> (дата обращения: 15.03.2017).
9. Соловей Ю.П. Правовое регулирование сотрудниками полиции физической силы // Административное право и процесс. 2012. № 7. С. 2-9.

УДК 351.741

С.В. Шмелькова

адъюнкт Академии управления МВД России

E-mail: Svetuscha@yandex.ru

О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ВОПРОСА О ФОРМИРОВАНИИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ МВД РОССИИ

Организационно-правовые вопросы в области формирования руководящих кадров территориальных органов в системе МВД России актуальны как с учетом проводимых реформ МВД России, так и пересмотра вопросов государственного управления, требуют проведения исследований регулирования кадровой политики не только в системе МВД России, но и в правоохранительных органах. Как для теории, так и для практики необходимы комплексное исследование проблем формирования руководящих кадров территориальных органов МВД России (ОВД РФ) с учетом социальных и организационно-правовых аспектов и их пересмотр.

Ключевые слова: руководящие кадры, государство, замещение, кадры, руководитель, служба, формирование.

S.V. Shmelkova

postgraduate student of Management Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

E-mail: Svetuscha@yandex.ru

ABOUT THE NEED TO STUDY THE ISSUE OF THE FORMATION MANAGERIAL PERSONNEL OF THE TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA

Organizational and legal issues in the formation managerial personnel of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia are relevant in view of ongoing reforms of the Ministry of Internal Affairs of Russia and public administration review, require studies of the regulation of personnel policies not only in the MIA of Russia, but also in law enforcement. It is necessary for both the theory and practice to study comprehensively problems of formation managerial personnel of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia (District Department of Internal Affairs of Russia) tacking into account the social and legal aspects and their revision.

Key words: managerial personnel, government, replacement, personnel, chief, service, formation.

В условиях наличия социальных кризисных факторов (коррупция и недостаточный уровень стабильности) успех в реализации задач, стоящих перед российским обществом и государством (в т.ч. МВД России), в решающей степени зависит от эффективности государственного управления.

Вместе с тем, как свидетельствует исторический опыт, успех любого дела в значительной мере зависит от руководящих кадров, от правильной научно

обоснованной организации работы по их отбору, подготовке и расстановке на решающих участках. Это остро ощущается в современный период, что обусловлено тремя обстоятельствами. Во-первых, возрастанием роли субъективного фактора. Во-вторых, усложнением задач, решаемых структурами государственного управления. В-третьих, высокой социальной напряженностью, связанной с мировым финансовым кризисом и дефицитом ресурсов.

В этих условиях эффективность руководства, достижение поставленных целей и реализация намеченных планов находятся в прямой зависимости от эффективности управленческой деятельности лиц, занимающих руководящие должности. И кадровый потенциал превратился в важнейший фактор общественного развития, что предполагает регулирование его востребованности как в интересах личности, так и в интересах общества и государства.

В рамках действующего законодательства ныне руководитель территориального органа внутренних дел (далее – ОВД) выступает как лидер определенной социальной группы и обладает формально регламентированными государственными функциями (Т.С. Лятифова [12, 13]), правами и обязанностями, представляет коллектив в других организациях, и в то же время на него как на руководителя возлагается ряд обязательств, ограничений. Он несет юридическую ответственность за функционирование коллектива перед вышестоящей инстанцией и располагает строго определенными возможностями поощрения и наказания подчиненных в целях воздействия на их служебную активность.

Таким образом, понятие «руководитель» в системе МВД России не сводится к функциям администратора. На сегодняшний день это многогранное понятие, включающее в себя и личностные качества кандидата, его стремления, делегирование прав и обязанностей, а также определенные обязательства, ограничения и даже социальное обеспечение и многое другое. Сама процедура назначения на руководящую должность в органах внутренних дел имеет ряд особенностей. Это обязательное прохождение психофизиологических исследований (обследований) и тестирования, согласование кандидатуры с вышестоящей организацией и подразделениями собственной безопасности.

Безусловно, с учетом омоложения состава сотрудников органов внутренних дел, ужесточения процедуры отбора на службу формированию кадрового состава в МВД с каждым годом отводится все больше и больше внимания. (Как пример по отбору граждан РФ на службу в ОВД (полицию): «во исполнение решения коллегии МВД России от 8 февраля 2013 г. в качестве инновации по линии работы по отбору граждан на службу в органы внутренних дел ДГСК МВД России был предложен проект рекрутингового центра. Идея его создания появилась в ходе изучения зарубежного опыта в данной сфере преимущественно в Германии, где рекрутинговые центры успешно работают, но финансируются за счёт государственного бюджета» [10].) При этом вопросы формирования руководящих кадров на сегодняшний день крайне актуальны. Но в то же вре-

мя комплектованию руководящих кадров отводится недостаточно внимания. Устарели формы и методы обучения и воспитания руководителей территориальных органов МВД России на районном уровне [17]. Порой сотрудники не мотивированы к замещению должности руководителя. Статистика показывает, что за последние три года (2012-2014 гг.) средний процент сменяемости руководящего звена органов внутренних дел находится на одном уровне и составил в 2014 г. – 16,8%, в 2013 г. – 16,8%, в 2012 г. – 17,8% [18, 19]. И эти показатели в 2015-2017 гг., безусловно, в закономерном порядке меняются в связи с пересмотром госфункций МВД России (и территориальных органов – региональных и районных, городских уровней). В частности, в связи с ликвидацией федеральных органов исполнительной власти в области миграции (ФМС России) и наркоконтроля (ФСНК России), а также созданием Росгвардии.

Однако следует отметить, что указанные статистические данные приведены исключительно по должностям начальников и заместителей территориальных органов на районном уровне, начальников и заместителей линейных управлений на транспорте, начальников и заместителей ведущих служб (подразделений уголовного розыска, по экономической безопасности и противодействию коррупции, по противодействию экстремизму, по организации деятельности участковых уполномоченных полиции и по делам несовершеннолетних, ГИБДД, вневедомственной охраны, следствия). Так, с августа 2016 г. Министр внутренних дел России пересмотрел структуру Управления уголовного розыска и ГУВД Москвы. И подобные кадрово-управленческие перестановки закономерно будут как в других регионах России, так и на уровне районных (городских) территориальных органов.

Тем самым на фоне ужесточения требований к руководителям, возложения на них ответственности не только за служебную деятельность сотрудников, но и моральную составляющую коллектива закономерно наблюдается снижение мотивации к замещению руководящих должностей, что приводит к падению качественного состава кадров и оттоку квалифицированных сотрудников и напрямую сказывается на отборе кандидатов на замещение руководящих должностей. Но при этом надо учитывать и вопросы «передачи» кадровых ресурсов (перемещение, отток) в 2017-2018 гг. в территориальные органы Росгвардии. Надо заметить, что фактически в какой-то степени «оголяются» силы и средства (кадровые ресурсы всех уровней – средний и старший начсостав) территориальных ОВД РФ.

Несомненно, причинами такого положения является недостаточно разработанная нормативная правовая база по формированию руководящих должностей. Следует также учитывать, что не в полном объеме рассматриваются и применяются в практической деятельности возможности кадровых технологий для мотивации сотрудников и недостаточно обеспечена база социальных гарантий для данной категории сотрудников органов внутренних дел системы МВД России. Параллельно продолжает оставаться поднятый ранее вопрос Ф.П. Васильевым – какая полиция нам нужна [7]?

В итоге требуется поиск новых подходов к организации работы с руководящими кадрами. Это вполне объяснимо, ибо от выбора будущего руководителя, его готовности к замещаемой должности во многом зависят результаты проводимых преобразований в системе МВД России и эффективность функционирования конкретной организации. За последние годы Министерство внутренних дел РФ значительное внимание уделяет поиску новых подходов к решению вопроса формирования руководящих кадров. Речь, в частности, идет и о моделировании служебной карьеры, и ее планировании посредством кадрового резерва, а также о таких новых методах стимулирования карьерного роста, как ротация кадров. Но одновременно с поиском и внедрением новых методов комплектования возникают неурегулированные вопросы социального, правового и иного обеспечения при решении вопросов назначения на руководящую должность и продолжения служебной карьеры.

В связи с тем, что МВД России является федеральным органом исполнительной власти в области регулирования вопросов поддержания правопорядка и обеспечения общественной безопасности, исследованию проблемы организации работы с кадрами ОВД традиционно следует уделять большое внимание. Вопросы подбора, расстановки, обучения руководящих кадров нашли освещение в работах ученых различных отраслей знаний – философов, социологов, управленцев, экономистов, психологов. Значительный вклад в разработку общих и прикладных вопросов работы с кадрами внесли: Г.А. Туманов, Л.М. Колодкин, А.П. Коренев, В.М. Кукушин, В.М. Манохин, В.Н. Бушкевич, Л.М. Ведерников, А.М. Столяренко, А.В. Дугин, Г.Г. Зуйков, Н.И. Ильин, В.И. Казанцев, А.Н. Роша, Ф.Е. Колонтаевский, Б.П. Кондрашов, Г.П. Лебедев, В.В. Лисицин, В.А. Лукашов, А.Я. Малыгин, Р.С. Мулукаев, О.С. Панченко, В.М. Петрожицкий, В.М. Сулов, Ю.П. Тесленко, В.К. Филатов, В.С. Чернявский, В.М. Шамаров, А.Д. Шестак и многие другие ученые.

Нельзя не отметить, что в советский период также исследовались и анализировались такие вопросы, как работа с резервом на выдвижение, система продвижения по службе, системный анализ основных факторов продвижения по службе, проблемы существования у руководителя субъективного права на продвижение по службе, критерий оценки кадров, нашедшие свое отражение в работах В.Н. Казанцева, Л.М. Колодкина, А.Н. Роша. Современные проблемные аспекты в области прохождения госслужбы и регулирования кадровой политики (присяги, этики, госслужбы и другие вопросы) мы можем заметить в трудах многих ученых и практиков, а именно: А.С. Дугенца, Н.Ф. Бережковой, Ф.П. Васильева, А.Н. Миронова, Т.С. Лятифовой, Д.В. Степанкова [20] и др.

Указанные направления исследования во многом не потеряли актуальности и в современных условиях. С учетом повышающихся с каждым годом требований, предъявляемых к сотрудникам ОВД (полиции), увеличением объема служебных обязанностей и ряда других факторов, влияющих на высокую текучесть кадров в ОВД РФ, все труднее и труднее осуществлять комплектование руководящих кадров, способных эффективно решать поставленные задачи. Все больше осознается идея о том, что государственная служба в системе МВД России будет эффективнее в условиях создания системы по комплексному подходу комплектования руководящих кадров органов внутренних дел, когда лицо посвящает службе всю свою профессиональную жизнь, осознает обязательства и ограничения, которые в силу действующего законодательства возлагаются на руководителя, при продвижении по служебной лестнице.

В итоге, несмотря на то, что проблема успешной организации служебной карьеры госслужащих исследуется достаточно интенсивно, нельзя не отметить, что вопросы комплектования руководящих должностей в системе МВД России имеют свою специфику и позволяют исследовать вопросы формирования руководящих кадров через призму имеющихся кадровых технологий в системе МВД России, анализа их эффективности для усовершенствования и внедрения новых форм отбора для замещения вакантных должностей начальников (руководителей). Практическая значимость и необходимость совершенствования методики отбора и замещения имеющихся вакантных должностей руководящего состава ОВД, недостаточная разработанность данной проблемы с учетом современных особенностей кадровой политики и недостаточной систематизации в данном вопросе говорят о необходимости в условиях проведения реформирования

ОВД РФ (полиции) и дефицита руководящих кадров исследования и внесения научно обоснованных рекомендаций.

Объектом исследования в нашем случае должны являться общественные отношения, складывающиеся в процессе формирования руководящих кадров территориальных органов МВД России на современном этапе и их правовое регулирование, а предметом исследования должны выступать нормативные правовые акты (конституционные и федеральные законы РФ, международные НПА, требования (НПА) Президента и Правительства России, НПА МВД России (ведомственные акты)), практика их применения и научные разработки, регулирующие порядок и механизм формирования руководящих кадров, практика их применения как в органах внутренних дел, так и в других государственных структурах России и в зарубежных странах. С учетом этих и других факторов (исследовательских) необходимо отметить цели и задачи исследования. Так, целью исследования является проведение комплексного теоретико-правового и сравнительно-правового исследования положений отбора на руководящие должности, замещения и продвижения по службе в ОВД РФ (полиции), на основе которого должны быть сформулированы предложения совершенствования формирования руководящих кадров территориальных органов МВД России.

В рамках требований Минобрнауки России (Рособрнадзора) следует учитывать и современные теоретические и практические значимости предполагаемых результатов исследовательской работы, которые будут заключаться:

- в современной научной систематизации вопросов формирования руководящих кадров;

- определении путей и условий совершенствования этапов отбора и стимулирования сотрудников, претендующих к замещению должности начальника (руководителя) территориального органа в системе МВД России;

- разработке рекомендаций и предложений по систематизации формирования руководящего звена, а также плановой ротации руководителей территориальных органов МВД России и др.

Конкретные выводы, рекомендации и предложения по итогам исследования могут быть использованы при организации и проведении занятий по кадровому обеспечению в территориальных органах МВД России, а также при преподавании дисциплины «Управление деятельностью подразделений по кадровой работе и морально-психологическому обеспечению» на определенных факультетах Академии управления МВД России (в т.ч. и в образовательных организациях системы МВД России).

В итоге надо отметить, что суть и необходимость исследования названного вопроса (формирование руководящих кадров территориальных органов в системе МВД России (организационно-правовые вопросы)) заключаются прежде всего в пересмотре государственных функций и задач МВД России как Президентом (в его ведении) России, так и законодателями России. Тем более что вопросы реформирования данного правоохранительного органа (силовой структуры) связаны также и с присутствием международных санкций, наличием терактов и коррупционных факторов в системе власти (эти факторы отмечаются в трудах Ф.П. Васильева, А.Н. Миронова, М.В. Кравцова, М.А. Штепа и др.).

Литература

1. Анохина С.Ю., Васильев Ф.П., Бережкова Н.Ф. и др. Правовое положение полиции МВД России: учебник / под ред. Ф.П. Васильева. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2014. 816 с.
2. Бережкова Н.Ф. К вопросу о совершенствовании прокурорского надзора за деятельностью полиции // Административное право и процесс. 2016. № 1. С. 82-84.
3. Бережкова Н.Ф. Совершенствование осуществления прокурорского надзора за деятельностью полиции МВД России // Гражданское общество и правовое государство: мат-лы международной науч.-практ. конф-ции. М., 2014. С. 19-27.
4. Бережкова Н.Ф. Правовое регулирование государственной службы в России. Этические нормы и призыва. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2015. 583 с.
5. Васильев Ф.П., Ферафонтובה М.В. Счетная палата России как субъект обеспечения экономической безопасности России // Экономика и право. 2016. № 1 (январь). С. 27-31.
6. Васильев Ф.П. Административное регламентирование деятельности МВД России: учебное пособие: в 7 ч.; ч. 2: Внутренние регламенты. М.: ЦОКР ДГСК МВД России, 2012. 223 с.
7. Васильев Ф.П. Какая полиция нам нужна? // Российская юстиция. 2011. № 6.
8. Галанин О.А. Организация работы с резервом для назначения на должности руководящего состава органов внутренних дел Российской Федерации в свете требований административной реформы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2010.

9. Закаатов В.В. Ротация как новый механизм реализации кадровой политики по замещению руководящих должностей в системе МВД России // Современные кадровые технологии и совершенствование воспитательной работы с личным составом органов внутренних дел: мат-лы межведомственной науч.-практ. конф-ции. М.: Академия управления МВД России, 2012. С. 62-67.

10. Исключить бумажную волокиту // Щит и Меч. 2015. Вып. № 16. URL: https://mvd.ru/journal_list/journal/item/3402052/?print=1.

11. Кравцова М.В. Коррупция в полиции: трансформация отношений с бизнесом // Экономическая социология. 2012. Т. 13. № 2. С. 82-98.

12. Лятифова Т.С. Повышение эффективности исполнения государственных функций путем реализации посланий Президента России // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 3. С. 163-166.

13. Лятифова Т.С. Современные особенности исполнения некоторых государственных функций уполномоченными лицами ФМС и сотрудниками полиции территориальных органов внутренних дел МВД России в отношении иностранных граждан в области пребывания ими по определенным основаниям на территории России // Таврический научный обозреватель. 2015. № 3-1. С. 119-139.

14. О системе государственной службы Российской Федерации: федеральный закон от 25 мая 2003 г. № 58-ФЗ.

15. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ.

16. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ.

17. Об объявлении решения коллегии МВД России «О неотложных мерах по укреплению служебной дисциплины и законности в органах внутренних дел Российской Федерации»: приказ МВД России от 23.03.2012 № 211.

18. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2013 год: сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2014. 80 с.

19. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2014 год: сборник аналитических и информационных материалов. М.: ДГСК МВД России, 2015. 72 с.

20. Степанков Д.В. Управление ротацией кадров государственной гражданской службы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2015.

21. Сумина Е.А. Организационное и правовое обеспечение формирования кадров органов внутренних дел Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия управления МВД России, 2009.

22. Штепа М.А. Коррупция в России: виды и возможности противодействия // Проблемы налогообложения, предпринимательства и менеджмента: сборник статей. Ростов-на-Дону: Изд-во СКАГС, 2011. Вып. 6. С. 405-410.

23. Штепа М.А. Социокультурные аспекты взаимодействия гражданского общества и государства в противодействии коррупции // Социология. М.: Изд-во МГУ, 2013. № 3.

24. Шмелькова С.В. Ротация сотрудников в органах внутренних дел: вопросы осуществления // Вестник Владимирского юридического института. 2014. № 4 (33). С. 130-135.

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.7

И.В. Ботвин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: botviniv@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕДМЕТЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

В статье исследуется расширенное содержание предмета преступлений, содержащихся в гл. 21 УК РФ. На основе эмпирических данных автор приходит к выводу о необходимости законодательной регламентации уголовной ответственности за посягательства на газ, электрическую и тепловую энергии.

Ключевые слова: преступления против собственности, предмет преступления, имущество, газ, электрическая энергия, тепловая энергия.

I.V. Botvin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: botviniv@mail.ru

REVISITING THE SUBJECT OF CRIMES AGAINST PROPERTY

This article examines expanded content of the subject of crimes contained in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author comes to the conclusion about the necessity of legislative regulation of criminal responsibility for offences against gas, electric and thermal energy. It is on the basis of empirical data.

Key words: crimes against property, the subject of crime, property, gas, electrical energy, thermal energy.

В преступлениях против собственности, помимо объекта преступного деяния, принято выделять факультативный признак – предмет преступления, под которым понимаются вещи материального мира, воздействуя на которые субъект преступления причиняет вред объекту преступления. В соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации предметом хищения и иных

преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена нормами гл. 21 УК РФ, является чужое, т.е. не находящееся в собственности или законном владении, имущество.

При этом законодательного определения имущества не существует. В науке гражданского права ученые по-разному трактуют данный термин. Так, Е.А. Суханов под имуществом понимает совокуп-

ность принадлежащих субъекту гражданского права вещей, имущественных прав и обязанностей [20, с. 122]. По мнению Д.И. Мейера, имущество – это собирательное понятие, которое охватывает не только вещи, но и чужие действия [15, с. 3].

Вещь – понятие многогранное и прежде всего представляет собой объект материального мира. Другими словами, это все то, что окружает людей, находясь в первозданном природном состоянии, подвергшееся изменениям со стороны человека или созданное им. Вещь обладает различными физическими характеристиками: весом, размером, объемом, плотностью, цветом и т.д. Кроме того, являясь предметом материального, а не идеального мира, вещь может находиться в разнообразных состояниях: твердом, жидком, газообразном. При этом вещь поддается завладению, может быть использована для удовлетворения человеческих потребностей, уничтожена, вновь создана, повреждена, видоизменена. Объектом гражданских прав, в частности вещь, не может быть заполняющий окружающее пространство воздух в его естественном состоянии. Другое дело, если этот же воздух или его составные части подверглись изменению в процессе деятельности человека – нагревание, сжатие, сжижение, в результате чего такой воздух становится товаром, а следовательно, предметом гражданских прав.

Остается непонятным, могут ли считаться вещью такие специфические предметы, как безналичные денежные средства, а также природный газ, электрическая, тепловая и другие виды энергии. Безусловно, самым распространенным видом имущества, на которое посягает преступник при причинении имущественного ущерба, являются денежные средства в наличной и безналичной формах. Если обратиться к природе денег, можно утверждать, что современный подход к их пониманию сформировался относительно недавно и с развитием информационных технологий продолжает претерпевать изменения.

Ученые дореволюционного периода, несмотря на существующий спектр банковских услуг (вклады, расчетные операции), не делили деньги в гражданском обороте на наличные и безналичные. Деньги определялись как имущество, движимые вещи особого рода, выполняющие экономические и юридические функции. В советский период исследователи проводили четкое разграничение на наличные и безналичные деньги, но признавали за безналичными расчетами лишь способ исполнения тех или иных обязательств, не определяя их природы как особой формы денег.

Так, Е.А. Флейшиц считал, что в договоре расчетного счета либо вовсе нет перехода права соб-

ственности на денежные средства, либо этот переход не имеет определяющего значения [21, с. 83-84]. В.Ф. Кузьмин утверждал, что безналичные расчеты фиксируют лишь переход в собственность организаций определенных денежных сумм [14, с. 18].

В современной доктрине все тоже не так однозначно. Если относительно правовой природы наличных денег мнения ученых сводятся к определенному единству, то по вопросу о безналичных денежных средствах возникают активные дискуссии, что обуславливается и отсутствием в Гражданском кодексе РФ определения понятия «безналичные деньги» и неопределенностью их правовой природы.

В этом вопросе нам импонирует мнение ученых, которые считают, что природа денег при их передаче на счет в банк не меняется, просто изменяется форма их существования – с наличной на безналичную. Владелец счета сохраняет право собственности на находящиеся на нем денежные средства, т.е. безналичные денежные средства являются объектом его права собственности [12, с. 48-50]. Кроме того, безналичные, как и наличные, деньги являются имуществом, вещь или правом на имущество и, соответственно, могут быть предметом исследуемого деяния и преступления против собственности в целом. При этом расширенного толкования предмета имущественных преступлений не требуется. На этот счет существует справедливое мнение П.С. Яни, признающего «безналичные денежные средства» предметом корыстных посягательств на собственность, в т.ч. и ряда хищений [23, с. 46-47].

В специальной литературе все чаще можно встретить научные труды, в которых затрагивается вопрос о расширении понятия предмета преступлений против собственности, под которым понимаются не только вещи, но и иные объекты имущественных отношений, в т.ч. различные виды энергий, имеющих определенную стоимость и находящихся фактически в чьей-либо собственности [4, с. 11].

По мнению М. Гельфера, электроэнергия и прочие виды энергии, за пользование которыми установлена и взимается плата, обладают всеми признаками предмета преступлений против собственности. Он предлагал с учетом специфики предметов преступления, а также способов завладения ими выделить это деяние в самостоятельный состав [8, с. 48-49]. В настоящее время подобной позиции придерживается А.В. Хабаров, обосновывая свою точку зрения тем, что на энергию распространяется вся триада правомочий собственника – владение, пользование, распоряжение, и договор энергоснабжения рассматривается как договор купли-продажи [22, с. 11-12].

По мнению А.И. Бойко, электроэнергию следует признавать имуществом, поэтому уклонение от уплаты электроэнергии путем обмана или злоупотребления доверием следует квалифицировать как мошенничество, а действия по самовольному подключению к источнику энергоснабжения и пользование электроэнергией без платы за нее – соответственно как кражу [5, с. 38-43].

Однако не все ученые разделяют такое мнение. Так, В.В. Векленко считает, что «энергия, представляющая собой количественную меру различных форм движения материи, не может рассматриваться в качестве предмета хищения» [6, с. 72].

В. Навроцкий утверждал, что энергия не может быть отражена в фондах, следовательно, энергетических мощностей не существует, ее нельзя запастись, устройство для аккумуляции энергии стоит больше, чем стоимость самой энергии, находящейся в этом устройстве, поэтому уклонение от уплаты за пользование электроэнергией следует квалифицировать по ст. 94 УК РСФСР. В то же время он отмечал, что газ с момента его добычи является имуществом, соответственно, неправомерное использование газа следует квалифицировать как хищение [16, с. 49-50].

Как видно, отечественные ученые не пришли к единому мнению относительно предмета имущественных преступлений, и данный вопрос в настоящее время остается дискуссионным.

Проведенное нами анкетирование позволило прийти к следующим результатам: 62% опрошенных ученых¹ и 72,1% опрошенных правоприменителей² относят газ, электрическую и тепловую энергии к предмету преступлений против собственности.

Впрочем, полученные данные также подтверждают и положениями теории, предполагающими соответствие предмета преступлений против соб-

¹ Всего нами опрошено 50 кандидатов и докторов юридических наук по научной специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право в Омской академии МВД России, Барнаульском юридическом институте МВД России, Санкт-Петербургском университете МВД России, Тюменском институте повышения квалификации МВД России, Алтайском государственном университете, Горно-Алтайском государственном университете и Томском государственном университете.

² Всего нами опрошено 179 правоприменителей, среди которых 109 судей, 70 следователей и дознавателей органов внутренних дел из Республик Алтай, Тыва, Хакасия, Алтайского, Краснодарского, Красноярского краев, Архангельской, Белгородской, Брянской, Ивановской, Иркутской, Калининградской, Кемеровской, Ленинградской, Московской, Новосибирской, Омской, Томской областей, городов федерального значения Москвы и Санкт-Петербурга.

ственности трем обязательным свойствам – юридическому, экономическому и физическому. При этом *юридический признак* предмета представляет собой принадлежность вещи на праве собственности кому-либо. В нашем случае газ, электрическая и тепловая энергия принадлежат на праве собственности поставщику, который имеет правомочия владения, пользования и распоряжения указанными благами.

Экономический признак предмета характеризует его стоимостную составляющую и означает, что в определенные вещи вложен какой-либо труд человека, выделяющий вещь из природного состояния и придающий вещи определенную рыночную цену (стоимость).

Природный газ находится в земле на глубине от 1000 м до нескольких километров. Газ добывают из недр земли через скважины с помощью технического оборудования. Скважины, как правило, размещают равномерно по всей территории месторождения, для равномерного падения пластового давления в залежи. Газ выходит из недр вследствие того, что в пласте он находится под очень высоким давлением, многократно превышающим атмосферное. Таким образом, для добычи газа необходим человеческий труд, направленный на поиск месторождения, бурение скважины и установку газопровода и т.д. Вследствие указанных действий газ становится пригодным для использования, и ему придается конкретная стоимость.

Движение электронов от одного атома к другому приводит к образованию энергии. Эта энергия и называется электричеством. Электрическая энергия получается на электростанциях, где есть генераторы, работающие от источника энергии (тепловая энергия, сила воды, ветра и т.д.). Далее работающий генератор создаёт поток электрических зарядов (ток), который проходит по медным проводам. Чтобы передавать электричество по проводам на большие расстояния, используют трансформаторы [19, с. 97]. Таким образом, функционирование машин и механизмов приводит к появлению электрической энергии. Электричество, в свою очередь, также имеет стоимостное выражение, а его количество регистрируется с помощью счетчиков.

И наконец, тепловая энергия возникает в результате хаотичного движения молекул, атомов и других частиц. Чаще всего создание тепловой энергии сопряжено с электрической, а комплекс по их выработке называется теплоэнергетической станцией. На таких станциях топливо, сгорая, нагревает специально подготовленную воду до нескольких сот градусов, превращая ее в пар высокого давления. Пар приводит в движение лопасти

турбины, которая, в свою очередь, вращает генератор. Последний вырабатывает электрический ток, который затем передается в энергосистему страны. Отработанный пар продолжает «службу», поступая в теплообменники, где нагревает сетевую воду, называемую также теплоносителем [3, с. 82]. Этот трудоемкий и затратный процесс приводит к созданию дорогостоящей тепловой энергии, которая на выходе также получает стоимостный эквивалент.

Физический признак означает материальную, вещную сущность предмета как частички материального мира. Вещи, выступающие предметом анализируемых составов преступлений, могут находиться в любом физическом состоянии; являться одушевленными или неодушевленными; движимыми или недвижимыми; иметь самостоятельное значение или быть частью другой вещи. Все окружающие нас предметы материального мира состоят из атомов. Атомами именуется малейшие частицы всего, что нас окружает, и нас самих. Структура каждого из них идентична. Атом состоит из ядра, которое всегда заряжено положительно, и электронов [3, с. 212]. Это говорит о том, что вся материя, начиная от воздушного пространства, нас окружающего, до носителя, на котором изложено настоящее исследование, состоит из атомов. Таким образом, электрическая, тепловая энергия и газ, как и все вокруг, также состоят из указанных элементарных частиц и обладают их свойствами.

Точно так же, как в реках течет вода, по проводам текут заряженные частицы. Эти невидимые глазом, но абсолютно реальные движущиеся частицы несут с собой энергию, которую люди научились использовать.

Чтобы доказать, что электрическая энергия является предметом материального мира, необходимо определить ее физические свойства. Так, единицей электрического заряда в физике принято считать заряд электрона. Однако заряд электрона очень мал, поэтому им практически неудобно измерять количество электричества, проходящее по проводам или поступающее в различные электрические устройства. В практической электротехнике количество электричества измеряют в кулонах (Кл). Если по проводу прошло $6,29 \cdot 10^{18}$ электронов, то говорят, что по проводу прошло количество электричества, равное 1 Кл [3, с. 223].

Кроме того, электрическая энергия обладает такими физическими параметрами, как напряжение, частота, форма кривой электрического тока [9], а также существуют устройства, которые позволяют генерировать и аккумулировать электричество на централизованных электростанциях, а затем пере-

направлять его на довольно протяженные дистанции к конечным потребителям, что говорит о наличии объема, который измеряется размером самого генератора [13, с. 237].

Электрическая энергия тесно связана с тепловой энергией, под которой понимается энергия движения молекул, а обобщенной величиной, характеризующей степень нагрева тела или вещества, является температура [18, с. 210]. Как уже было описано выше, тепловую энергию получают при конденсации пара, взятого из паровой турбины после того, как он выработал электрическую мощность. Затем тепловую энергию под давлением переправляют для различных целей. В тепловых установках также имеется способность аккумуляции энергии в паровых котлах, бойлерах и даже специальных аккумуляторах [19, с. 97]. Таким образом, тепловая энергия обладает температурой, давлением и возможностью аккумулирования.

Природный газ, в отличие от рассмотренных видов энергии, имеет больше физических свойств. Так, природный газ может находиться как в жидком, так и в газообразном состоянии, обладает объемом, весом (легче воздуха в 1,8 раза) и температурой горения [10]. На газ как предмет преступлений против собственности законодатель обратил внимание, когда Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 283-ФЗ ввел новый квалифицирующий признак в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ: «из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода». Закон отошел от классического понятия предмета преступления, определяемого лишь вещью, потому как газ не обладает физическими свойствами вещи наряду с рассмотренными видами энергии.

Несмотря на то что многие источники к предмету хищений относят лишь предметы материального мира, нам представляется, что такой подход к предмету устарел. Думается, что такие специфические предметы, как газ, электрическая и тепловая энергии, состоят из тех же элементарных частиц (атомов), что и все объекты материального мира. Не имея вещественной формы в привычном понимании, они все же обладают физическими свойствами, позволяющими относить их в разряд предметов преступлений против собственности.

Однако признание газа, электрической и тепловой энергии предметом преступлений против собственности актуализирует вопрос относительно квалификации противоправных действий с ними. В научной литературе принято считать, что подобные действия должны квалифицироваться как причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием. Но анализ приговоров позволяет сделать вывод о том, что газ, электрическая

и тепловая энергии рассматриваются судами не как предмет преступления.

Так, Г. в дневное время, находясь на территории арендуемого земельного участка, руководствуясь корыстными мотивами, осуществил незаконное подключение столярного цеха к линии электропередач, находящейся на территории вышеуказанного земельного участка. Продолжая преступные действия, Г. потребил электрическую энергию объемом 65692 кВт/ч на сумму 291672 рубля 48 копеек без договора с собственником электроэнергии. Тем самым Г. причинил потерпевшему ОАО «Кубаньэнерго» имущественный ущерб в крупном размере – 291 672 рубля 48 копеек [1].

В представленном примере очевидно, что в качестве предмета суд признает только денежные средства, которыми надлежит оплатить электрическую энергию.

По нашему мнению, для решения вопроса относительно квалификации подобных действий необходимо проанализировать механизм совершения преступления. Для потребления газа, электрической или тепловой энергии необходимо незаконно подключиться к их источнику, т.е. произвести изъятие из обладания собственника с одновременным переводом в обладание виновного. Таким образом, можно утверждать, что объективная сторона складывается из противоправного безвозмездного изъятия и обращения, что соответствует понятию хищения. Кроме того, спецификой будет являться тот факт, что изъятие и обращение происходят одновременно.

Примером будет уголовное дело по обвинению К., который, являясь абонентом ОАО «Омская энергосбытовая компания», имея задолженность за фактически полученную им электроэнергию на сумму 6599 рублей, был отключен от воздушной линии электропередачи. К., имея прямой умысел на причинение имущественного ущерба МУПЭП «Омскэлектро» г. Омска, с целью неучтенного потребления электрической энергии умышленно, из корыстных побуждений во дворе своего дома осуществил незаконное подключение к линии электропередач путем самовольного наброса провода на воздушную линию электропередачи, принадлежащую МУПЭП «Омскэлектро» г. Омска. К. безучтенно израсходовал электрическую энергию объемом 4158 кВт/час, чем причинил МУПЭП «Омскэлектро» г. Омска материальный ущерб на сумму 12763 рубля 15 копеек [2].

В рассмотренном примере К. совершил с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и обращение электрической энергии в свою пользу, что повлекло за собой причинение имущественного ущерба собственнику. Однако действующее законодательство предусматривает уголов-

ную ответственность лишь за тайное хищение газа (п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ), что, несомненно, указывает на наличие законодательного пробела.

В этом вопросе нельзя не согласиться с мнением Н.В. Вишняковой о том, что при условии отнесения газа, электрической и тепловой энергии к предмету хищения безвозмездное их потребление на сумму менее одной тысячи рублей признается мелким хищением, а на сумму более одной тысячи – уголовно наказуемым хищением [7, с. 114].

Учитывая рост посягательств на газ, электрическую и тепловую энергии, а также на фоне процветающего кризиса возрастающую стоимость и дефицит энергоресурсов, их важнейшую роль для экономики и социальной стабильности государства, считаем необходимым детально регламентировать уголовную ответственность в этой сфере. В подтверждение нашего решения можно привести результаты проведенного анкетирования, которые показали, что за целесообразность выделения в самостоятельную норму ответственности за хищение газа, электрической и тепловой энергии выступили 56,4% опрошенных правоприменителей и 54% ученых (7,4% опрошенных затруднились ответить)¹.

Особого внимания заслуживает и тот факт, что после изменений, внесенных в ст. 165 УК РФ 7 декабря 2011 г., подобные случаи несанкционированного пользования газом, электрической или тепловой энергией считаются преступными, будучи совершенными лишь в крупном размере. Проводя аналогию с другими видами хищений, содержащимися в нормах гл. 21 Особенной части УК РФ, согласно которым уголовная ответственность предусмотрена за хищение на сумму от 1000 рублей, приходим к выводу о том, что законодатель искусственно понизил общественную опасность посягательств на газ и указанные виды энергии, связав наступление уголовной ответственности за подобные деяния с крупным размером.

Таким образом, на основании изложенного предлагаем норму об ответственности за хищение газа, электрической или тепловой энергии предусмотреть в ст. 158.1 УК РФ, изложив диспозицию следующим образом: «Хищение газа, электрической или тепловой энергии – наказывается...». Основанием для выделения новой нормы служит особый предмет посягательства. В главе 21 УК РФ уже содержится законодательная практика выделения специальной разновидности хищения по предмету

¹ Нами опрошено 179 правоприменителей и 50 ученых, из которых 101 и 27 человек соответственно выступают за целесообразность выделения нормы об ответственности за хищение газа, электрической или тепловой энергии в самостоятельный состав преступления.

преступления, в частности ст. 164 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность.

При этом представляется, что такая формулировка нормы будет охватывать все формы совершаемого хищения. Однако в отличие от общей конструкции хищений предлагаемая норма должна иметь формальный состав по следующим причинам. Хищение природного газа, электрической или тепловой энергии осуществляется путем незаконного подключения к газо-, электро- или теплопроводу, находящемуся в принадлежащем виновному помещении, жилище, хранилище или на иной территории. При этом виновный, осуществив подключение, использует поступающий предмет посягательства для отопления и других бытовых нужд. В силу того что такой предмет хищения вслед за изъятием потребляется (более того, без потребления в таком случае не может быть и изъятия), а период незаконного потребления указанных благ, как правило, неизвестен, установить размер причиненного имущественного ущерба оказывается практически невозможно. В результате он определяется условно.

Так, М. осуществила самовольную врезку газовой трубы в газопровод и использовала газ для отопления принадлежащей ей гостиницы. В приговоре суд использовал следующую формулировку: «Сумма материального ущерба была исчислена в соответствии с п. 34 Правил предоставления коммунальных услуг гражданам, утвержденных Постановлением Правительства Российской Федерации от 23 мая 2006 г. № 307, т.к. точного времени подключения выяснить не удалось. Согласно данным Правилам, в случае обнаружения несанкционированного подключения к системе трубопроводов, за надлежащее состояние и безопасность которых отвечает исполнитель (присоединенная сеть), исполнитель вправе произвести перерасчет размера

платы за потребленные без надлежащего учета коммунальные услуги за 6 месяцев, предшествующих месяцу, в котором было выявлено совершение указанного действия» [17].

Нельзя не согласиться с позицией О.В. Ермаковой, которая считает, что использование указанного документа для исчисления ущерба, причиненного хищением, неправомерно и ведет к объективному вменению в части степени тяжести наступивших последствий. Установленный Правилами порядок перерасчета размера платы за потребленные без надлежащего учета коммунальные услуги предусмотрен для регулирования гражданско-правовых отношений. К тому же нужно иметь в виду, что тарифы на газ и нормативы его потребления значительно различаются по регионам [11, с. 46].

Кроме того, определение размера причиненного ущерба делает невозможным и тот факт, что хищение энергии, как правило, осуществляется путем подключения к ее источнику, минуя приборы учета.

Таким образом, представляется, что предложенный состав, который предусматривает уголовную ответственность за хищение газа, электрической или тепловой энергии, должен конструироваться как формальный. При этом действия лица, осуществившего незаконное подключение к газовой, энергетической или тепловой сети, независимо от количества и времени изъятия и потребления газа, электрической и тепловой энергии следует признавать оконченным преступлением, квалифицируемым по ст. 158.1 УК РФ. Вместе с тем следует дать соответствующие разъяснения к Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое».

С учетом предложенных изменений также представляется необходимым внести изменения в п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, исключив из него слово «газопровода», поскольку посягательства на газ будут охраняться нормой, содержащейся в ст. 158.1 УК РФ.

Литература

1. Архив Абинского районного суда Краснодарского края за 2013 г. Д. 1-74/2013.
2. Архив Ленинского районного суда г. Омска за 2010 г. Д. 1-190/2010.
3. Базаров И.П. Термодинамика. М.: Высшая школа, 1991. 376 с.
4. Безверхов А.Г. Имущественные преступления: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Ижевск, 2002. 42 с.
5. Бойко А.И. Уголовно-правовая квалификация незаконного использования электроэнергии // Вопросы борьбы с преступностью. 1985. Вып. 42. С. 38-43.
6. Векленко В.В. Квалификация хищений: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2001. 256 с.
7. Вишнякова Н.В. Объект и предмет преступлений против собственности: монография. Омск: Омская академия МВД России, 2008. 248 с.
8. Гельфер М. О квалификации незаконного пользования электрической и другой энергией // Социалистическая законность. 1983. № 8. С. 48-49.
9. ГОСТ 23875-88. Качество электрической энергии. Термины и определения.

10. ГОСТ 30319.1-2015. Газ природный. Методы расчета физических свойств. Общие положения.
11. Ермакова О.В. Момент окончания преступлений против собственности: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2011. 224 с.
12. Ефимова Г.Л. Правовые проблемы безналичных денег // Хозяйство и право. 1997. № 2. С. 48-50.
13. Калашников С.Г. Электричество. М.: Наука, 1985. 340 с.
14. Кузьмин В.Ф. Кредитные и расчетные правоотношения в промышленности. М.: Юридическая литература, 1975. 200 с.
15. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. М.: Статут, 1997. Ч. 1. 455 с.
16. Навроцкий В. Уголовная ответственность за незаконное пользование электрической и другими видами энергии // Социалистическая законность. 1984. № 2. С. 49-50.
17. Официальный сайт Прикубанского районного суда г. Краснодара. Приговор по ч. 3 ст. 158 УК РФ. URL: http://krasnodar-prikubansky.krd.sudrf.ru/modules.php?cl=1&id=42&name=docum_sud.
18. Сивухин Д.В. Общий курс физики. Т. III: Электричество. Изд. 4-е, стереотип. М.: Физматлит, 2004. 656 с.
19. Сивухин Д.В. Общий курс физики. Т. II: Термодинамика и молекулярная физика. 5 изд., испр. М.: Физматлит, 2005. 544 с.
20. Суханов Е.А. Гражданское право. М.: Волтерс Клувер, 2003. Т. 1. 396 с.
21. Флейшиц Е.А. Расчетные и кредитные правоотношения. М.: Госюриздат, 1956. 278 с.
22. Хабаров А.В. Преступления против собственности: влияние гражданско-правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 1999. 25 с.
23. Яни П.С. Безналичные средства – предмет хищения? // Законность. 2002. № 1. С. 46-47.

УДК 343.985

С.С. Галахов, доктор юрид. наук, профессор, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации

Научно-исследовательский институт ФСИН России

РОЛЬ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье излагаются научно-прикладные вопросы использования криминологических знаний в прогнозировании организационных решений по борьбе с преступностью и их использовании в решении задач оперативно-разыскной деятельности.

Ключевые слова: криминология, прогнозирование, оперативно-разыскная деятельность, криминологическое прогнозирование, рефлексивное управление, оперативно-разыскная виктимология.

*S.S. Galakhov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, honored law enforcement officer of the Russian Federation
Scientific-Research Institute of the Federal Penal Correction FSIN of Russia*

THE ROLE OF CRIMINOLOGICAL PREDICTION IN SOLVING PROBLEMS OF OPERATIONAL-INVESTIGATIVE ACTIVITY

The article considers scientific and practical issues of using criminological knowledge in the prediction of organizational solutions of fighting crime and their use in solving problems of operational-investigative activity.

Key words: criminology, prediction, operational-investigative activity, criminological prediction, reflexive management, investigative victimology.

В последнее время ученые используют в своих научных работах сведения, почерпнутые из различных наук. При этом следует особо отметить, что эти сведения могут быть даже из наук не смежных между собой. Почти шестьдесят лет назад два великих ученых А. Эйнштейн и Л. Инфельд писали, что «ход мыслей, развитый в одной ветви науки, часто может быть применен к описанию явлений, с виду совершенно отличных. В этом процессе первоначальные понятия часто видоизменяются, чтобы продвинуть понимание как явлений, из которых они произошли, так и тех, к которым они вновь применены» [12, с. 34]. Это вполне можно отнести и к науке об оперативно-разыскной деятельности, использующей инструментарий криминологии, уголовного права, психологии, теории управления и еще значительного числа наук. Все научные знания перечислен-

ных и не перечисленных наук весьма эффективно интерпретируются учеными, представляющими науку об оперативно-разыскной деятельности, для успешного научно-методического обеспечения решения ее практических задач. Особенно часто практические сотрудники, решая задачи вышеуказанной деятельности, нуждаются именно в криминологических знаниях, позволяющих им их решить. Однако попытки их использования достаточно часто сталкиваются именно с дефицитом этих знаний. В большей степени это относится к криминологическому прогнозу преступности, который может быть эффективно использован в маневрировании силами и средствами оперативно-разыскной деятельности для достижения ее цели – защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государ-

ства от преступных посягательств (ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Роль криминологического прогноза преступности значительна в борьбе с ней. Полученные результаты могут быть использованы не только в гласной, но и в негласной работе, в различных направлениях оперативно-служебной деятельности оперативных сотрудников. Поэтому различные виды прогнозов в комплексе служат созданию систематизированного знания о возможных объектах преступного посягательства и лицах, совершающих преступления, напрямую влияют на возрастание «онаучивания» практики борьбы с преступлениями в целях ее совершенствования и повышения профессионализма в действиях сотрудников, призванных им противодействовать. То есть прогнозирование должно производиться так, чтобы можно было всесторонне изучить и учесть объективные и субъективные условия, которые в конечном счете определяют ожидаемые в будущем тенденции и закономерности проявлений отдельных видов преступлений, совершенных определенной категорией преступников [5, с. 5].

Главное предназначение криминологического прогнозирования состоит в повышении степени научной обоснованности планов, программ и других решений в сфере борьбы с преступностью, определении стратегии и тактики противодействия ей [11, с. 20].

Главной целью прогнозирования преступности являются: показать характер и масштабы изменения преступности, ее видов, дать анализ ее последствиям для граждан, общества, государства, отдельного региона; предоставить в распоряжение органов власти, управления, правоохранительные органы информацию, которая может быть использована для оптимизации управленческих решений, обеспечивающих эффективное противодействие преступности; определить критерии, которые необходимо учесть при разработке и реализации программ, решении социальных, экономических и других криминологически значимых проблем; обеспечить ведомства, в компетенцию которых входит финансовое обеспечение противодействия преступности, функционирования правоохранительной системы, необходимыми сведениями.

Непрерывное криминологическое прогнозирование позволяет: осуществить сравнительный анализ, определить показатели преступности на перспективу, выявить негативные тенденции и закономерности, выработать стратегию и тактику противодействия преступности. Поэтому криминологическое прогнозирование пронизывает все сферы деятельности органов, осуществляющих борьбу

с преступностью. Под прогнозированием следует понимать ту область работ, которая необходима как отправная база на близкую или отдаленную перспективу [1, с. 13].

Сказав немного о стратегической сущности криминологического прогноза, естественно, возникает вопрос о его роли для оперативно-розыскной деятельности. Ведь именно правильное использование тех или иных результатов позволяет решить стоящие перед системой задачи, достичь цели, которые перед ней стоят.

Во-первых, результаты криминологического прогнозирования широко используются при разработке оперативно-розыскной характеристики. Содержание ее составляет совокупность информационных, уголовно-правовых, криминалистических, криминологических, психологических, оперативно-розыскных (если они есть) и иных данных, характеризующих личность преступника во взаимосвязи с другими совершенными им преступлениями и криминальной средой. Указанные сведения должны использоваться при организации оперативно-розыскной деятельности и выборе тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий по решению ее задач.

Отмечая это, мы исходим из того, что интегративные свойства современной науки оперативно-розыскной деятельности, которые неоднократно подчеркивали многие ее основоположники, определяют комплексное использование разнообразных видов информации, позволяющих сделать эффективным применение агентурно-оперативных возможностей всех оперативных подразделений и спецслужб, привлекаемых к противодействию преступности [6, с. 4-14].

Учет и использование информации, указанной выше, в конечном счете обеспечат комплексное применение сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, а также нейтрализацию противодействия преступников правоохранительным органам. Однако для успеха в решении задач перед оперативными подразделениями крайне важно, чтобы оперативно-розыскная характеристика охватывала как можно больше поисковых, идентификационных признаков, способствующих алгоритмизации действий оперативных сотрудников по выбору наиболее эффективных оперативно-розыскных мероприятий и средств для их использования при выявлении и документировании замышляемых, подготавливаемых и совершаемых преступлений. Однако, как известно, для большинства преступников, особенно ранее совершавших преступления, характерны две важные в оперативно-розыском отношении особенности: наличие рефлексии, т.е. самоанализа эф-

фективности своей преступной деятельности, и совершенствование на этой основе средств, способов, уловок и общего алгоритма преступной деятельности.

Следовательно, во-вторых, результаты криминологического прогноза необходимо использовать при проведении личного сыска. Поэтому при организации и проведении личного сыска особенно актуальна проблема создания оперативно-информационного и прогностического обеспечения раскрытия преступлений, способствующего результативности в достижении конечных задач личного сыска – задержание преступника и привлечение его к уголовной ответственности. Дефицит имеющейся информации на первоначальном этапе раскрытия преступлений, совершенных в условиях неочевидности, усугубляется явным и скрытым воздействием на свидетелей и потерпевших со стороны подозреваемых в совершении преступления или их связей (в случае задержания первых) в целях изменения их показаний на более выгодные для преступников. Однако и в этом случае получение своевременной, качественной, достаточно полной оперативно-разыскной и криминологической информации о личности преступника, ориентирующей оперативных сотрудников на проведение необходимых оперативно-разыскных мероприятий и успешное решение конечных задач личного сыска, вполне реально. Для этого возможно использование ряда нетрадиционных способов получения информации, представляющей оперативный интерес, положительно себя зарекомендовавших в практической деятельности оперативных сотрудников при проведении личного сыска.

Один из таких способов связан с введенным в 1967 г. отечественным ученым В.А. Лефевром понятием «рефлексивная система» или «рефлексивное управление» как процесс передачи оснований для принятия решения противоборствующей стороне. Термин «рефлексивный» подчеркивает, что два или более человека отражают в своем мышлении рассуждения друг друга [8, с. 8].

В последнее время данные термины хотя и редко, но стали вновь появляться в научных статьях и диссертационных исследованиях, посвященных оперативно-разыскной деятельности. Надо отметить, что в криминологической литературе попытки указать пути использования общих положений теории «рефлексивных игр» в следственной практике предпринимались намного раньше [10, с. 188; 3, с. 41], но вот в криминологии она еще не нашла должного научного осмысления, и специально проблема рефлексивного управления в ней не рассматривалась.

Вместе с тем тактическое противодействие, управление решениями противника – все это, безусловно, адекватно тем ситуациям, которые возникают в практике оперативно-разыскной работы, где присутствуют такие понятия, как оперативное искусство, оперативная хитрость, дезинформация, введение противника в заблуждение, демонстрация предметов и документов маскировки, а также необходимость отслеживания стереотипов поведения преступника и выявления особенностей его личности, использование выявленных закономерностей для проведения упреждающих действий. Все перечисленное обязательно должно быть использовано при проведении личного сыска.

Из вышеизложенного следует, что рефлексивное управление в период проведения личного сыска как самостоятельный вид тактического воздействия на преступника может как представлять собой комбинационное сочетание криминологических знаний, криминологических и оперативно-разыскных действий, так и быть самостоятельным – в рамках тактической комбинации при проведении личного сыска.

Ну и наконец, в-третьих, оперативно-разыскная деятельность стала активно заимствовать достижения криминологии. Например, изначально в науке оперативно-разыскной деятельности изучение вопросов прогнозирования было связано с описанием возможных перспектив, решений, действий. Поэтому когда в криминологии была изучена тема индивидуального преступного поведения [7, 9], многие ее теоретические положения оказались адекватны проблемам: постановки криминально-активных контингентов на оперативно-разыскной учет; оперативно-тактического предвидения формирования преступных групп; изучения вариантов поведения лидеров группировок; вопросам расстановки агентурного аппарата. Данные закономерности, исследуемые наукой оперативно-разыскной деятельности, при помощи достижений криминологии, психологии и других наук впоследствии становились важными регуляторами прогнозирования осуществления оперативно-разыскной деятельности в целом [2, с. 25].

Однако следует подчеркнуть, что любой прогноз должен основываться на объективных данных, полученных в ходе реальной оценки ситуации состояния борьбы с преступностью. Вместе с тем проблемы фальсификации той или иной сферы правоохранительной деятельности настолько актуальны, что статистические данные и прогнозные выводы стали дезориентировать самих оперативных сотрудников. Подобное положение дел потребовало от законодателей изменить название ст. 303 УК РФ на «Фальсификация доказательств и результатов опе-

ративно-розыскной деятельности», дополнить ее частью четвертой, предусматривающей уголовную ответственность за фальсификацию результатов оперативно-розыскной деятельности.

Таким образом, криминологический прогноз – это логический базис познавательного процесса, посредством которого формируется тактика, активизируется поиск дополнительной информации, выдвигаются оперативно-розыскные версии, имеется возможность их использования при решении задач оперативно-розыскной деятельности.

Вместе с тем результаты криминологического прогноза, на наш взгляд, целесообразно использовать в достаточно сложной и менее востребованной деятельности оперативных сотрудников и их негласного аппарата. В данном случае имеются в виду оперативно-розыскная виктимология и работа по выявлению латентных преступлений. Оба эти вида деятельности, наряду с оперативно-розыскным предупреждением преступлений, способны не только стабилизировать рост количества регистрируемых преступлений, обеспечить принцип неотвратимости наказания, но и минимизировать негативные последствия преступности.

Оперативно-розыскная виктимология, осуществляемая оперативными подразделениями органов внутренних дел, дополняет и обогащает оперативно-розыскную профилактику. При этом необходимо подчеркнуть, что роль негласных методов, включая использование негласных сотрудников при осуществлении оперативно-розыскной виктимологии весьма значительна. С их помощью можно не только повлиять на поведение конкретного лица в конкретной жизненной ситуации, но и переориентировать его правопослушный образ жизни [4, с. 37].

В статье 52 Конституции РФ говорится, что «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба». Теоретические положения и практические рекомендации по защите прав и интересов жертв преступлений разрабатываются криминологической виктимологией. Главной ее целью в современных условиях является разработка системы мер, способных снизить риск виктимизации, т.е. вероятность причинения вреда в результате преступления.

Вместе с тем интеграция научных знаний правового цикла позволила сформулировать научно обоснованный тезис о том, что помимо криминологии виктимологическим предупреждением преступлений в рамках оперативно-розыскной виктимологии занимаются и сотрудники оперативных подразделений органов внутренних дел. Еще в конце 70-х –

начале 80-х гг. XX в. в МВД СССР неоднократно подчеркивалась необходимость изучения особенностей личности и поведения потерпевших от преступлений при решении задач предупреждения преступлений и борьбы с преступностью в целом при осуществлении оперативно-розыскной деятельности. В этот же период на кафедре организации ОРД Академии МВД СССР был подготовлен и издан ряд научных работ по данной проблематике.

Однако в силу ряда субъективных и объективных причин внимание к разработке прикладных вопросов оперативно-розыскной виктимологии в последующем было сведено на нет. В результате многие актуальные вопросы учения о жертве преступления не получили должного освещения в специальной литературе для оперативных сотрудников. Прежние же труды и исследования оперативно-розыскной виктимологии остались не востребованы не только практикой, но и не были продолжены в научных исследованиях в сфере оперативно-розыскной деятельности.

Вместе с тем в последнее время стало очевидным, что только комплексное и всестороннее изучение личности преступника и его жертвы, их роли, которую каждый из них сыграл в совершении преступления, позволит обеспечить правильную организацию оперативно-розыскной деятельности по его раскрытию, установить причины и условия, способствующие его совершению. С другой стороны, знание личностных особенностей жертвы, ее роли в зарождении и развитии преступления, анализ и характеристика отношений между правонарушителем и потерпевшим с позиций свойств жертвы и ее поведения значительно расширяют возможности оперативно-розыскной профилактики и борьбы с преступностью.

Неслучайно в последнее время в диссертационных работах, посвященных вопросам (проблемам) оперативно-розыскной деятельности, в рамках оперативно-розыскной характеристики того или иного преступления в качестве структурно-содержательного элемента указываются характерологические особенности личности потерпевшего.

В этой связи, а также учитывая нестабильность криминальной ситуации в России, существенно возрастает значимость исследований, посвященных современному состоянию и перспективам развития оперативно-розыскной виктимологии, главная цель которой состоит в том, чтобы разработать систему мер, способных снизить риск провокаций совершения преступлений благодаря осуществлению оперативно-розыскной деятельности.

За время своего развития оперативно-розыскная виктимология как составная часть оперативно-

разыскной профилактики накопила определенный опыт, нуждающийся, прежде всего, в теоретико-прикладном осмыслении с целью определения тенденций и перспектив дальнейшего направления развития этой деятельности. Кроме того, требует своего решения проблема практической реализации результатов виктимологических исследований криминоло-

гов при осуществлении оперативно-разыскной деятельности. Важно также и дальнейшее исследование проблем организации оперативно-разыскной виктимологии в рамках осуществления оперативно-разыскной профилактики, направленное на выявление имеющихся недостатков в данном виде деятельности и разработку мер повышения ее эффективности.

Литература

1. Аванесов Г.А. Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью. М.: Академия МВД СССР, 1972.
2. Агеев В.В. Теоретические и организационно-правовые основы оперативно-розыскного прогнозирования: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Моск. пед. гос. ун-т, 2008.
3. Богинский В.Е. Рефлексивное управление при допросе: учебное пособие. Харьков, 1983.
4. Галахов С.С. Организационно-тактические и правовые основы оперативно-розыскной профилактики и пути ее совершенствования (по материалам аппаратов уголовного розыска): дис. ... канд. юрид. наук. М.: Академия МВД СССР, 1988.
5. Климов И.А. Прогнозирование оперативной обстановки. М.: МЮИ МВД России, 1992.
6. Климов И.А., Синилов Г.К. Перспектива развития теории оперативно-розыскной деятельности в современных условиях // Правовые, научные и организационно-тактические проблемы оперативно-розыскной деятельности в современных условиях. М.: МЮИ МВД России, 1997.
7. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии М.: Наука, 1968.
8. Лефевр В.А., Смолин Г.Л. Алгебра конфликта. М.: Наука, 1968.
9. Овчинский С.С. Проблемы борьбы с тяжкими преступлениями против личности. М.: ВНИИ МВД СССР, 1971.
10. Ратинов А.Р. Теория рефлексивных игр в следственной практике // Правовая кибернетика. М., 1970.
11. Токарев А.Ф. Криминологическое прогнозирование и планирование предупреждения преступлений. М.: Академия МВД СССР, 1990.
12. Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики. М.: Наука, 1965.

УДК 343.362

М.И. Данилюк

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЛОЖНЫЙ ДОНОС ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

В статье рассмотрены вопросы уголовной ответственности за ложный донос по законодательству стран романо-германской и англо-американской правовых семей. В ходе исследования зарубежных уголовно-правовых норм были рассмотрены элементы тех составов преступлений, которые имеют сходство с составом заведомо ложного доноса по УК РФ. В результате сравнительно-правового анализа указанных норм выявлены подходы, применение которых в отечественном законодательстве способствовало бы разрешению некоторых проблем, связанных с квалификацией деяния по ст. 306 УК РФ.

Ключевые слова: ложь, донос, самооговор, инсценировка преступления, уголовная ответственность, законодательство, правовая семья, преступления против правосудия.

M.I. Daniluyk

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

LIABILITY FOR FALSE DENUNCIATION ACCORDING TO THE LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

This article considers the questions of criminal liability for false denunciation according to the legislation of the countries of Romano-Germanic and Anglo-American legal families. Elements of those offences which have similarities with the composition of known false denunciation in the Criminal Code of the Russian Federation were considered in study of foreign criminal law. The result of a comparative legal analysis of these standards revealed the approaches, the application of which in the domestic legislation would facilitate the resolution of controversial issues related to the qualification of the offence under article 306 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: lie, delation, self-incrimination, simulation of crime, criminal liability, legislation, legal family, crimes against justice.

За последние пять лет число зарегистрированных фактов заведомо ложного доноса неуклонно растет, что заставляет задуматься об эффективности противодействия указанному преступлению. Изучение теории уголовного права и его норм позволяет выявить некоторые проблемы, связанные с определением признаков состава заведомо ложного доноса, а также дифференциацией уголовной ответственности за его совершение. К проблемным признакам относятся адресат ложного доноса, цель преступления, а также необходимость ее выделения в качестве обязательного признака преступления и

некоторые другие. Помимо этого, в отечественном уголовном праве не решен вопрос об ответственности за инсценировку преступления и самооговор, имеющие с заведомо ложным доносом одну сущность и объект посягательства. Для поиска ответов на этот и иные вопросы мы предлагаем обратиться к опыту зарубежного законодательства в борьбе с заведомо ложным доносом, рассматривая его как источник иных подходов к решению проблем, связанных с данным преступлением.

В большинстве работ анализ ответственности за ложный донос носит фрагментарный характер, т.к.

дается в рамках исследований преступлений против правосудия в зарубежных странах. Только в одном диссертационном исследовании имеется относительно полное описание зарубежного опыта борьбы с ложным доносом на нормативном уровне [2, с. 33-44].

Исходя из вышеизложенного, целью данного исследования является совершенствование уголовно-правовых средств противодействия заведомо ложному доносу. Для достижения указанной цели мы поставили соответствующие ей задачи: рассмотрение норм уголовного законодательства зарубежных стран; определение уголовно-правовых средств, которые способны повысить эффективность противодействия заведомо ложному доносу.

Невозможность рассмотрения даже трети стран мира заставляет нас определиться с критерием их отбора для исследования. Обзор аналогичных работ показывает, что чаще всего анализируется законодательство так называемых развитых стран, обладающих наиболее высоким уровнем экономического развития в мире. Разделяя данный подход, мы предлагаем рассмотреть законодательство стран, обладающих наибольшим валовым внутренним продуктом по данным Всемирного банка на 2016 год [13]. Распределение стран на романо-германскую и англо-американскую правовые семьи осуществлено по классификации специалиста в области сравнительного права В.Н. Додонова [3, с. 33-43]. Согласно ей представители романо-германской группы разделены на подгруппы: французскую, германскую, итало-иберийскую, югославскую, а также самостоятельные школы уголовного права.

Романо-германская семья. Французская группа. Франция. Ложный донос по УК Франции представлен двумя составами преступлений. Статья 226-10, помещенная в главе VI «О посягательствах на личность», говорит о ложном обвинении кого-либо в совершении противоправного деяния, определяя в качестве объекта преступления интересы личности [10, с. 249-250]. Когда же такое обвинение отсутствует, объектом ложного доноса по ст. 434-26 становится репутация судебной власти, но не ее нормальная деятельность по отправлению правосудия, поэтому состав преступления помещен в параграф 1 «О посягательствах на уважение, которое надлежит оказывать правосудию» главы IV «О посягательствах на отправление правосудия» [10, с. 423-424]. Наказуемым является ложное сообщение о совершении преступления, административного правонарушения и служебного проступка. При этом адресат ложного доноса описан достаточно подробно и включает: судебные или административные органы и их должностные лица; иные субъекты, правомочные

передавать ложное обвинение в компетентный орган; начальство (наниматель) ложно обвиняемого. Говоря о специфике субъекта ложного доноса, связанного с обвинением кого-либо, следует отметить, что им может быть и юридическое лицо, т.к. по УК Франции физические и юридические лица являются субъектами преступления.

Германская группа. ФРГ. Ложный донос представлен статьей 145 «Симуляция наказуемого деяния» раздела 7 «Наказуемые деяния против общественного порядка» и статьей 164 «Навлечение ложного подозрения» раздела 10 «Ложное подозрение» УК ФРГ [9, с. 305, 317]. Объектом ложного доноса по ст. 145 является общественный порядок, при этом статья совмещает признаки как заведомо ложного доноса, так и заведомо ложного сообщения об акте терроризма по УК РФ. Об этом свидетельствует наказуемость такого ложного сообщения, в котором говорится лишь о готовящемся преступлении, в т.ч. террористического характера. К недостатку ответственности за ложный донос по УК ФРГ мы относим признание одинаково опасными как ложного доноса, связанного с обвинением конкретного лица, так и ложного доноса только о факте преступления, хотя общественная опасность первого, несомненно, выше. Вместе с тем положительным моментом мы признаем закрепление в статье ответственности за самооговор. В статье 164 УК ФРГ предусмотрена ответственность за ложное подозрение лица в совершении административного правонарушения или дисциплинарного проступка, но не за ложное подозрение в преступлении, которое квалифицируется по ст. 145 УК ФРГ.

Германская группа. Швейцария. Ответственность за ложный донос закреплена в ст. 303 «Ложное обвинение» и ст. 304 «Введение в заблуждение правосудия» главы 17 «Преступления и проступки против правосудия» УК Швейцарии [11, с. 266-267]. Признаки ложного доноса в нем не имеют какой-либо специфики по сравнению с вышерассмотренными, однако представляют интерес формы ложного доноса: инсценировка и самооговор. В статье 303 закреплена ответственность за инсценировку преступления (проступка), связанного с обвинением конкретного лица, вместе с тем инсценировка, совершаемая без цели обвинить кого-либо, не наказуема. Статьей 304 предусмотрена ответственность за самооговор, однако она не дифференцирована в зависимости от того, известен ли истинный преступник заявителю или нет, ведь в случае осведомленности о таковом речь идет о более общественно опасном случае самооговора – укрывательстве преступника. Частью 2 рассматриваемой статьи предусмотрено освобождение от наказания «в особо лег-

ких случаях», что является оценочным понятием и зависит от обстоятельств конкретного дела.

Итало-иберийская группа. Италия. Ложному доносу посвящены ст. 367 «Симуляция преступления» и 368 «Клевета» главы I «Преступления против судебной власти» раздела III «Преступления против правосудия» [5]. Согласно ст. 367 УК Италии ложный донос может быть именованным и анонимным, при этом его адресатом выступают судебный или иной орган, имеющий обязательство передать сообщение о преступлении в компетентный орган. Помимо ложного доноса, статьей охватывается и инсценировка преступления, но ответственность за указанные деяния не дифференцирована. Хотя статья и говорит о ложном доносе, ответственность за ложный донос, не связанный с обвинением кого-либо, предусмотрена отдельно ст. 368 УК Италии и по аналогии с УК Франции является специальным случаем клеветы, посягающей в первую очередь на интересы правосудия, а не личности.

Югославская группа. Сербия. По УК Сербии ответственность за ложный донос предусмотрена ст. 334 «Ложное сообщение» главы 30 «Преступления против правосудия» [7]. По объекту посягательства и иным элементам состава, а также по дифференциации ответственности ложный донос по УК Сербии совпадает с аналогичным преступлением по УК РФ, однако в ст. 334 УК Сербии, помимо состава ложного доноса, введена ответственность за инсценировку преступления и самооговор.

Самостоятельная школа права романо-германской семьи. Япония. Состав ложного доноса предусмотрен ст. 172 «Оговор» главы 21 «Преступления, состоящие в оговоре» УК Японии [12, с. 109-110]. По аналогии с Францией и Италией ложный донос, связанный с обвинением определенного лица, по УК Японии приравнивается к клевете. Обязательным признаком субъективной стороны является цель – возбуждение уголовного преследования против невиновного, при этом наказуемым признается ложное обвинение в преступлении и служебном проступке. Помимо признаков преступления, предусмотрено основание для освобождения от наказания или его смягчения, если лжедоносчик признается в ложности своего обвинения до момента вынесения обвинительного решения или наложения дисциплинарного взыскания в отношении невиновного.

Самостоятельная школа права романо-германской семьи. Китай. Статья 243 главы 4 «Преступления против права граждан на жизнь и демократических прав граждан» УК КНР запрещает деяние, имеющее признаки ложного доноса, посягающего на интересы личности [6, с. 168]. Объективная сторона включает такие действия, как фальсификация

фактов, оговор, клевета, совершаемые с целью подвергнуть невиновного уголовному преследованию, при отягчающих обстоятельствах. В законе понятие отягчающих обстоятельств не раскрывается, однако в теории к ним относят, например, жестокий способ совершения преступления, тяжкие последствия и другие признаки [1, с. 543].

Далее будет рассмотрено уголовное законодательство стран англо-американской правовой семьи, разделенной на американскую и британскую группы.

Англо-американская семья. Американская группа. США. Несмотря на то что каждый штат США имеет собственное уголовное законодательство, для единообразного осуществления уголовной политики в государстве был разработан модельный кодекс США [8]. Согласно статье 241.5 «Ложные доносы органам исполнения закона» в совокупности со статьей 241.3 «Представление властям фальсификации, не скрепленной присягой» раздела 241 части II примерного УК США обязательным признаком ложного доноса выступает цель – введение в заблуждение публичного служащего при отправлении им своих должностных функций или возбуждение в отношении третьего лица подозрения о совершении им преступления. Адресатом ложного доноса может быть любое должностное лицо, осуществляющее исполнение закона.

Британская группа. Австралия. Ложному доносу в УК Австралии посвящена ст. 137.1 «Ложная или вводящая в заблуждение информация» главы 7 «Надлежащее управление государством» [4, с. 222-224]. Отличительной чертой состава преступления является детальное описание адресата ложного доноса, которым могут быть юридическое лицо Австралии или лицо, осуществляющее полномочия на основе или в связи с федеральным законодательством. Помимо этого, в УК Австралии нормативно закреплено условие наступления ответственности за ложный донос, согласно которому лицо, осуществляющее полномочия на основе или в связи с федеральным законом, при получении информации от заявителя обязано предупредить последнего о том, что подача ложной информации является преступлением, иначе лжедоносчик признается виновным в преступлении.

Рассмотрев представленный опыт зарубежного уголовного законодательства по борьбе с заведомо ложным доносом, можно сделать следующие выводы:

1. Уголовное законодательство зарубежных стран, относящееся к разным правовым семьям и группам, предусматривает ответственность за ложный донос, который представлен в двух формах:

как ложное основание для возбуждения уголовного дела и как способ оклеветать потерпевшего.

2. Объектом ложного доноса признаются интересы правосудия, деятельность государственных органов, честь и достоинство личности или репутация органов правосудия.

3. Наказуемым считается ложный донос о совершении преступления, правонарушения и дисциплинарного проступка.

4. Для устранения разногласий относительно адресата ложного доноса мы полагаем полезным опыт Австралии, согласно которому ложное сообщение о преступлении может быть адресовано юридическому лицу или лицу, осуществляющему полномочия на основе или в связи с федеральным законодательством. Допустимо также использовать понятие адресата ложного доноса по УК Франции, предусматривающему, что адресатом могут быть

не только судебные органы и их должностные лица, но и иные субъекты, правомочные передавать ложное сообщение в компетентный орган.

5. Положительным и необходимым моментом считаем закрепление в УК РФ ответственности за самооговор и инсценировку преступления.

6. Разрешение вопроса о необходимости предупредить об ответственности за ложный донос возможно путем закрепления соответствующего предписания в виде примечания к ст. 306 УК РФ по аналогии с УК Австралии. При этом мы говорим лишь о необходимости вообще ответить на вопрос об обязательном предупреждении заявителя об ответственности, а не заимствовать не соответствующие мнению автора положения УК Австралии, согласно которому лжедоносчик не несет ответственности за свои действия в случае, если его не уведомили о запрете сообщать ложные сведения.

Литература

1. Гао Минсюань, Ма Кэчань. Уголовное право (кит.яз.). Пекин, 2005.
2. Смолин С.В. Уголовная ответственность за заведомо ложный донос: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 234 с.
3. Сравнительное уголовное право. Особенная часть: монография / В.Н. Додонов, О.С. Капинус, С.П. Щерба; под общ. и науч. ред. С.П. Щербы. М.: Юрлитинформ, 2010. 544 с.
4. Уголовный кодекс Австралии 1995 г.: принят Федеральным парламентом в марте 1995 г. Общая часть вступила в действие 15 декабря 2001 г.: перевод с англ. / науч. ред. И.Д. Козочкин, Е.Н. Трикоз. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. 446 с.
5. Уголовный кодекс Италии, 2010 г. URL: <http://www.belpaese2000.narod.ru/Italia/ufficiale/penaind.htm>.
6. Уголовный кодекс Китайской Народной Республики / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева, пер. с китайского Д.В. Вичикова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 303 с.
7. Уголовный кодекс Сербии, 2010 г. URL: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=191241#LinkTarget_1624.
8. Уголовный кодекс США, 2007 г. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1250258&subID=100114498,100114500,100114921,100114937#text>.
9. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 524 с.
10. Уголовный кодекс Франции: перевод с французского / науч. ред. Н.Е. Крылова. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. Ст. 164.
11. Уголовный кодекс Швейцарии: перевод с немецкого / науч. ред. А.В. Серебрянникова. СПб.: Изд-во «Юрид. центр Пресс», 2002. 350 с.
12. Уголовный кодекс Японии / науч. ред. и предисл. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2002. 226 с.
13. International Comparison Program database [Электронный ресурс] // The world bank: [сайт]. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.PP.CD>.

УДК 343.83:343.35

А.В. Кученев

адъюнкт Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний

E-mail: KuAV64@mail.ru

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СОТРУДНИКА ФСИН РОССИИ ЗА КОРРУПЦИОННЫЕ НАРУШЕНИЯ: КОНВЕРГЕНЦИОННЫЙ АНАЛИЗ

В своих тезисах автор рассматривает актуальные вопросы назначения ответственности сотруднику ФСИН России в ходе реализации антикоррупционной политики государством, акцентируя внимание на основных мерах борьбы с коррупцией, их логически правильном закреплении в правовом поле, склоняется к их работоспособности в этом органе. Однако, учитывая в настоящее время возможность допуска коррупционного поведения сотрудником ФСИН России, предлагает применять все виды ответственности к нему как в превентивных, праввосстанавливающих, так и изоляционных целях.

Ключевые слова: антикоррупционная политика, коррупция, коррупционное поведение, ответственность, право, противодействие коррупции.

A. V. Kuchenev

postgraduate student of the Academy of the FPS of Russia

E-mail: kuav64@mail.ru

RESPONSIBILITY OF THE EMPLOYEE OF THE FPS OF RUSSIA FOR CORRUPTION: AN ANALYSIS OF CONVERGENCE

The author considers the topical issues of responsibility assignment to the employee of the Federal penitentiary service of Russia in the implementation of anti-corruption policy, focusing on the main measures of fight against corruption, logically proper locking in the legal field, inclined to their work capability in the body. However, considering the possibility of tolerance of corrupt behavior by an employee of the FPS of Russia the author proposes to apply all kinds of responsibility for prevention, restorative justice and segregation.

Key words: anti-corruption policy, corruption, corrupt behavior; responsibility, law, anti-corruption.

Понятие ответственности в словаре русского языка представлено как «необходимость, обязанность отвечать за свои действия, поступки, быть ответственным за них» [11, с. 401].

Каждый человек вправе решать, каким образом ему выстраивать свой жизненный путь. На это его решение, как было уже доказано, во многом влияют общественные отношения, в которых он принимает непосредственное участие, уровень и система воспитания, осознание ответственности за свое поведение. Законодательство и социальные нормы выступают критерием правил поведения людей, и при их игнорировании или умышленном нарушении в пра-

вовом поле предусматривается юридическая ответственность, дефиниция которой в большом юридическом словаре определяется как «предусмотренная нормами права обязанность субъекта правонарушения претерпевать неблагоприятные последствия. Вид социальной ответственности» [14, с. 858].

При рассмотрении социальной ответственности ее смысловая нагрузка подразделяется на перспективный аспект, в котором она выступает одним из внутренних регуляторов поведения человека, включающего осознание им гражданского долга, следование ему, сообразование с ним поведения людей, и на ретроспективный аспект – в виде социального

контроля в обществе, предусматривающего ответственность членов общества и их объединений за неблагоприятные последствия допущенного поведения и за совершенные действия [4].

Вопрос сопоставленного толкования юридической ответственности выдвинул С.Н. Братусь. Он усматривал ограниченность этого понятия при рассмотрении характеристик ответственности в виде наказания в общественных отношениях, регулируемых гражданским правом (трудовые, имущественные и личные отношения), присутствием в них тех черт ответственности, которые присущи уголовной и административной ответственности [2, с. 5].

Довольно интересным и приемлемым, на наш взгляд, в изучении юридической ответственности было акцентирование П.Е. Недбайло на ее основной функции не наказывать, а воспитывать, предупреждать нежелательное поведение. Он, не умоляя значения в этом вопросе ретроспективной функции, предусматривающей ответственность уже за состоявшееся правонарушение, отдавал большее значение превентивной ответственности в ее позитивном качестве [7, с. 51].

Позитивная юридическая ответственность – это «сознательное и инициативное исполнение моральных, юридических и иных обязанностей, в осознании своего долга перед обществом, государством, а также перед другими членами общества» [2, с. 19].

С.Н. Братановский в содержании юридической ответственности обобщил «негативный» аспект, связанный с понятием принуждения и санкции, и «позитивный», проявляющийся через понятия «долг», «обязательство», «ответственное поведение» [1, с. 82]. Соглашаясь с его обобщением, мы припомним идеальную схему, при реальности которой люди стремились бы к соблюдению закона не из боязни наказания как последствия ответственности, а при осознании его позитивной роли и необходимости в правовой действительности. Но сегодняшние реалии указывают на несостоятельность этой теории и требуют укрепления осознания с помощью государственного принуждения в целях поддержания должного правопорядка в обществе.

Другим вектором рассмотрения позитивной ответственности было рассмотрение С.Е. Чанновым дублирования этим понятием дефиниции обязанности [15, с. 163].

Мы считаем, что рассмотрение вопросов ответственности, их смысловой нагрузки во многом определит вектор правовой действительности. Об этом упоминал еще Ф. Энгельс: «Есть два способа разложить нацию: наказывать невиновных и не наказывать виновных» [17, с. 143].

Рассматривая категорию ответственности, нельзя не говорить о том, что она является ограничительной мерой гарантированных Основным законом прав и свобод.

В широком смысле право предоставляет каждому члену общества равные условия для удовлетворения собственных потребностей, ограничивая их только в случае нарушения сферы интересов других людей, но оно также предоставляет и равные критерии ответственности.

Однако проблема присутствия неправомерных действий, в т.ч. коррупционной направленности, в деятельности сотрудника ФСИН России, на которого возложена обязанность по исполнению наказания, исправлению осужденного, требует пристального рассмотрения.

По нашему мнению, она обуславливается состоянием его правосознания, и здесь стоит усматривать проблему позитивной и ретроспективной ответственности, которая параллельна логике антикоррупционного законодательства, приведенной нами ниже.

Антикоррупционный вектор деятельности любого органа власти закреплен Указом Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 г. № 460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы» [6, с. 558].

Реализация антикоррупционной политики, определенной на государственном уровне, распространяется на деятельность Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН России) на основании «Концепции развития уголовно-исполнительной системы России до 2020 г.». Данная Концепция, наделенная специфическими функциями по исполнению наказаний, не смогла изолироваться от проблем коррупции.

Формула решения задачи по минимизации коррупции, построенная на системе трех векторов: вектор предупредительных мер, изоляционных мер (обнаружение, пресечение) и вектор минимизации последствий от реализованных коррупционных схем поведения, установлена законодательно [12]. Законодательство, в свою очередь, используя право творчество, реализует установленную властными структурами политику. Представляется логичным проблемы коррупционного поведения отнести, руководствуясь этой схемой, к типу решаемых с помощью властных мер воздействия.

Статистические данные общего количества выявленных преступлений коррупционной направленности в отношении персонала уголовно-исполнительной системы России (в 2013 г. – 371, в 2014 г. – 375, в 2015 г. – 398, за 1 полугодие 2016 г. – 213)

демонстрируют наличие проблематичности в состоянии антикоррупционной деятельности ФСИН России.

При осмыслении путей минимизации коррупционного поведения стоит отметить необходимость проведения восстановительных мероприятий социальной справедливости и уровня правовой культуры, деформированной путем воздействия на материальную сторону общественной жизни и в большей степени на устранение или нейтрализацию ее нематериального сегмента. Так, поддерживая мнение А.Ф. Ноздрачева о том, «что в решении вопросов предупреждения и пресечения коррупции нельзя недооценивать этические нормы. Что людям во власти следует подчиняться не только дисциплинарным, но и жестко контролируемым этическим нормам» [8, с. 3], отметим необходимость благородного и доверительного выстраивания общественных отношений в идеологии государства.

Аксиоматично негативное воздействие на приоритет правомерного поведения сотрудника ФСИН России и уменьшение доверия народа к действиям власти, которое ставит вопрос о справедливости осуществляемой политики государства. Для устранения этого последствия, по нашему мнению, возможно воспользоваться одной из превентивных мер противодействия коррупции, а именно: создание неотвратимости наказания за допущенные коррупционные проявления. Установление справедливого наказания лицу, допустившему ущемление прав другого, является корректирующим коэффициентом общего уровня справедливости отношений общества [18, с. 53]. Конституционный Суд РФ неоднократно рассматривал неотвратимость наказания как принцип юридической ответственности [13].

Допущение коррупционного поведения работниками ФСИН России является основанием применения мер юридической ответственности, которая становится системообразующей функцией различных видов ответственности и находится в зависимости от характеристик реализованного коррупционного поведения, относящегося к нежелательному или запрещенному виду деятельности сотрудника.

Импонируя взглядам Б.В. Волженкина о коррупционном поведении, характерном для любых органов власти, стоит рассмотреть их проявление во ФСИН России [3]:

1. Получение выгоды за покровительство или попустительство по службе в служебной деятельности или в связи с ней, за незаконное вознаграждение в виде денег, иных материальных ценностей и услуг (в реализации положений Федерального закона от 30 декабря 2012 г. № 283 «О социальных гарантиях

сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – выплата незаконных премий, комиссионных, организация различных поездок по «рабочим моментам», приобретение предметов роскоши и т.п.).

Стоит отметить, что этот прототип общих коррупционных отношений предполагает участие в данном процессе группы сотрудников ФСИН России, стирает границы иерархичности (подчиненности) системы ФСИН России.

2. Незаконная передача бюджетных материальных ценностей, недвижимости и иного имущества коммерческим организациям, использование не в служебных целях предоставленных помещений, транспортных средств и средств связи, электронно-вычислительной техники, денежных средств и другого государственного или муниципального имущества.

Имеют место во ФСИН России признаки коррупционного поведения, характерные исключительно для ее сферы деятельности:

1. Пронос и последующая передача заключенным и осужденным предметов и вещей, которые им не допускается иметь или получать согласно перечню, установленному Правилами внутреннего распорядка исправительных учреждений, утвержденными Приказом Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205 (далее – ПВР в ИУ). Кроме того, согласно п. 18 ПВР в ИУ работникам запрещается вступать с осужденными и их родственниками в какие-либо отношения, нерегламентированные уголовно-исполнительным законодательством и настоящими правилами [10].

2. Попустительство при нарушении отбывания наказания; предоставление осужденным незаконных преимуществ в послаблении режима отбывания наказания; нарушение процесса оформления материалов для принятия решения об условно-досрочном освобождении.

Мотивами выбора сотрудником ФСИН России неправомерного поведения выступают отсутствие специальных знаний, минимальная подготовка к провокациям на совершение неправомерных поступков, личные убеждения, мнение окружающих, профессиональная деформация, недостаточная материальная обеспеченность.

Уголовная ответственность по отношению к коррупционному поведению связана с допуском любых общественно опасных деяний, предусмотренных в УК РФ статьями: ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 160, ч. 3 ст. 174, ч. 3 ст. 175, ч. 2, 3 ст. 178, ч. 3 ст. 188, ст. 201, 204, ч. 3, 4 ст. 226, ст. 285, 286, 289, 290, 291, 292, 304, ч. 1 ст. 309.

Она устанавливается императивными нормами, характеризуется жесткими санкциями, имеет особую норму установления и закрепления в специально предназначенном для этого органе власти. Такой порядок связан со стремлением государственно-волевого сектора обозначить наиболее конкретные сферы ответственности, упредить возможность допущения ошибки со стороны правоприменителей.

В ст. 2.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях предусмотрена административная ответственность за виновное действие лица или его бездействие, предписанное настоящим кодексом. Однако в ст. 2.5 КоАП РФ за административные правонарушения лиц, имеющих специальные звания, устанавливается ответственность дисциплинарного порядка.

Федеральные законы и приказы, регламентирующие прохождение службы, в свою очередь, являются правовыми актами, регулируемыми дисциплинарную ответственность.

На сегодняшний момент установление меры и категории ответственности за поведение, имеющее коррупционные признаки, вызывает довольно большое количество вопросов. Думается, что соотношение частного и публичного в характере причиненного ущерба должно играть в этом процессе не последнюю роль.

Минимизация коррупционного поведения установлена одной из задач государственной политики, и логичным будет отнести ее к сфере публичного права, потому что сфера взаимоотношений общества, построенная на подчинении воли государства, как и нормы, предписывающие должное поведение и ответственность за него, и есть публичное право. Одной из сторон возникающих отношений является государство, которое с помощью властных велений обеспечивает подчинение других субъектов. Поэтому предписания публичного права не могут быть изменены соглашением частных лиц.

Однако это не означает, что государство или органы, его представляющие, не могут быть участниками частноправовых отношений.

Например, в гражданском обществе в случаях, когда причинение вреда затрагивает права гражданина или организации, приоритетной задачей является восстановление нарушенных прав, возмещение вреда. Данная норма в большей степени присуща частному праву.

Частное право обращено непосредственно к человеку, образуя отрасли, предназначенные для реализации его конституционных прав.

По мнению Г.Ф. Шершеневича, область частного права не предусматривает норм о государстве, норм взаимодействия гражданина с органами вла-

сти, она занята гражданским правом, главными его частями – лица, вещи [16, с. 151-160].

Оценка коррупционной составляющей в поведении сотрудника ФСИН России в частноправовом секторе может проводиться на уровне взаимодействия его как члена общества, занятого разрешением своих личных потребностей с государством, и как лица, наделенного специальными правами и обязанностями. В связи с этим государство определяет допустимые правила его поведения в «Кодексе этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы» [9].

При анализе его содержания отметим, что этим документом предусматриваются определенные требования к манере поведения, культуре речи и т.п., то, что они конкретизируют и регламентируют характер поведения по добросовестному и надлежащему исполнению служебных полномочий. Ответственность за выполнение этих требований приобретает образ «моральной ответственности перед обществом, служебным коллективом и своей совестью» [9].

В ходе рассмотрения состояния экономической стороны отношений среди равноправных субъектов, относящихся к области частного права, стоит отметить их влияние на состояние коррумпированности государственного сектора. То есть частное право рассматривает коррупцию не как явление, а как влияние последствий коррупционного поведения на экономическое состояние общества. И если формулу видения частного права некоторых стран мировой арены можно отобразить как состояние права экономически свободных, юридически самоопределившихся личностей, осознающих свою социальную ценность и готовых активно реализовывать себя в имущественном обороте, то логично задуматься о средствах, обеспечивающих такое ее состояние.

Думается, государство, выступая регулятором общественных отношений императивным способом публичного права, определяет среду существования частного права.

Рассмотрим, например, один из видов неправомерного поведения, которое в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» установлено как коррупционное, а именно взятку. В ст. 290 УК РФ она определена в самом общем виде как предоставление материальных, имущественных средств за оказание услуг или содействие с использованием служебного положения. Мера ответственности за получение или передачу взятки, соответственно, устанавливается как уголовная и предусматривает наличие доказанного действия по использованию служебного положения

в целях оказания услуг за полученное вознаграждение. Характеризуется четкой регламентацией применения установленного вида наказания, его соответствия конкретно определенному виду нарушения. При отсутствии хотя бы одного компонента этой системы уголовная ответственность может быть не назначена.

Распространение административной ответственности на сотрудников ФСИН России является дискуссионным. Важно отметить, что делегирование им специальных прав и обязанностей совмещено с повышением степени накладываемой ответственности этого вида путем дополнения ответственности дисциплинарной. С одной стороны, данный принцип выглядит логичным. Сотрудник, имея богатый опыт специфики работы исправительных учреждений, пользуясь наличием доступа к осужденному, находится в приоритетных условиях по возможности выстраивания некоторых коррупционных отношений. К таким отношениям относят, например, доставку в исправительное учреждение предметов, которые не допускается иметь или получать осужденным, использование связей осужденного в собственных целях за оказание тех или иных услуг [10].

Сотрудник ФСИН России, представляя цели этого органа, олицетворяет собой публичный облик системы и, допуская противоправное поведение, дисквалифицирует не только себя, но и всю систему, всех ее членов.

Но, с другой стороны, такое наложение ответственности рождает казус в применении принципа наложения одного вида ответственности за одно противоправное деяние.

Среди антикоррупционных норм КоАП РФ, по которым сотрудники ФСИН России могут быть привлечены к административной ответственности, можно отнести ст. 19.7.2 КоАП РФ «Непредставление сведений или представление заведомо недостоверных сведений в орган, уполномоченный на осуществление контроля в сфере размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для нужд заказчиков», ст. 19.7.4 КоАП РФ «Непредставление сведений либо несвоевременное представление сведений о заключении контракта либо о его изменении, исполнении или расторжении в федеральный орган исполнительной власти, орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, орган местного самоуправления, уполномоченные на ведение реестров контрактов, заключенных по итогам размещения заказов, в соответствии с законодательством Российской Федерации о размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд».

В настоящее время к сотрудникам ФСИН России применяются следующие меры административной ответственности: предупреждение; административный штраф; лишение специального права и дисквалификация.

Статья 575 ГК РФ ограничивает процесс дарения, вводя запрет на дарение различных ценностей должностным лицам в связи с исполнением ими возложенных обязанностей, исключая обычные подарки, цена которых не превышает 3000 рублей, но мера ответственности в ней не установлена. Основное предназначение и идея существования ГК РФ заключается в такой позиции государства, когда оно не определяет отношения принудительно, а лишь занимает позицию органа, охраняющего то, что будет определено другими. Стоит оговориться, что работоспособность этой системы возможна лишь в том обществе, где созданы благоприятные условия для деятельности сторон, у которых «голова болит за исполнение наложенных на них обязанностей, а не за выживание».

Законодатель, осознавая такое положение в части применения ст. 12 ГК РФ, определяет способ защиты гражданских прав: «Восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения». В этом способе, думается, заключена смысловая нагрузка минимизации последствий применения коррупционного нарушения.

Необходимость императивных мер государства по регулированию общественных отношений в области гражданского права определяется тем, что при общем увеличении негативных процессов в правовой действительности, когда формальные правила все чаще заменяются неформальными, попадая в разряд нормы, общество требует более жесткого регулирования права, создавая ту обстановку, которой это право должно соответствовать. К сожалению, думается, что поддержание разрыва между необходимым и действительным может производиться искусственно, создавая и обеспечивая нишу существования коррупции.

Системными векторами реализации политики минимизации коррупционного поведения на законодательном уровне государство определяет принцип применения мер профилактики, предупреждения и минимизации последствий коррупции. Общим методом для всех векторов мы определили неотвратимость справедливого наказания, которое требует наличия различных степеней ответственности. Сотрудник ФСИН России, являясь гражданином своей страны и параллельно лицом, наделенным специальными правами и обязанностями, несет все виды

ответственности за допущение коррупционного поведения.

В этой связи можно согласиться с достаточно резко высказыванием В.В. Дорошкова и А.В. Кузько, что «обреченность в поисках определения права возникает тогда, когда право пытаются представить как абсолютную, нравственную ценность, вместо того чтобы говорить о нравственности власти, санкционирующей нормы права. Или тогда, когда пытаются навязать юридической практике концепцию позитивной юридической ответственности, вместо того чтобы осоз-

нать нелепость права без наказания за нарушение норм права, обеспеченного силой государства» [5, с. 10].

Однако на основании проведенного анализа мы считаем, что укрепление правосознания сотрудника ФСИН России, в т.ч. путем мотивирования неизбежностью ответственности за неправомерные поступки, возможно при общем росте правосознания всего общества, которое не требует дифференциации права на частное и публичное и может служить позитивным методом минимизации коррупции.

Литература

1. Братановский С.Н., Зеленев М.Ф. Основное содержание позитивной ответственности // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 3 (86). С. 82.
2. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. М., 1976.
3. Волженкин Б.В. Коррупция. СПб.: Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ, 1998.
4. Гусов К.Н., Полетаев Ю.Н. Ответственность по российскому трудовому праву: научно-практическое пособие. М., 2008.
5. Дорошков В.В., Кузько А.В. Информационно-психологические аспекты развития правосознания муниципальных служащих // Информационное право. 2007. № 1. С. 10.
6. Криминология: учебник для вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. М., 2001.
7. Недбайло П.Е. Система юридических гарантий применения советских правовых норм // Правоведение. 1971. № 3. С. 51.
8. Ноздрачев А.Ф. Коррупция как правовая проблема в вопросах и ответах // Адвокат. 2007. № 10. С. 3.
9. Об утверждении кодекса этики и служебного поведения сотрудников и федеральных государственных гражданских служащих уголовно-исполнительной системы: приказ ФСИН России от 11 января 2012 г. № 5.
10. Об утверждении правил внутреннего распорядка исправительных учреждений: приказ Минюста России от 3 ноября 2005 г. № 205 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2005. № 47.
11. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.
12. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. I). Ст. 6228.
13. Постановления Суда РФ от 27.12.2012 № 34-П; 14.02.2013 № 4-П.
14. Сухарев А.Я. Большой юридический словарь. 3-е изд., доп. и перераб. М.: ИНФРА-М, 2007. 858 с.
15. Чаннов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение / под ред. В.В. Володина. М., 2009.
16. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1995. Т. 2. Вып. 2, 3, 4.
17. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Л.: Лениздат, 2014.
18. Юнусов С.А. Принцип справедливости в уголовно-исполнительном праве: вопросы теории. Рязань, 2014.

УДК 343.81

С.М. Савушкин, канд. юрид. наук, доцент

Кузбасский институт ФСИИ России

E-mail: savusertom@rambler.ru

ОСНОВАНИЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с регламентацией межотраслевого института уголовного и уголовно-исполнительного права, дифференциации осужденных в исторических аспектах, зарубежный опыт и международные стандарты исполнения наказаний, влияющие на его развитие. Особый акцент делается на эволюции и перспективах развития оснований дифференциации осужденных к лишению свободы. Отмечается, что на современном этапе развития государства, несмотря на сложности бюджетной оптимизации, данному институту необходимо уделять повышенное внимание.

Ключевые слова: дифференциация осужденных, лишение свободы, международные стандарты исполнения наказаний.

S.M. Savushkin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Kuzbass Institute of the FPS of Russia

E-mail: savusertom@rambler.ru

DIFFERENTIATION GROUNDS OF SENTENCED TO IMPRISONMENT: DEVELOPMENT PROSPECTS

The article deals with the issues related to the regulation of inter-branch institute of criminal and criminal-executive right, differentiation of convicted in historical aspects, foreign experience and international standards of execution of punishments, affecting its development. Particular emphasis is placed on the evolution and prospects of development of differentiation bases of sentenced to imprisonment.

Key words: differentiation convicted, imprisonment, international penal standards.

Наука уголовно-исполнительного права призвана научно обеспечивать осуществление правовой реформы в сфере исполнения уголовных наказаний, а также вырабатывать для практики обоснованные и приемлемые с экономических позиций пути развития уголовно-исполнительной системы РФ (далее – УИС РФ). Совершенствование института дифференциации осужденных к лишению свободы непосредственным образом влияет на систему и структуру исправительных учреждений и в условиях оптимизации бюджетных средств способствует более эффективной организации указанных процессов.

Институт дифференциации осужденных создает необходимые предпосылки для дифференциации исполнения наказания в виде лишения свободы. Он

существенным образом влияет на формирование системы исправительных учреждений (далее – ИУ) и обеспечивает изоляцию друг от друга различных по степени общественной опасности и характеру поведения осужденных.

В.И. Селиверстов отмечает, что в зависимости от характера и тяжести совершенных преступлений, а также поведения в местах лишения свободы Уголовно-исполнительный кодекс РФ (далее – УИК РФ) выделяет 22 категории осужденных, имеющих различное правовое положение. При присоединении к этому числу осужденных, которые должны содержаться отдельно или раздельно от других категорий, данное число категорий достигает сорока. Дальнейшая дифференциация осужденных, по его

мнению, будет связана со значительными материальными затратами и может повлечь сокращение социально полезных связей осужденных с семьей и другими категориями граждан [12, с. 18]. С этим сложно поспорить, т.к. на данный момент указанное число категорий требует значительных материальных затрат, которые особенно заметны в период оптимизации бюджетных расходов.

В 2016 г. общее число зарегистрированных преступлений среди лиц, содержащихся в местах лишения свободы, составило 960 (АППГ – 940). В воспитательных колониях (далее – ВК) совершено 9 преступлений (АППГ – 5), в тюрьмах – 1 (АППГ – 2), в следственных изоляторах (далее – СИЗО) – 94 (АППГ – 90), в помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора (далее – ПФРСИ), – 5 (АППГ – 5). Основная часть совершенных преступлений в УИС приходится на исправительные колонии (далее – ИК) – 851 (АППГ – 838) [7; 8, с. 19-20].

Уровень преступлений среди осужденных, содержащихся в ИК ФСИН России, в расчете на 1 000 человек в 2016 г. составил 1,62 (АППГ – 1,59) [7; 8, с. 20]. Это самый высокий показатель за последние 10 лет. И это объясняется гуманизацией уголовной политики государства, в результате которой число осужденных в местах лишения свободы уменьшается. Согласно официальной статистике, численность осужденных, содержащихся в исправительных учреждениях (кроме ВК, тюрем, СИЗО, ПФРСИ) по состоянию на 01.01.2017 (519 491), уменьшилась на 1,02% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (524 848).

Количество предотвращенных преступных намерений в 2015 г. равнялось 87 428 [7, с. 21]. Уровень злостных нарушений порядка отбывания наказания в расчете на 1 000 человек составил в отчетном периоде 41,7, что на 12,9% выше, чем во 2 полугодии 2014 г. (36,9). Возрос уровень злостных нарушений: в ИК – на 12,4%, в тюрьмах – на 281,8%, СИЗО – на 44,5%, лечебно-исправительных учреждениях – на 7,7% [7, с. 274].

Исходя из обозначенной статистики, следует отметить, что в настоящее время в теории и на практике возникла потребность в модернизации системы оснований дифференциации осужденных к лишению свободы. Исследование новых оснований дифференциации осужденных является весьма актуальным с позиций совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства РФ.

Дифференциация исполнения наказания означает, что к различным категориям осужденных в зависимости от тяжести совершенных ими преступлений, прошлой преступной деятельности, формы

вины, поведения в процессе отбывания наказания применяются принудительное воздействие и ограничение в правах в различных объемах.

В истории развития советского исправительно-трудового права применение различных классификационных систем изменялось в зависимости от характера преступности в стране, задач уголовной и исправительно-трудовой политики с учетом конкретно-исторических возможностей финансирования и материально-технического снабжения исправительно-трудовой системы.

А.Л. Ременсон отмечал, что неизменными основаниями для классификации заключенных всегда выступали: а) степень опасности преступника, определяемая: классово опасностью и характером совершенного преступления; прошлым заключенного (на первой фазе развития советского государства важнейшее значение при этом имела классовая принадлежность осужденного); его поведением в местах заключения; б) физиологические признаки: пол, возраст, состояние здоровья [10, с. 21].

Сложный характер оснований дифференциации осужденных, базирующийся на учете сочетания ряда признаков, обеспечивает, с одной стороны, недопущение формального подхода к дифференциации, а с другой – необходимую индивидуализацию дифференциации. Родовая и видовая дифференциации осужденных к лишению свободы осуществляются как судом при назначении наказания, так и исправительными учреждениями, его исполняющими.

Система родовой дифференциации осужденных к лишению свободы тесно связана с категориями преступлений в уголовном праве. Последние в определенной мере оказывают влияние на классификацию осужденных, что отражает единство и взаимозависимость указанных институтов с точки зрения оценки характера и степени общественной опасности преступлений при назначении и исполнении наказания.

Непосредственное отношение к родовой дифференциации осужденных к лишению свободы имеют нормы Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), определяющие: категорию преступлений (ст. 15); рецидив преступлений, опасный рецидив и особо опасный рецидив (ст. 18); возраст, с которого наступает уголовная ответственность (ст. 20); особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних (гл. 14); формы вины (ст. 24); срок и вид лишения свободы (ст. 56, 57); судимость (ст. 86).

Перечисленные институты и нормы уголовного законодательства применительно к дифференциации осужденных к лишению свободы определяют ее критерии. Они реализованы в ст. 58 УК РФ,

устанавливающей правила назначения осужденным к лишению свободы вида ИУ. В уголовно-исполнительном законодательстве РФ критерии видовой дифференциации, в свою очередь, закрепляются ст. 74 УИК РФ и конкретизируются ст. 80, предусматривая раздельное содержание разных категорий осужденных в пределах одного вида ИУ.

В статье 80 УИК РФ отмечается, что для осужденных к лишению свободы мужчин и женщин, несовершеннолетних и взрослых устанавливается раздельное содержание. Отдельно от осужденных, ранее отбывавших лишение свободы, содержатся лица, впервые осужденные к лишению свободы. Осужденные при опасном рецидиве, осужденные при особо опасном рецидиве преступлений; осужденные к пожизненному лишению свободы; осужденные, которым смертная казнь заменена в порядке помилования лишением свободы на определенный срок, содержатся изолированно от других осужденных. Также отмечается, что в отдельных ИУ содержатся осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов [14].

Определяющими при установлении классификационной категории осужденных являются следующие критерии: пол, возраст, категория совершенного преступления, форма вины, вид наказания, рецидив преступлений, состояние здоровья, место работы до ареста.

Одной из целей концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ до 2020 г. является совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания, с учетом международных стандартов и потребностей общественного развития [6].

Одним из мероприятий, которое планируется выполнить в процессе реализации концепции, является дифференциация содержания осужденных в зависимости от характера и степени общественной опасности совершенных ими преступлений, поведения во время отбывания наказания, криминального опыта (раздельное содержание впервые осужденных к лишению свободы и ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы, расширение оснований направления в колонию-поселение, с одной стороны, и перевода на тюремный режим – с другой).

Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) требуют индивидуального подхода к заключенным, а следовательно, и наличия гибкой системы их классификации. Отмечается, что группы заключенных рекомендуется помещать в отдельных тюремных учреждениях, подходящих для работы с каждой из них [5]. Одинаковые меры охраны для каждой группы яв-

ляются необязательным условием для учреждений такого типа. В зависимости от групп заключенных желательно градуировать строгость этих мер. Одной из целей Правил Манделы является отделение заключенных от тех, кто в силу своего преступного прошлого или своих черт характера грозит оказать на них плохое влияние. Фактически правила рекомендуют проводить прогнозирование возможного противоправного поведения заключенного на основе определенных критериев, в т.ч. и черт характера.

Критерии дифференциации осужденных и правила их раздельного содержания в различных видах исправительных учреждений, в т.ч. и различных видах исправительных колоний, как отмечалось, устанавливаются уголовным и уголовно-исполнительным законодательством РФ. В целом же дифференциация осужденных к лишению свободы и распределение их по ИУ представляют собой комплексный институт уголовного и уголовно-исполнительного права. В ряде зарубежных стран дифференциация осужденных к лишению свободы осуществляется только на основании пенитенциарного законодательства [4, с. 29].

В английской пенитенциарной системе в основу деления на виды положен функциональный критерий достижения конкретных задач уголовного правосудия. Открытые и закрытые тюрьмы характеризуют степень охраны заключенных, которая отражает в большей или меньшей степени опасность, связанную с возможностью совершения побега. В зависимости от вероятности совершения заключенными побега они подразделяются на четыре категории, от наиболее опасных до тех, кто не склонен к подобным противоправным действиям [13, с. 27].

В 1965 г. А.Л. Ременсон отмечал, что мы имели ряд неиспользованных возможностей без ущерба для охраны общества ограничить суровость отдельных элементов лишения свободы и расширить применение мер исправительно-трудового воздействия. Данные возможности следует реализовать дифференцированно в отношении каждой категории заключенных. В отношении опасных преступников, лиц, злостно неподдающихся исправлению, смягчение кары недопустимо, что, однако, не исключает, а предполагает максимальное развитие мер исправительно-трудового воздействия и в отношении преступников данной категории [11, с. 37].

В 1982 г. Комитет министров Совета Европы принял Рекомендацию относительно содержания под стражей и обращения с опасными заключенными [8]. А в 2014 г. была принята рекомендация CM/Res (2014) 3 Комитета министров государствам-членам относительно опасных преступников.

Н. Падфиелд отмечает, что в случае необходимости «опасные» преступники должны содержаться в пенитенциарных учреждениях, расположенных далеко от места, где преступные организации имеют сильное присутствие. Данные «опасные» преступники не должны быть в состоянии вести преступную деятельность, находясь в заключении (например, у них должна отсутствовать возможность передавать приказы своим сообщникам на внешней стороне) [15, с. 6].

Под «опасным» преступником в рекомендации понимается человек, который осужден за тяжкое или особо тяжкое преступление сексуального или насильственного характера и который представляет риск совершения повторных преступлений против личности. В рекомендациях отмечается, что при рассмотрении критериев для определения «опасного» преступника следует учитывать, что данная группа является небольшим меньшинством от общей численности осужденных, которая ставит под угрозу общественную безопасность.

В отношении «опасных» преступников, прежде всего половых преступников и убийц, в ФРГ применяется превентивное задержание. Особенностью превентивного заключения является то, что оно назначается судом в отношении преступников, если на основании проведенной комплексной экспертизы определяется их высокая потенциальная опасность для общества, и после отбытия наказания в виде лишения свободы [1, с. 17].

В соответствии с законодательством Германии при составлении прогноза возможного преступного поведения осужденного специалисты должны обладать достоверными фактическими знаниями о прошлых событиях из жизни осужденного. Данные об осужденном должны браться из анализа детства, школьного этапа жизни, семейного положения, образования, работы, истории болезни, финансовой ситуации, досуга, истории употребления наркотиков, криминальных наклонностей, самооценки, жизненных установок и т.д. [3, с. 29].

На основе прогноза возможного преступного поведения в некоторых странах возможно ограничение прав граждан и после освобождения из мест лишения свободы. В целях совершенствования мер по предупреждению постпенитенциарного рецидива преступлений нельзя не отметить законодательство Германии, которое в определенных случаях предусматривает помещение особо опасных преступников после освобождения из мест лишения свободы в специальные закрытые центры для принудительного лечения на неопределенный срок [2, с. 31].

Принципы оценки рисков при прогнозировании опасности личности закрепляются в рекомендац

ях. Ими являются: 1) глубина оценки должна определяться уровнем риска и быть соразмерным тяжести потенциального исхода; 2) оценка риска должна включать подробный анализ предыдущих моделей поведения, личностных, исторических и ситуационных факторов, которые повлияли на формирование личности осужденного; 3) должны быть основаны на лучшей достоверной информации; 4) оценка риска должна проводиться на основе фактических данных, структурированной формы, включая соответствующие проверенные инструменты, и профессионального принятия решений; 5) лица, проводящие оценку риска, должны знать и четко указать ограничения оценки риска насилия и прогнозирования будущего поведения, особенно в долгосрочной перспективе.

При прогнозировании возможного преступного поведения целесообразно проводить четкое различие между рисками правонарушителя во внешнем мире и в тюрьме. Указанные риски должны оцениваться отдельно друг от друга. Указанные критерии должны содержать доказательства предыдущего насилия, сексуальных преступлений, которые указывают на вероятность существенного и продолжающегося риска насилия или сексуальных преступлений, а также свидетельствовать о неадекватности меньших мер, таких как отказ правонарушителя подчиниться требованиям режима. Длительный срок лишения свободы не может служить единственным критерием для определения преступника как опасного в указанном смысле.

Опасный преступник должен содержаться только в безопасном месте на основании оценки, устанавливающей, что он может с высокой вероятностью совершить очень серьезное сексуальное или очень серьезные насильственные преступления в отношении лиц в будущем.

По нашему мнению, «опасным» преступником можно признать любого осужденного, отбывающего наказание в виде лишения свободы за тяжкие и особо тяжкие преступления, у которого высок риск совершения нового преступления. Уровень такого риска необходимо оценивать по результатам комиссионного заключения начальника отряда, психолога, врача и представителей общественности.

А.Л. Ременсон отмечал, что принадлежность преступника к определенным уголовным группировкам как классификационная категория осужденных к лишению свободы не нашла отражения в законодательстве [10, с. 22]. Данная проблема актуальна и на сегодняшний день и нуждается в дополнительном исследовании.

В заключение необходимо констатировать, что уголовная и уголовно-исполнительная дифференци

ации осужденных к лишению свободы предполагают распределение осужденных по видам ИУ и условиям отбывания наказания в них. Криминологическая и психолого-педагогическая дифференциации должны осуществляться внутри групп осужденных, в которых возможно воспитательное воздействие на осужденных в зависимости от типологической принадлежности. Правильно выбранные основания дифференциации позволят разработать программы изучения личности осужденного и воздействовать на правонарушителя с учетом общественной опасности преступника, возможности совершения

осужденным побега, принадлежности его к определенным преступным группам и некоторых черт характера осужденного.

Международные стандарты и зарубежный опыт в области исполнения уголовных наказаний свидетельствуют о возможности и в некоторой степени необходимости уменьшения количества действующих оснований дифференциации осужденных (женщин и несовершеннолетних возможно содержать совместно в общих исправительных учреждениях с мужчинами в локальных участках) и введении новых критериев дифференциации осужденных.

Литература

1. Воробьев Ю.А. Институт превентивного заключения в Германии: история и современное состояние (правовой аспект) // Человек: преступление и наказание. 2015. № 1.
2. Гришко А.Я. Об имплементации законодательства России и зарубежных стран о наказаниях в виде лишения свободы // Человек: преступление и наказание. 2016. № 1 (92).
3. Кури Х. Криминологический прогноз поведения сексуальных и опасных преступников: немецкий опыт // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2009. № 2 (17).
4. Мелентьев М.П. Классификация осужденных к лишению свободы и вопросы назначения им вида исправительного учреждения // Российский следователь. 2002. № 3.
5. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы).
6. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: распоряжение Правительства РФ от 14.10.2010 № 1772-р (ред. от 23.09.2015) // Собрание законодательства РФ. 2010. № 43. Ст. 5544.
7. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2015 год // Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2016.
8. Основные показатели деятельности уголовно-исполнительной системы ФСИН России за 2016 год // Информационно-аналитический сборник. Тверь, 2017.
9. Рекомендация п г (82) 17 Комитета министров Совета Европы «Относительно системы заключения и обращения с опасными преступниками» (принята 24.09.1982).
10. Ременсон А.Л. К вопросу о классификации осужденных к лишению свободы по советскому исправительно-трудовому праву // Доклады научной конференции, посвященной 10-летию юридического факультета. Томск: Изд-во ТГУ, 1958.
11. Ременсон А.Л. Теоретические вопросы исполнения лишения свободы и перевоспитания заключенных: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 1965.
12. Селиверстов В.И. Некоторые направления уголовно-исполнительной политики России на современном этапе // Актуальные вопросы юриспруденции. 2009. № 5.
13. Тепляшин П.В. Воттон – тюрьма для насильников // Преступление и наказание. 2004. № 1.
14. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 28.11.2015) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
15. Padfield N. The sentencing, management and treatment of «dangerous» offenders. European Committee on Crime Problems (PC-CP (2010) 10 rev 5).

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.98.067:343.7

Р.Н. Боровских, канд. юрид. наук, доцент

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского
Томского государственного университета

E-mail: borovskih80@yandex.ru

К ВОПРОСУ О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЯХ РАЗРАБОТКИ УКРУПНЕННОЙ (ОБЩЕЙ, РОДОВОЙ) МЕТОДИКИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ СТРАХОВАНИЯ (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

В статье рассматривается вопрос о целесообразности разработки укрупненных (общих, родовых) криминалистических методик. Автор раскрывает содержание данных вопросов как методологического основания своего собственного исследования по разработке укрупненных (общих, родовых) методик расследования преступлений в сфере страхования.

Ключевые слова: криминалистические методики, комплексирование, методология, укрупненные (общие, родовые) методики, преступления в сфере страхования.

R.N. Borovskikh, PhD. (Candidate of Juridical Science), assistant-
professor

Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University

E-mail: borovskih80@yandex.ru

NOTION OF METHODOLOGICAL BASES DEVELOPMENT OF CONSOLIDATE (COMMON, GENERAL) METHODS OF INSURANCE CRIMES INVESTIGATION (CONTINUE)

The article considers questions of criminalistics method's classification by generality level criteria. The author reveals the content of these issues as methodological bases of his own research of insurance crimes consolidate (common, general) methods investigation development.

Key words: criminalistics methods, classification, method, consolidate (common, general) methods, insurance crimes.

Процесс создания укрупненных (общих, базовых, родовых) криминалистических методик последние несколько десятилетий идет постоянно и весьма активно. Отметим также, что большинство крупных ученых-криминалистов (Р.С. Белкин, Н.П. Яблоков и др.) высказались в пользу целесообразности их существования и дальнейшей разработки. С учетом сказанного полагаем, что данный процесс необходимо обеспечить надлежащей методологией, научной технологией, алгоритмом для разработчиков соответствующих методик.

Представляется, что на примере укрупненной методики расследования преступлений в сфере страхования является возможным разработать и представить процесс, а также результат создания общих положений, принципов данного рода методик. Иными словами, можно говорить о создании сценария формирования методики, который, на наш взгляд, может быть и не одним. Таких сценариев может быть несколько, оценка эффективности каждого из которых должна быть дана не только научным сообществом, но и практикой – свидетелем конкуренции данных сценариев и потребителем соответствующих научных продуктов.

Помимо обозначенных в предыдущей статье научных положений, выдвинутых Р.С. Белкиным (комплексирование методик) и Н.П. Яблоковым (укрупненные методики), в качестве методологической основы, предпосылки данного исследования примем выводы Ю.П. Гармаева о двух путях, направлениях формирования общих (укрупненных – по нашей терминологии) криминалистических методик.

1. «Создается методика расследования определенного вида преступления; по мере ее развития, с учетом комплекса уголовно-правовых норм, потребностей практики, "внутри" данной, теперь уже общей методики, разрабатываются рекомендации меньшей степени общности – частные методики».

2. «Накапливается определенное количество частных методик расследования однородной по тем или иным критериям группы преступлений; становится очевидным, что имеющиеся частные методики содержат общие закономерности, которые позволяют объединить их в общую методику, создание и внедрение которой в практику само по себе предлагает новые средства борьбы с эволюционирующей преступностью» [6, с. 175].

Представляется, что планируемая к созданию нами укрупненная методика расследования преступлений в сфере страхования должна быть сформирована по «второму пути», поскольку в настоящее время разработаны и внедрены в практику отдельные частные криминалистические методики рассле-

дования преступлений в сфере страхования [1, 3, 4, 16, 17, 18, 21, 22].

Возвращаясь к вопросу об алгоритме формирования укрупненных криминалистических методик, укажем, что в своей более поздней работе Ю.П. Гармаев и А.Ф. Лубин предложили один из возможных данных алгоритмов (здесь и далее мы будем использовать термины «укрупненные» методики и «общие» методики как синонимы). Выглядит он следующим образом.

На первом этапе на основе предложенной авторами базовой модели могут быть сформированы основы укрупненной методики расследования; определен перечень частных методик, подлежащих включению в состав данной общей методики.

На втором этапе необходимо провести анализ состояния разработанности криминалистических методик, подпадающих под признаки данной укрупненной методики, следует привести уже имеющиеся частные (менее общие) методики в соответствие с положениями укрупненной.

На третьем этапе надлежит создать еще не разработанные частные методики расследования с учетом имеющихся: пробелов в укрупненной, потребностей практики, содержания «смежных» частных и укрупненных методик и т.д.

Завершающим этапом становится окончательная системная доработка укрупненной методики с учетом ее фактического наполнения менее общими, в т.ч. разработка внутренней классификации, «путеводителя» по системе, общих алгоритмов и программ, унификация форм представления методик (письменная, визуальная, аудиовизуальная, компьютерная) и т.д. [8, с. 193].

Данные предложения Ю.П. Гармаева и А.Ф. Лубина в заданном контексте усиливаются высказанной ранее позицией Р.С. Белкина, по мнению которого комплекс частнометодических рекомендаций более высокого уровня общности должен состоять прежде всего из характеристики оснований формирования комплекса [2, с. 247]. Полагаем, что Р.С. Белкин подразумевал, что в характеристику оснований формирования комплекса должны входить прежде всего классификационные критерии выделения данного вида преступлений, перечень подчиненных частных методик, характеристика их взаимосвязей, определяющих их объединение, указание о том: какие частные методики уже разработаны; какие еще предстоит создать для пополнения общего комплекса; какие «смежные» частные методики можно применять по аналогии в связи с временным отсутствием конкретно необходимой и т.д.

Таким образом, алгоритм формирования укрупненных криминалистических методик, предложен-

ный Ю.П. Гармаевым и А.Ф. Лубиным, полагаем, возможно применить для целей реализации проекта формирования укрупненной методики расследования преступлений в сфере страхования.

Вместе с тем, на наш взгляд, данный алгоритм необходимо дополнить еще одним пунктом-этапом (вероятно, его последовательное расположение должно быть после пункта 2). Речь идет о необходимости анализа ранее изученных криминалистами-разработчиками смежных видов и групп преступлений и, соответственно, методик их расследования в целях использования уже имеющихся научных положений и прикладных рекомендаций по принципу смежности.

В работе, посвященной криминалистической методике судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах [7, с. 36], рассматривая проблемы построения любых укрупненных методик, Ю.П. Гармаев и А.А. Кириллова утверждают, что любую общую (укрупненную) методику необходимо рассматривать и использовать в трех значениях:

а) как самостоятельный комплекс рекомендаций, годных к непосредственному использованию в расследовании преступлений (например, всех видов убийств);

б) как систему входящих в нее менее общих или частных методик расследования (например, убийств меньшей степени общности (ч. 1 ст. 105 УК РФ и т.п.);

в) в методологическом значении общую (укрупненную) методику можно рассматривать как некий инструмент, шаблон для криминалиста-разработчика, как теоретическую и методическую основу для разработки новых менее общих и частных методик расследования и судебного разбирательства по уголовным делам (например, об убийствах), подлежащих включению в структуру общей [7, с. 36].

Признавая бесспорную научную ценность всех вышеизложенных теоретических положений, тем не менее сделаем вывод о том, что их авторы не предложили в законченном виде методологию формирования укрупненных криминалистических методик (полагаем, что авторы перечисленных работ такой задачи перед собой не ставили).

Концептуально важные положения для темы рассматриваемой проблематики предложены М.В. Субботиной. Автором в развитие положений своего диссертационного исследования [19] предложена концепция базовой методики расследования преступлений. С поправкой на терминологические разночтения укажем, что речь фактически идет об укрупненной криминалистической методике.

Итак, под базовой методикой автор понимает систему научных положений и разрабатываемых

на их основе рекомендаций по раскрытию и расследованию нескольких видов преступлений, объединенных в единый предмет изучения на основе уголовно-правовых и криминалистических критериев. Следует поддержать выдвинутые автором положения о задачах, ради которых разрабатывается базовая (в нашей терминологии – укрупненная) криминалистическая методика. Приведем далее эти положения в части терминологии, принимаемой нами за основу настоящего и перспективных исследований.

1. Установление общих положений, которые лежат в основе объединения рекомендаций по расследованию разных видов преступлений в единую укрупненную методику.

2. Выявление закономерностей, общих для подготовки, совершения и сокрытия всех видов преступлений, входящих в укрупненную общность.

3. Определение направлений расследования, носящих общий (универсальный) характер для всех видов преступлений, входящих в укрупненную группу.

4. Установление и описание общего подхода к организации раскрытия и расследования анализируемой группы преступлений.

М.В. Субботина особо подчеркивает важность первой задачи – установления общих положений, которые лежат в основе группового объединения, поскольку невозможно объединить преступления в единую группу, не определив, что есть общего между ними, и не выявив объективные (статистические) и теоретические (уголовно-правовые и криминалистические) критерии формирования базовой (укрупненной методики) [20, с. 4].

Соглашаясь с указанными положениями, предлагаем уточнить их двумя важными дополнениями.

По задаче 1 необходимым видится не только установление общих положений, но и *принципов* (курсив авт. – Р.Б.) формирования данной методики. Первое, безусловно, может охватывать второе, но неопределенность термина «общие положения», думается, обязывает внести данное уточнение.

По задаче 3 важным является определение не только направлений, но и *принципов расследования* (курсив авт. – Р.Б.) всех преступлений, охватываемых укрупненной методикой.

Следует также обратить внимание на то, что автор воспринимает базовую методику только в одном значении – как совокупность научных положений и прикладных рекомендаций, т.е. только как конечный продукт науки, годный для применения на практике. Полагаем, что такой подход необоснованно сужает область применения и значение укрупненных криминалистических методик. Однако данный вопрос

требует отдельного внимания и потому в рамках настоящей статьи не будет освещаться.

М.В. Субботина справедливо замечает, что в криминалистической литературе высказывалось отрицательное мнение о возможности создания общего метода расследования [9, с. 17; 10, с. 5; 11; 12, с. 31-31; 13, с. 21; 14, с. 14; 15, с. 9; 26, с. 46]. Автор соглашается, что нельзя разработать единый метод расследования для всех преступлений, но может быть создан общий метод расследования определенной группы (рода) преступлений. «В основе применения данного метода практическими работниками должен лежать анализ исходной и дополнительной информации, после чего рекомендации базовой методики должны быть приспособлены (адаптированы) к особенностям и условиям конкретного акта расследования. Общность (универсальность) данного метода определяется тем, что он может применяться при расследовании любого вида (подвида) преступлений, объединенных в единый род» [20, с. 5].

Здесь необходимо остановиться более подробно на основополагающей дискуссии, которая имеет место в науке применительно к предмету настоящего исследования. Речь идет о полярных мнениях относительно эффективности либо неэффективности укрупненных (базовых, родовых, общих) методик расследования в целом. Наиболее ярко эта полемика проявилась в публикациях С.Н. Чурилова и М.В. Субботиной. В силу важности данного научного диспута приведем его содержание подробнее.

Так, М.В. Субботина видит основную причину низкой эффективности криминалистической методики, имея в виду заключительный раздел науки, в неоправданно большом количестве частнометодических рекомендаций по расследованию преступлений [20, с. 6]. «Тщательное изучение пусть и чрезвычайно важных с точки зрения науки и практики, но все-таки частных методик расследования отдельных видов преступлений предполагает узкую специализацию ученого-криминалиста, не соответствующую специализации следователя» [20, с. 6].

С.Н. Чурилов возражает, полагая, что именно разработка базовых методик расследования ведет к дискредитации криминалистической методики (как раздела науки), снижению ее качественного состояния. Автор критикует концепцию так называемых «базовых криминалистических характеристик», а затем и всех «общих» рекомендаций по раскрытию и расследованию группы (рода) преступлений, которые, по мнению автора, оказываются малоэффективными особенно в тех случаях, когда расследуемое событие и связанные с ним обстоятельства не укладываются в «прокрустово ложе» количествен-

ных показателей базовой криминалистической характеристики [23, с. 73].

С.Н. Чурилов, апеллируя к истории развития криминалистической науки, отмечает неоднократные попытки разработать универсальные схемы расследования любых преступлений по составу и последовательности производства следственных действий (Е. Аннушат, А. Вейнгарт, М.Е. Евгеньев, И.Н. Якимов и др.). Однако эти универсальные схемы, как пишет С.Н. Чурилов, не нашли поддержки у советских ученых-криминалистов, которые отмечали следующее: «Схема расследования может быть дана лишь применительно к отдельным видам преступлений, что и делают частные методики расследования» [23, с. 15].

Далее автор расширяет свой тезис от неэффективности универсальных схем до ненужности любых укрупненных методик: «...следует уточнить, что невозможно сформулировать в указанном смысле единый метод расследования не только всех без исключения преступлений, но и их отдельных групп (родов)». «Речь об универсальном методе расследования, – поясняет свою концепцию С.Н. Чурилов, – может идти только в... смысле определения общего пути познания истины по любому уголовному делу, основанному на результатах объяснения в криминалистической методике всеобщего метода познания объективной действительности» [24, с. 19-24].

Аргументируя свою позицию, С.Н. Чурилов говорит об отсутствии большого практического значения у таких укрупненных методик, как методики расследования преступлений, совершаемых не вообще, а в определенном месте (например, в местах лишения свободы, в районах чрезвычайного положения или вооруженного конфликта) по сравнению с «традиционными», как их называет автор, частными криминалистическими методиками, разрабатываемыми с учетом особенностей условий расследования. Тот же вывод автор делает в отношении родовых, групповых криминалистических характеристик преступлений, совершаемых не вообще, а в условиях определенного места: в местах лишения свободы, в районах вооруженного конфликта, на туристических маршрутах и т.п. Все они «не имеют практического смысла в силу их высокой степени общности».

Далее ученым формулируется общий вывод: базовые (укрупненные – уточнено авт. – Р.Б.) криминалистические методики не могут вывести криминалистическую методику на новый, более высокий уровень развития. Идея создания базовых методик не может быть признана перспективной, а основной тенденцией поднятия авторитета криминалистиче-

ской методики (как научного раздела) в глазах практических работников должен оставаться прежний путь – путь создания более совершенных частных (типовых) криминалистических методик и по содержанию, и по структуре [23, с. 76].

Таким образом, С.Н. Чурилов не только не признает права на жизнь за целым рядом уже разработанных укрупненных методик, но и, по сути, подвергает критике саму тенденцию комплексирования методик, предложенную Р.С. Белкиным и рядом других криминалистов. К слову сказать, мы не нашли сведений о том, чтобы кто-либо из апологетов создания укрупненных (общих, базовых, родовых) методик расследования продолжил дискуссию с оппонентом на данную тему.

С тем чтобы высказать собственное суждение по вопросу дискуссии, следует признать, что ряд аргументов С.Н. Чурилова справедлив, но чисто в практическом смысле, т.е. если рассматривать укрупненные методики лишь как прикладной продукт науки, как совокупность рекомендаций для правоприменителей (в соответствии с перечнем значений укрупненных методик, определенным Ю.П. Гармаевым, это лишь первое из числа возможных значений). Они (методики), во-первых, действительно содержат более общие положения и рекомендации, а потому в типичных следственных ситуациях следователь может найти более полезные, конкретные советы в частной, менее общей криминалистической методике, если таковая имеется. Во-вторых, выводы автора можно отнести к некоторым методикам, качество которых действительно не соответствует потребностям практики. Действительно, отдельные «диссертационные» методики (по классификации И.А. Возгрин, делившего методики в том числе по форме изложения [5,

с. 287-293]), не адаптированные авторами к нуждам следствия, сложно применить на практике. В этой связи закономерен вопрос: разработан ли наукой алгоритм такого рода адаптации? Полагаем, что сегодня такого алгоритма нет.

Возражения относительно позиций С.Н. Чурилова видятся в следующем.

Укрупненные методики, как было отмечено выше, следует рассматривать не только в значении прикладных рекомендаций, но и еще в нескольких методологических значениях, повторим: 1) как систему входящих в укрупненную методику менее общих или частных методик расследования; 2) как методологическую основу для создания новых и/или модернизации имеющихся методик, как укрупненных, так и частных (меньшей степени общности). Добавим также еще одно, ранее предложенное нами значение: укрупненную криминалистическую методику следует рассматривать как научный продукт, призванный дополнить ряд уже имеющихся и планируемых к разработке методик, которые мы называем «смежными».

На основании изложенного считаем, что использование укрупненных криминалистических методик не в одном – прикладном, а во всех четырех вышеперечисленных значениях, вопреки мнению С.Н. Чурилова, действительно может дать новый импульс к дальнейшему развитию заключительного раздела науки. Добавим, что повышение эффективности укрупненных методик во всех четырех значениях возможно только в том случае, если ученые-методологи и разработчики данного научного продукта смогут создать прочную теоретико-методологическую основу процесса создания, адаптации и широкого внедрения соответствующих криминалистических методических разработок.

Литература

1. Алгазин А.И., Галагуза Н.Ф., Ларичев В.Д. Страхование мошенничества и методы борьбы с ним: учеб.-практ. пособие. М.: Дело, 2003.
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов: в 3 т. 3-е изд., доп. М., 2001. Т. 3.
3. Булгакова Е.В. Особенности расследования и предупреждения вымогательства и мошенничества, совершенных путем фальсификации обстоятельств дорожно-транспортных происшествий: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
4. Быкова Н.В. Выявление и расследование мошенничества в сфере страхования: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
5. Возгрин И.А. Введение в криминалистику: история, основы теории, библиография. СПб., 2003.
6. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
7. Гармаев Ю.П., Кириллова А.А. Криминалистическая методика судебного разбирательства по уголовным делам об убийствах (ч. 1 ст. 105 УК РФ): теоретические основы и прикладные рекомендации: монография; практическое пособие. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2014.
8. Гармаев Ю.П., Лубин А.Ф. Проблемы создания криминалистических методик расследования преступлений: теория и практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

9. Громов В. Методика расследования преступлений. М., 1930.
10. Громов В. Техника расследования отдельных видов преступлений. М., 1931.
11. Дулов А.В. Понятие и структура методов расследования преступлений (тезисы). М., 1972.
12. Калинин Л.Я. Об использовании достижений науки управления в разработке методов раскрытия преступлений // Вопросы криминалистической методологии тактики и методики расследования. М., 1973.
13. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967.
14. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1965.
15. Колесниченко А.Н. Общие положения методики расследования отдельных видов преступлений. Харьков, 1976.
16. Лубин С.А. Расследование преступлений в сфере страхования // Криминалистическое обеспечение экономической безопасности и борьбы с коррупцией: учебно-практическое пособие / под ред. А.Ф. Лубина и С.Ю. Журавлева. Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012.
17. Махова И.В. Методика расследования мошенничества в сфере страхования // Расследование отдельных видов мошенничества: учебное пособие / под ред. проф. А.Г. Филиппова, доц. Л.Е. Чистовой. М.: Юрлитинформ, 2014.
18. Потапова Н.Н. Выявление и расследование мошенничества, совершенного в сфере страхового бизнеса: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
19. Субботина М.В. Криминалистические проблемы расследования хищений чужого имущества: дис. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 2004.
20. Субботина М.В. Структура базовой методики расследования преступлений // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 2 (18). С. 4.
21. Сухомлинова Л.А. Техничко-криминалистические и организационные основы выявления и расследования мошенничества в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008.
22. Уразбахтин М.М. Криминалистическая методика расследования мошенничества в области автострахования: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
23. Чурилов С.Н. Криминалистическая методика расследования: проблемы, тенденции, перспективы. М.: Юстицинформ, 2011.
24. Чурилов С.Н. Криминалистическое учение об общем методе расследования преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995.
25. Чурилов С.Н. Общий метод расследования преступлений: иллюзия или реальность? // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 1 (29). С. 19-24.
26. Шавер Б.М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Социалистическая законность. 1938. № 1. С. 46.

УДК 343.985:343.352

С.В. Ермаков, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ (ПОНЯТИЯ И ЭЛЕМЕНТЫ)

Анализируя современные подходы к определению понятия «оперативно-разыскная характеристика преступлений», автор формулирует понятие «оперативно-разыскная характеристика взяточничества в сфере здравоохранения» и определяет её элементы.

Ключевые слова: понятие и элементы оперативно-разыскной характеристики взяточничества, взяточничество в сфере здравоохранения, коррупция в сфере здравоохранения.

S.V. Ermakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ermaksv_alt22@mail.ru

OPERATIONAL-INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF HEALTH CARE BRIBERY (CONCEPTS AND ELEMENTS)

Analyzing the current approaches to the definition of «operational-investigation characteristics of crimes» the author formulates the definition «operational-investigative characteristics of Health Care bribery» and defines its elements.

Key words: concept and elements of operational-investigative characteristics of bribery, health care bribery, health care corruption.

Концентрируя усилия на повышении эффективности реализации государственной политики в сфере внутренних дел, МВД России в рамках ежегодно принимаемых директив определяет «наращивание эффективности борьбы с коррупцией» как одно из приоритетных направлений своей деятельности.

Обеспечению выполнения указанного направления деятельности во многом способствует её интеллектуализация, базирующаяся на результатах комплексных научных исследований теории и практики борьбы с наиболее распространенными проявлениями коррупции в ключевых сферах государства. К одной из таких сфер относится сфера здравоохранения.

Как и любую другую, деятельность по выявлению и документированию взяточничества в сфере

здравоохранения следует начинать с изучения оперативно-разыскной характеристики указанных преступлений, которая является основой данной деятельности.

Следует отметить, что в теории оперативно-разыскной деятельности для характеристики отдельных групп или видов преступлений наряду с термином «оперативно-разыскная характеристика преступлений» [2, с. 73] используются такие термины, как «оперативно-тактическая характеристика преступлений» [9, с. 44-48], «общая (комплексная) характеристика преступлений» [1, с. 71] и др. Вопрос о приоритете использования и принципиальных отличиях того или иного термина представляет собой научную дискуссию, окончательную точку в которой способно поставить лишь отдельное, к

сожалению, отсутствующее на сегодняшний день фундаментальное научное исследование. Пока же следует констатировать, что большинство авторов в своих работах используют термин «оперативно-разыскная характеристика преступлений», поскольку считают его наиболее соответствующим современному состоянию и уровню развития теории и практики оперативно-разыскной деятельности.

Аргументированно разделяя точку зрения большинства и в связи с этим используя указанный термин, придерживаемся определения оперативно-разыскной характеристики преступлений, предложенного В.Д. Ларичевым, который понимает под ней «научно разработанную систему обобщенных данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступления, проявляющихся в особенностях объекта преступного посягательства, способах совершения преступления, механизме следообразования преступных действий, а также личностных данных субъекта преступления, знание которых является теоретической и информационной базой для разработки основных методических и тактических приемов выявления и раскрытия преступлений» [7, с. 13].

Исходя из анализа данного определения следует, что разработку частного по отношению к нему определения оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения предваряет разработка содержания определяемой характеристики, осуществляемая путем научно обоснованного выделения наиболее значимых её элементов.

Разработка содержания оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения базировалась на результатах изучения работ, в которых рассматривались:

- общетеоретические основы формирования содержания оперативно-разыскной характеристики преступлений;
- теоретические и прикладные аспекты оперативно-разыскной деятельности по борьбе со взяточничеством;
- результаты обобщения и анализа современной оперативно-разыскной практики выявления и документирования рассматриваемых преступлений.

Научный анализ работ, в которых рассматривались общетеоретические основы формирования содержания оперативно-разыскной характеристики преступлений, был направлен на поиск и познание теоретически обоснованной логики формирования данного содержания с целью последующего использования указанных знаний при разработке искомой характеристики. Его результаты позволяют прийти к следующим выводам.

Одним из путей построения оперативно-разыскной характеристики преступлений является

раскрытие содержания составляющих ее элементов в соотношении с оперативно-разыскными мероприятиями, для чего используется метод доказывания «от противного». Вначале, рассматривая оперативно-разыскное мероприятие, показывают, что необходимо знать для его проведения, после чего эти данные проецируют на содержание оперативно-разыскной характеристики [8, с. 15-20].

Другим направлением построения оперативно-разыскной характеристики преступлений может быть раскрытие содержания элементов этой характеристики в соотношении с основными направлениями документирования, к числу которых традиционно относят:

- выявление и проверку в процессе оперативно-разыскных мероприятий лиц, осведомленных о деятельности взяточников и могущих в связи с этим быть свидетелями;
- установление предметов и документов, которые могут впоследствии использоваться в качестве доказательств;
- обеспечение сохранности выявленных предметов и документов до момента, когда появится возможность изъять их для последующего использования при расследовании.

Изучение работ, в которых рассматривались теоретические и прикладные аспекты оперативно-разыскной деятельности по борьбе со взяточничеством, показало, что большинство авторов указанных работ в содержание оперативно-разыскной характеристики взяточничества включали следующие элементы: уголовно-правовые элементы (мотив, понятие должностного лица); криминалистические элементы (обстановка совершения преступления, место, время, способ, следы совершения преступления); криминологический блок (структура, динамика, причины и условия, личность преступника); составляющие характеристики отрасли; психологические признаки, блок информационных признаков оперативно-разыскной направленности; некоторые элементы оперативной обстановки.

Анализируя полученные результаты, следует отметить, что, по нашему мнению, включение в оперативно-разыскную характеристику взяточничества уголовно-правовых элементов является необоснованным. Данные элементы скорее составляют правовую основу деятельности по выявлению и документированию взяточничества и как таковые непосредственному получению оперативно значимой информации о нём не способствуют [4, с. 27; 5, с. 64; 6, с. 111].

Сопоставление результатов изучения различного рода материалов (обзоров, материалов проверок в порядке ст. 144, 145 УПК РФ, уголовных дел и

т.д.) с результатами опроса сотрудников подразделений ЭБиПК позволило прийти к выводу, что с точки зрения практической обоснованности система обобщенных оперативно-разыскных данных о взяточничестве в сфере здравоохранения, т.е. его оперативно-разыскная характеристика, в обязательном порядке должна включать в себя данные: о личности взяточника в сфере здравоохранения; источниках поступления первичных оперативно-разыскных данных о взяточничестве в сфере здравоохранения; документах и формируемом ими документообороте, связанном со взяточничеством в сфере здравоохранения; предмете, времени, месте и способах совершения взяточничества в сфере здравоохранения.

Таким образом, используя результаты проведенного исследования, а также логический путь и опираясь на положение диалектики о необходимости соответствия свойств, средств и методов воздействия качественным характеристикам объекта воздействия, приходим к выводу о том, что в систему элементов, составляющих содержание оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения, обоснованно могут быть включены:

- личность взяточника в сфере здравоохранения;
- круг лиц, осведомленных о взяточничестве в сфере здравоохранения, и лицах, к нему причастных;
- перечень документов, свидетельствующих о взяточничестве в сфере здравоохранения;
- предмет взяточничества в сфере здравоохранения;
- время, место и способ совершения взяточничества в сфере здравоохранения.

Переходя к рассмотрению содержания оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения, следует уточнить, что в рамках ее разработки в целях наиболее оптимальной систематизации знаний о ней нами была разработана классификация взяточничества в сфере здравоохранения. В основу данной классификации положен признак, характерный для абсолютного большинства взяток в рассматриваемой сфере, – «криминальная специализация взятополучателей». В соответствии с ним всю совокупность взяточничества в сфере здравоохранения следует классифицировать на «бытовое» и «профессиональное». Практическое значение использования предлагаемой классификации заключается в определении с ее помощью особенностей оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения, напрямую влияющих на организацию и тактику его выявления и документирования в различных оперативно-разыскных ситуациях [3, с. 109].

В соответствии с предлагаемой классификацией к «бытовому» взяточничеству в сфере здравоохра-

нения (87% от общего количества изученных нами уголовных дел) на сегодняшний день может быть отнесена передача/получение незаконного вознаграждения за совершение взятополучателем следующих действий:

- оформление и выдачу подложного листка временной нетрудоспособности;
- оформление и выдачу подложной справки о временной нетрудоспособности студента, учащегося техникума, профессионально-технического училища, о болезни, карантине и прочих причинах отсутствия ребенка, посещающего школу, детское дошкольное учреждение;
- оформление и выдачу подложного акта судебно-медицинского освидетельствования без его фактического прохождения либо с искажением его результатов;
- оформление и выдачу подложного акта медицинского освидетельствования на состояние алкогольного, наркотического или токсического опьянения;
- оформление и выдачу подложных заключений патологоанатомической экспертизы;
- оформление и выдачу медицинских допусков представителям декретированных профессий (работники торговли, предприятий общественного питания, детских дошкольных учреждений) без прохождения медицинского обследования;
- оформление и выдачу санаторно-курортной карты и санаторно-курортной путевки;
- содействие пациенту в проведении бесплатной операции во внеочередном порядке;
- оформление и выдачу фиктивной медицинской справки, необходимой для получения водительского удостоверения, лицензии на приобретение, хранение и ношение оружия самообороны и т.п.

К «профессиональному» взяточничеству в сфере здравоохранения (13% от общего количества изученных нами уголовных дел) может быть отнесена передача/получение незаконного вознаграждения за совершение взятополучателем следующих действий:

- подписание пакета документов для заключения договора аренды различных помещений учреждений здравоохранения;
- общее покровительство или попустительство по службе, выражающееся в оказании протекции подчиненным при решении вопросов, касающихся приема на государственную гражданскую службу, перемещения по службе;
- оформление и выдачу военно-врачебной комиссии подложного медицинского заключения и акта исследования состояния здоровья призывника;
- оформление и выдачу направлений для прохождения медико-социальной экспертизы, а также

подложного заключения по результатам её проведения;

- сокрытие информации о наличии инфекционного заболевания, представляющего опасность для окружающих и являющегося основанием для отказа в выдаче либо аннулирования разрешения на временное проживание иностранным гражданам и лицам без гражданства, или вида на жительство, или разрешения на работу в Российской Федерации, сопровождающееся выдачей сертификата об отсутствии соответствующего заболевания лицу, не имеющему на это права;

- оформление и выдачу подложных заключений судебно-медицинской экспертизы;

- оформление и выдачу подложных заключений судебно-психиатрической экспертизы;

- содействие при поступлении в образовательные учреждения сферы здравоохранения, а также за сдачу зачетов и экзаменов;

- общее покровительство или попустительство по службе, выражающееся в содействии учреждениям и организациям в победе в конкурсе по отбору организации для заключения государственного контракта на осуществление поставок товаров, выполнение работ, оказание услуг для учреждения

здравоохранения, а также на закупку оборудования и лекарств по завышенным ценам.

Таким образом, обозначив базовое для нас определение оперативно-разыскной характеристики преступлений, определив логику формирования содержания оперативно-разыскной характеристики взяточничества в сфере здравоохранения и соответствующий ей перечень элементов, входящих в рассматриваемую характеристику, следует констатировать, что под оперативно-разыскной характеристикой взяточничества в сфере здравоохранения следует понимать научно разработанную систему обобщенных данных о наиболее типичных оперативно значимых признаках преступления, проявляющихся в личности взяточника в сфере здравоохранения; круге лиц, осведомленных о взяточничестве в сфере здравоохранения, и лицах, к нему причастных; перечне документов, свидетельствующих о взяточничестве в сфере здравоохранения; предмете взяточничества в сфере здравоохранения; времени, месте и способах совершения взяточничества в сфере здравоохранения, знание которых является теоретической и информационной базой для разработки основных методических и тактических приемов выявления и документирования рассматриваемых преступлений.

Литература

1. Алексеев В.В., Батоев В.Б. Понятие, структура, значение комплексной характеристики хищений соловых телефонов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2012. № 4 (22). С. 71-78.
2. Гребельский Д.В. О состоянии криминалистических и оперативно-розыскных характеристик преступлений // Криминалистическая характеристика преступлений. М.: Всероссийский институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. С. 73.
3. Давыдов С.И. Ситуационный подход в теории и практике оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел: монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2009.
4. Ермаков С.В. О понятии и содержании правовой основы выявления и документирования взяточничества в сфере здравоохранения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы восьмой международной науч.-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2010. Ч. 1. С. 26-28.
5. Ермаков С.В. Субъект получения взятки в сфере здравоохранения (на основе правоприменительной практики СФО РФ) // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2011. № 2 (21). С. 64-68.
6. Ермаков С.В. Проблемы признания субъектом получения взятки медицинских работников // Алтайский юридический вестник. 2013. № 4 (4). С. 111-114.
7. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: вопросы теории и практики в современных условиях: научный доклад. М.: ВНИИ МВД России, 2008.
8. Ларичев В.Д. Оперативно-розыскная характеристика экономических преступлений: понятие и содержание // Оперативник (сыщик). 2007. № 2 (11). С. 15-20.
9. Худяков Ю.М. Значение и содержание оперативно-тактической характеристики для раскрытия преступлений отдельных видов // Проблемы совершенствования деятельности аппаратов милиции и криминалистических подразделений: вып. 2. М.: ВНИИ МВД СССР, 1979. С. 44-48.

УДК 343.13

М.С. Колосович, канд. юрид. наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

E-mail: 270619@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ГЛАСНОСТИ РАССМОТРЕНИЯ В СУДЕБНОМ ЗАСЕДАНИИ ХОДАТАЙСТВА О НАЛОЖЕНИИ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО

Автором рассматриваются сложности подготовительной части процессуального действия, отмечается ограниченность гласности его производства, приводятся данные опроса следователей из 47 субъектов Российской Федерации, раскрывается свое видение разрешения рассмотренных проблем и авторская классификация негласных действий следователя.

Ключевые слова: наложение ареста на имущество, гласность судебного заседания, негласные действия следователя.

M.S. Kolosovich, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: 270619@mail.ru

PROBLEMS OF TRANSPARENCY IN THE CONSIDERATION OF THE COURT HEARING AN APPLICATION FOR SEIZURE OF PROPERTY

The author addresses the complexity of the preparatory part of the procedural act, notes limited transparency, provides the polling data of investigators of 47 subjects of the Russian Federation, revealed his vision examined permissions problems, and the author's undercover investigator action classification.

Key words: seizure of property, publicity of the trial, undercover actions of the investigator.

Опрос следователей¹ показал, что процедура наложения ареста на имущество, денежные средства и иные ценности, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях², вызывает недовольство участников уголовного судопроизводства, чьи интересы данным решением затрагиваются³. Уже не единичны случаи

¹ В опросе приняли участие 243 следователя и их руководители из 47 субъектов Российской Федерации.

² Далее – наложение ареста на имущество.

³ Напомним, что в соответствии со ст. 115 УПК РФ к таким участникам уголовного судопроизводства относятся: 1) подозреваемый; 2) обвиняемый; 3) лицо, несущее по закону материальную ответственность за их действия; 4) лицо, которое получило это имущество в результате преступных действий подозреваемого, обвиняемого,

направления ими жалоб на действия следователя и судьи, которые не уведомляют последних о судебном заседании, где решается вопрос о наложении ареста на имущество. По мнению указанных участников уголовного судопроизводства, негласная процедура наложения ареста на имущество не позволяет обосновать свою позицию относительно заявленного следователем ходатайства.

либо это имущество использовалось или предназначалось для использования в качестве орудия, оборудования или иного средства совершения преступления либо для финансирования терроризма, экстремистской деятельности (экстремизма), организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации); 5) защитник или адвокат ранее указанных лиц. Далее – заинтересованное лицо.

Кроме того, ими отмечается определенная несправедливость ситуации в тех случаях, когда по уголовному делу сумма ущерба ниже стоимости арестованного имущества. По мнению защитников, в условиях гласного судебного заседания у них была бы возможность предложить взамен другое имущество, по стоимости равное сумме ущерба. Отвечая на замечание, респонденты отметили, что оно не имеет смысла, поскольку наложение ареста на имущество, кроме обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, обеспечивает взыскание возможного наказания в виде штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Само же обращение взыскания на имущество должника после вынесения приговора в соответствии с главами 8-9 ФЗ «Об исполнительном производстве» [9] предусматривает процедуру, способную минимизировать потери от принудительной реализации имущества.

Уведомление же заинтересованных участников уголовного судопроизводства о направлении ходатайства о наложении ареста на имущество, со слов проинтервьюированных следователей, заканчивалось неявкой этих лиц в суд с одновременной реализацией прошедшими числами фигурирующего в постановлении имущества, а также опустошением банковских счетов или передачей имущества третьим лицам в аренду на длительные сроки, что зачастую делало невозможным возмещение потерпевшему и государству понесенных от преступления убытков.

По мнению В.В. Кальницкого и О.В. Баландюка, отсутствие заинтересованных лиц в судебном заседании в целях обеспечения эффекта внезапности допустимо, в связи с чем на следователя не возлагается обязанность их уведомления о вынесении соответствующего постановления. Однако, по их же мнению, в тех случаях, когда нет непосредственной угрозы утраты или отчуждения имущества, заинтересованные лица имеют право знать о возбужденном ходатайстве, что, в свою очередь, обязывает следователя уведомлять последних о вынесенном постановлении [3, с. 50].

На вопрос о том, каким образом можно обеспечить защиту интересов участников уголовного судопроизводства в случае их отсутствия в судебном заседании, следователи единогласно отметили, что серьезным правообеспечительным механизмом является убеждение судьи в законности применения данной меры принуждения. В тех случаях, когда появлялись сомнения в правомерности наложения ареста на имущество, недостаточной обоснованности или аргументированности постановления, судья без колебаний отказывал в удовлетворении заявленного ходатайства.

Определенным гарантом обеспечения прав заинтересованных лиц является участие прокурора в рассмотрении судьей соответствующего ходатайства (п. 8 ч. 2 ст. 39). К сожалению, опрос следователей позволяет констатировать отсутствие единообразной практики реализации данного права прокурора. Только 28 (из 47) представителей субъектов Российской Федерации отметили сложившуюся практику обязанности его участия в судебном заседании. Представляется, что такому положению вещей во многом поспособствовала неопределенность Приказа Генпрокуратуры России от 02.06.2011 № 162 [10], в соответствии с которым участие прокурора в судебных заседаниях является обязательным только при рассмотрении судом ходатайств об избрании, продлении или отмене в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, а также ходатайств о производстве **следственных** (а не процессуальных) действий (примечание автора – М.К.), которые допускаются на основании судебного решения (ст. 1.6 приказа), что неоправданно сузило границы действия прокурора. Таким образом, в соответствии с УПК РФ участие прокурора в судебном заседании по рассмотрению ходатайства следователя о наложении ареста на имущество относится к разряду управомочивающих, т.е. необязательных, а в соответствии с нечеткостью редакции Приказа Генпрокуратуры России от 02.06.2011 № 162 невозможных.

Здесь отметим, что причина такого сужения пределов действия прокурора могла быть вызвана различными подходами к данному вопросу комментариев к УПК РФ и научных публикаций. По мнению одних (немногочисленных) ученых, наложение ареста на имущество – это следственное действие [12], по мнению других, уголовно-процессуальное принуждение [1, с. 13; 2, с. 65; 4, с. 318; 6; 5, с. 96-102]. Письмо Генеральной прокуратуры РФ № 36-12-04 [8], рассматривающее наложение ареста на имущество не иначе как меру процессуального принуждения, свидетельствует об отсутствии единства в понимании сущности данного следственного мероприятия и в стенах названного ведомства.

Несмотря на то, что доминирование положений УПК РФ наделяет прокуроров правовыми возможностями преодоления возникшего несоответствия (ч. 2 ст. 7 УПК РФ), последние вопреки интересам правосудия не спешат реализовать эту возможность.

Эффективности деятельности прокуратуры в реализации своих процессуальных полномочий, по мнению респондентов, также мешает формальный подход к исполнению своих обязанностей. В половине случаев так называемого участия в судебном

заседании деятельность прокурора нередко сводится к безмолвному присутствию, а иногда лишь к росписи в протоколе о якобы имевшем месте присутствии. В некоторых случаях такая фальсификация протоколов судебного заседания стала основанием обжалования адвокатами законности решения о наложении ареста на имущество.

К негативной практике можно отнести и политику некоторых прокуроров, линия поведения которых сводится к автоматическому несогласию с поступившим ходатайством следователя. В основе такой политики находятся не интересы правосудия, а лишь его стремление оградить себя от необходимости отписываться, оправдываться перед вышестоящим прокурором в случае неудовлетворения этого ходатайства судом.

По мнению респондентов, имеется и положительная практика участия прокурора в судебном разбирательстве, свидетельствующая об эффективном взаимодействии следственных подразделений и прокуратуры, когда каждое ходатайство о наложении ареста на имущество, применении иных мер принуждения и производстве следственных действий, требующих разрешения суда, предварительно является предметом активного взаимного обсуждения, в ходе которого следователь аргументирует свою позицию по делу, а прокурор формулирует свою. Практика заблаговременного обсуждения спорных вопросов гарантирует выработку консолидированной позиции стороны обвинения и приветствуется ведущими процессуалистами страны [11].

Между тем считаем, что неформальное участие прокурора в рассмотрении судом ходатайства о наложении ареста на имущество, а также производстве следственных действий, рассматриваемых в режиме ограниченной гласности, является важным гарантом обеспечения прав участников уголовного судопроизводства, отсутствие которых обусловлено интересами правосудия. В этой связи в ст. 165 УПК РФ необходимо предусмотреть обязательность участия прокурора в судебных заседаниях, проводимых на стадии предварительного расследования в отсутствие лиц, права которых их производством затрагиваются, а также возможность их ознакомления в последующем со всеми материалами судебного заседания (постановлениями следователя и суда о наложении ареста на имущество, копиями предоставленных материалов уголовного дела, протоколом судебного заседания, занятой прокурором позицией).

В случае несоответствия материалов судебного заседания требованиям УПК РФ и установленным в ходе расследования обстоятельствам заинтересованное лицо вправе обжаловать данное решение, а

также заявить мотивированное ходатайство об изменении ограничений, которым подвергнуто арестованное имущество, или об отмене наложенного ареста (ч. 6 ст. 115 УПК РФ).

В 2001 г. законодателем впервые закреплены процессуальные действия следователя, производство которых осуществляется негласно и/или путем применения средств и методов оперативно-разыскной деятельности: наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1); обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства (ст. 11), участие в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1).

По нашему мнению, к процессуальным негласным действиям следователя можно отнести также обыск, выемку, наложение ареста на имущество и сохранение в тайне факта задержания подозреваемого. Учитывая, что степень негласности производства названных действий различна, автором предложена их классификация.

Все процессуальные негласные действия следователя нами разделяются на абсолютно негласные, относительно негласные и конфиденциальные. К относительно негласным действиям следователя отнесены: обыск; выемка; наложение ареста на имущество; сохранение в тайне факта задержания подозреваемого. Определяющим для отнесения названных следственных действий к данной группе явился негласный характер не самого действия, а этапа его подготовки. Результативность этих действий зависит не только от их оперативности, но и от их внезапности. В связи с этим процедура согласования их производства с руководителем следственного органа и судьей для других участников предварительного расследования остается закрытой.

Непосредственное же производство названных действий осуществляется гласно. Согласно УПК РФ перед началом производства участникам объявляются, по какому уголовному делу оно осуществляется, разъясняются права и обязанности, процедура производства, участвующие лица предупреждаются о применении технических средств, им представляются другие участники, рассматриваются ходатайства и отводы. По окончании (или во время) производства действия составляется протокол, копия которого вручается лицу, чьи права и свободы были ограничены.

К абсолютно негласным действиям следователя отнесены наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; контроль и

запись переговоров; снятие информации с технических каналов связи.

Особенностью названных действий является закрытость информации не только об их подготовке, но и производстве (времени, месте, участниках, применяемых методах и средствах оперативно-разыскной деятельности). Согласительные процедуры у судьи проводятся в закрытом судебном заседании без участия лиц, на права и свободы которых может повлиять принимаемое решение. Кроме того, участниками данной деятельности являются сотрудники оперативных и оперативно-технических подразделений.

О самом факте и результатах производства абсолютно негласных действий следователя лица, чьи права и свободы были таким образом ограничены, уведомляются по решению следователя, в ходе предварительного расследования или при ознакомлении с материалами уголовного дела по его окончании.

Несмотря на то что сущность абсолютно негласных действий следователя созвучна сущности оперативно-разыскных мероприятий (применение методов и средств оперативно-разыскной деятельности), знак равенства между ними ставить преждевременно по следующим причинам. Абсолютно негласные следственные действия:

- имеют процессуальное закрепление;
- субъектом их производства является следователь, а объектом – участники уголовного судопроизводства;
- определены процессуальные сроки их проведения, ограниченные рамками осуществляемого предварительного следствия;
- при их производстве решаются цели и задачи уголовного судопроизводства;
- участники абсолютно негласных действий по их завершении информируются о своем в них участии, а значит имеют возможность заявить ходатайства или обжаловать правомерность их производства;
- участники абсолютно негласных действий информируются об их результатах.

К конфиденциальным негласным действиям следователя относится его деятельность по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства и досудебному соглашению о сотрудничестве.

Как и предыдущие негласные действия, они осуществляются в закрытом для всех участников уголовного судопроизводства режиме. Особенными их делает то, что правовая природа этих действий имеет существенное отличие от уже названных негласных действий следователя. В понятии конфиденциальности, как и в понятии негласности, при-

сутствует общий «роднящий» их элемент, а именно тайность (секретность). Между тем знак равенства между рассматриваемыми понятиями ставить вряд ли оправданно, т.к. кроме сохранности секретной информации, конфиденциальность предполагает еще и доверительность между участниками отношений (конфиденциальный – секретный, доверительный [7, с. 292; 13, с. 294]). Действительно, ведь лицо доверяет следователю не только имеющую значение для уголовного дела информацию о совершенном преступлении, но и жизнь, здоровье свое и близких ему лиц.

В отличие от ранее перечисленных абсолютно негласных действий следователя факт применения досудебного соглашения и мер обеспечения безопасности для самих участников этой деятельности является открытым. Более того, производство названных действий возможно только при наличии их согласия. Отсутствие согласия лица независимо от его процессуального статуса является непреодолимым препятствием осуществления конфиденциальных действий. Причем данное согласие облечается в письменную форму и приобщается в закрытом конверте к материалам уголовного дела.

При наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства, а также их близким угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, следователь принимает в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц следующие процессуальные меры безопасности:

- легендирование сведений о потерпевшем и свидетеле в материалах уголовного дела (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);
- контроль и запись телефонных и иных переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);
- предъявление лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

По письменному ходатайству подозреваемого или обвиняемого (подписанного защитником) прокурор вправе заключить с последними досудебное соглашение (ст. 317.2 УПК РФ). В случае возникновения угрозы безопасности подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, его близких следователь выносит постановление о хранении в печатанном конверте, недоступном для других лиц, материалов, содержащих идентифицирующую их информацию. При необходимости указанные материалы уголовного дела могут быть выделены в отдельное производство.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Таким образом, общими признаками процессуальной негласной деятельности следователя по уголовному делу являются:

- производство негласных следственных действий осуществляется в связи с возбужденным уголовным делом; производство негласных следственных действий осуществляется по решению следователя (в определенных законом случаях с согласия руководителя следственного органа и разрешения судьи);
- субъектом производства негласных следственных действий является следователь;

- производство негласных следственных действий осуществляется в целях получения доказательств по уголовному делу и/или обеспечения производства следственных действий, в ходе которых эти доказательства получают;

- производство негласных следственных действий сопряжено с соблюдением секретности и/или конфиденциальности;
- производством негласных следственных действий разрешаются цели и задачи уголовного судопроизводства.

Литература

1. Аршба Г.В. Наложение ареста на имущество в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Всерос. науч.-исслед. ин-т МВД РФ, 2004. 22 с.
2. Гаврилов Б.Я., Алексанян М.С., Акжигитов Р.И., Казаров Г.А. Досудебное производство. М.: ВидАрт, 2012. 528 с.
3. Кальницкий В.В., Баландюк О.В. Порядок наложения ареста на имущество при производстве предварительного расследования (методические рекомендации) // Законодательство и практика. 2012. № 2. С. 30-37.
4. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / науч. ред. В.Т. Томин, М.П. Поляков. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Юрайт», 2014. 1087 с.
5. Меженина Е.В. Наложение ареста на имущество как ограничение права собственности в российском уголовном судопроизводстве // Российский юридический журнал. 2016. № 2.
6. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2014 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Новый юридический словарь / под ред. А.Н. Азрилияна. М.: Институт новой экономики, 2006. 1087 с.
8. О направлении Методических рекомендаций «Основания и порядок применения временного отстранения от должности, наложения ареста на имущество и ценные бумаги, денежного взыскания» [Электронный ресурс]: письмо Генпрокуратуры РФ от 30.03.2004 № 36-12-04. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ // Российская газета. 2007. 6 окт. № 223.
10. Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: приказ Генпрокуратуры России от 02.06.2011 № 162 // Законность. 2011. № 11. С. 57-68.
11. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практическое пособие: в 2 ч. / В.А. Давыдов, В.В. Дорошков, Н.А. Колоколов и др.; под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Ч. 1. 231 с.
12. Рыжаков А.П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 9-е изд., перераб. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Толковый словарь русского языка: 80000 тыс. слов и фразеологических выражений / С.Ю. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: А-ТЕМП, 2004. 944 с.

УДК 343.123.66

А.Л. Корякин, канд. юрид. наук

Судебный участок № 3 Сургутского судебного района города окружного значения Сургут
Ханты-Мансийского автономного округа – Югра

E-mail: alk1978@mail.ru

ИНСТИТУТ ЧАСТНОГО И ЧАСТНО-ПУБЛИЧНОГО ОБВИНЕНИЯ В РЕДАКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 3 ИЮЛЯ 2016 Г. № 323-ФЗ

В статье автор анализирует Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ относительно дел частного и частно-публичного обвинения. Автор приходит к выводу о том, что попытка правоприменителя и законодателя уменьшить количество осужденных по делам указанной категории, а также уменьшить нагрузку на мировых судей не увенчалась успехом. С учётом статистических данных автор прогнозирует увеличение числа осужденных по делам частно-публичного обвинения, предусмотренным ст. 116 УК РФ, среди близких родственников потерпевшего, а также увеличение нагрузки на мировых судей по находящимся в их производстве уголовным делам.

Ключевые слова: институт частного обвинения, институт частно-публичного обвинения, Устав уголовного судопроизводства, законодательство Республики Беларусь, законодательство Республики Казахстан, анализ статистических данных Верховного Суда РФ.

A.L. Koryakin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Judicial district 3 of Surgut district court of Surgut Khanty-Mansi

Autonomous District – Yugra

E-mail: alk1978@mail.ru

INSTITUTE OF PRIVATE AND PRIVATE-PUBLIC PROSECUTION AS AMENDED BY THE FEDERAL LAW OF JULY 3, 2016 № 323-FZ

The author analyzes the Federal Law of July 3, 2016 № 323-FZ concerning the cases of private and private-public prosecution. The author concludes that the law enforcer and the position of the legislator to reduce the number of convicts in cases of this category, as well as to reduce the load on the justices of the peace, were not successful. Taking into account the statistical data the author predicts an increase in the number of convicted cases by private-public prosecution, provided Article 116 of the Criminal Code of the Russian Federation, among close relatives of the victim, as well as an increase in the load on the justices of the peace, for under their criminal cases.

Key words: private prosecution institute, private-public prosecution institution, Statute of Criminal Procedure, Republic of Belarus legislation, Republic of Kazakhstan legislation.

Тенденция развития отечественного уголовно-процессуального законодательства свидетельствует об усилении публичных начал, что в некоторой степени противоречит положениям Концепции судебной реформы, провозгласившей расширение частных начал, состязательность в уголовном процессе. Непоследовательность законодателя относительно сужения либо расширения перечня дел частного

обвинения свидетельствует об отсутствии целенаправленной государственной политики в области уголовного судопроизводства, а также перманентного и ситуативного вмешательства законодателя в урегулирование правоотношений в зависимости от назревшей проблемы, обусловленной экономической и политической ситуацией в стране. При этом очевидно игнорирование истории развития отече-

ственного уголовно-процессуального права; положений международного законодательства; позиций ученых.

Относительно института частного обвинения можно обозначить проблему несогласованности позиции правоприменителя и законодателя. Итак, согласно Постановлению «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности" и "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности»"» Верховный Суд России выступил с законодательной инициативой об изменении формулировки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 116 УК РФ, а также о внедрении нового состава частного обвинения, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ, с добавлением фразы *«совершенные лицом, подвергнутым административному наказанию за побои либо имеющим судимость за преступление, предусмотренное настоящей статьей или статьями 105, 106, 110-112, 115-117 настоящего Кодекса»* [5].

Очевидно, что в данном случае правоприменитель преследовал цель снижения числа осужденных за преступления небольшой тяжести, а также уменьшения нагрузки на мировых судей по находящимся в производстве делам указанной категории.

Согласно Федеральному закону № 323-ФЗ от 03.07.2016 состав преступления частного обвинения, предусмотренный ч. 1 ст. 116 УК РФ, был декриминализован. Вместо него появился состав ст. 116.1 УК РФ – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 настоящего кодекса, и не содержащих признаков состава преступления, предусмотренного ст. 116 настоящего кодекса, *лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние*. Также появился новый состав частного-публичного обвинения, а именно ст. 116 УК РФ – нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в ст. 115 настоящего кодекса, *в отношении близких лиц*, а равно из хулиганских побуждений, либо по

мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Помимо изложенного, в ч. 3 ст. 20 УПК РФ исключена фраза *«за исключением случаев, предусмотренных статьей 25 настоящего Кодекса»*. Таким образом, уголовное преследование за побои, *совершенные в отношении близких лиц*, начинается не иначе как по заявлению потерпевшего, его законного представителя, *но прекращению в связи с примирением потерпевшего с обвиняемым не подлежит*. Кроме того, такие дела отнесены законодателем к категории дел частного-публичного обвинения.

Представляется, что интерпретация ст. 116 УК РФ *о совершении преступления в отношении близкого родственника* не совсем вписывается в историю развития отечественного права, противоречит положениям международного законодательства, а также доктринальным позициям учёных. Кроме того, конструкция ч. 3 ст. 20 УПК РФ о запрете прекращения дела в связи с примирением нарушает право потерпевшего и обвиняемого (подсудимого) на разрешение дела без уголовно-правовых последствий, тем более в отношении близкого родственника.

Постараемся аргументировать своё утверждение следующим. Относительно исторических корней обратимся к Уставу уголовного судопроизводства. Анализируя нормы закона, а именно ст. 5 и 35 Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [11] и ст. 171 Уложения о наказаниях от 15 августа 1845 г. [17], можно сделать вывод, что под делами частного обвинения понимались дела, возбуждаемые не иначе как по заявлению потерпевшего *и подлежащие прекращению за примирением потерпевшего с виновным*. Дальнейшее упоминание об определении категории дел частного обвинения встречается в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, от 20 ноября 1864 г. Согласно ст. 18 данного нормативного акта проступки против чести и прав частных лиц, указанные в ст. 84, 103, 130-143 и 145-153, подлежат наказанию *«не иначе как по жалобе потерпевших обиду, вред или убытков, или же их супругов, родителей, опекунов и вообще тех, которые должны иметь попечение о них»*. Далее в ст. 19 отмечается, что кража, *мошенничество и присвоение чужого имущества между супругами, а также между родителями и детьми* подлежат наказанию не иначе как по жалобе потерпевшего убыток лица. Статьи 130-135 устанавливали уголовную ответственность за нанесение обиды, т.е. оскорбление; ст. 136 – за клевету; ст. 139 – за угрозу причинения насильственных действий;

ст. 140-141 – за угрозу убийством; ст. 142 – за самоуправство и нанесение побоев; ст. 143 – за отказ в доставлении нуждающимся родителям необходимых для жизни пособий.

Для сравнения обратимся к законодательству Республики Беларусь и Республики Казахстан, поскольку указанные страны являются нашими давними друзьями и близки нам по духу постсоветского законодательства.

В соответствии с ч. 2 ст. 26 УПК Республики Беларусь [13] к категории дел частного обвинения отнесены дела о таких преступлениях, как *умышленное причинение легкого телесного повреждения (ст. 153 УК РБ)*; разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 177 УК РБ); разглашение врачебной тайны (ч. 1 ст. 178 УК РБ); незаконные соби­рание либо распространение информации о частной жизни (ч. 1 ст. 179 УК РБ); клевета (ч. 1 ст. 188 УК РБ); оскорбление (ст. 189 УК РБ); нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан (ч. 1 ст. 202 УК РБ); нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений (ч. 1 ст. 203 УК РБ); *причинение имущественного ущерба без признаков хищения (ч. 1 ст. 216 УК РБ)*; *незаконное отчуждение вверенного имущества (ч. 1 ст. 217 УК РБ)*; нарушение правил безопасности движения и эксплуатации маломерных судов (ч. 1 ст. 316 УК РБ) и нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (ч. 1 ст. 317 УК РБ) [14].

УПК Республики Казахстан от 1 января 2015 г. значительно расширил количество уголовно наказуемых деяний, преследуемых в порядке частного обвинения [15]. Согласно ч. 2 ст. 32 УПК РК перечень дел частного обвинения включает в себя 14 составов, среди которых умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 108 УК РК); *побои (ст. 109 УК РК)*; истязание (ч. 1 ст. 110 УК РК); неосторожное причинение вреда здоровью (ч. 1 и 2 ст. 114 УК РК); понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст. 123 УК РК); клевета (ст. 130 УК РК); оскорбление (ст. 131 УК РК); нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите (ч. 1 и 2 ст. 147 УК РК); нарушение неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 149 УК РК); воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ч. 1 ст. 150 УК РК); нарушение авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 198 УК РК); нарушение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем (ч. 1 ст. 199 УК РК);

разглашение врачебной тайны (ч. 1 ст. 321 УК РК); нарушение трудового законодательства Республики Казахстан (ст. 12 УК РК) [16].

Относительно доктринальных позиций учёных хотелось бы обратить внимание на труды А.С. Дежнева, З.З. Талыневой, О.И. Андреевой. Так, А.С. Дежнев в своих исследованиях отмечает, что «в условиях охранительного правосудия обоснована потребность минимизации государственного вмешательства в те сферы общественной жизни человека, где конфликт может быть исчерпан на уровне нравственных правил и норм. При совершении несовершеннолетним преступления небольшой или средней тяжести *против собственности членов своей семьи*, предусмотренного главой 21 УК РФ, приоритетное значение должны иметь *диспозитивные* начала уголовного судопроизводства. *Определена необходимость отнесения данной категории преступлений к делам частного обвинения*» [2]. Согласно позиции З.З. Талыневой, «перечень противоправных деяний, преследуемых в порядке частного обвинения, закрепленный в ч. 2 ст. 20 УПК РФ, предлагается дополнить следующими преступлениями: клевета, содержащаяся в публичном выступлении или в средствах массовой информации; разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 155 УК РФ); *злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей (ст. 157 УК РФ)*» [12]. Согласно позиции О.И. Андреевой, «государство должно обеспечивать защиту общественных интересов при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи с примирением сторон. Это может быть обеспечено путем внесения в закон ряда правил, в числе которых должны быть установление *возможности освобождения* лица от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, по делам о преступлениях, *причинивших вред преимущественно частным интересам потерпевшего*» [1].

Обратим внимание на то, что позиция учёных относительно перечня дел частного обвинения, а также возможности освобождения лица от уголовной ответственности в связи с примирением по делам о преступлениях частного обвинения полностью сопоставима с историей развития отечественного права и зарубежным законодательством.

Таким образом, к категориям преступлений частного обвинения можно применить следующие признаки: небольшая общественная опасность; нарушение личных (частных) интересов, в т.ч. при совершении преступления в отношении родственников (неуплата алиментов, хищение имущества и т.д.), а также возможность урегулировать конфликт без уголовно-правовых последствий путём прими-

рения. Однако отечественный законодатель по данному пути не идет. Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ обозначил квалифицирующий признак *побоев «в отношении близких лиц»* и отнес указанный состав к категории дел частного-публичного обвинения, *не подлежащих прекращению в связи с примирением*.

В Рекомендации Комитета министров Совета Европы от 28 июня 1985 г. № R (85) 11 «Комитет министров – государствам-членам относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса» отмечается, что «уголовное правосудие должно выполнять основную функцию, а именно удовлетворять потребности и охранять интересы жертвы преступления» [10]. В данном случае редакция Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ не учла потребности потерпевшего о прекращении уголовного дела частного обвинения по ст. 116 УК РФ в связи с примирением.

Очевидно, что позиция Верховного Суда РФ об уменьшении числа осужденных за преступления частного обвинения не нашла своего воплощения в принятом законе по следующим мотивам.

Согласно статистическим данным число рассмотренных материалов по составам частного обвинения, поступивших из правоохранительных органов к мировым судьям, в 2014 г. составило 334 800, или 69,7% (в 2013 г. – 349 400, или 71,0%; в 2012 г. – 344 800, или 72,4%; в 2011 г. – 458 500, или 76,3%), в общей структуре материалов в порядке уголовного судопроизводства. Из них приняты к производству мировыми судьями в 2014 г. 13 400 материалов, или 4,0% (в 2013 г. – 15 600, или 4,5%; в 2012 г. – 19 200, или 5,6%; в 2011 г. – 35 000, или 30,4%), от общего числа заявлений этой категории. Число заявлений по составам частного обвинения, поступивших к мировым судьям непосредственно от граждан, в 2014 г. составило 65 600, или 13,7% (в 2013 г. – 71 200, или 14,5%; в 2012 г. – 75 100, или 15,8%; в 2011 г. – 90 800, или 15,1%), в структуре рассмотренных материалов. Из них приняты к производству мировыми судьями в 2014 г. 24 300 заявлений, или 37,1% (в 2013 г. – 26 500, или 37,2%; в 2012 г. – 27 900, или 37,2%; в 2011 г. – 35 300, или 38,9%), от общего числа рассмотренных заявлений этой категории [9].

Исходя из этого, можно установить, что ежегодно по составам частного обвинения в правоохранительные органы и в суд обращаются более 400 000 потерпевших, по заявлениям которых принимаются решения о возбуждении более 40 000 дел частного обвинения. Остальные 360 000 заявлений возвращаются обратно потерпевшим по различным основаниям, в т.ч. по причине несоответ-

ствия заявления частного обвинения требованиям ст. 318 УПК РФ.

Постараемся спрогнозировать, что остальные 360 000 заявлений частного обвинения очень просто могут оказаться делами частного-публичного обвинения, регламентированными ст. 116 УК РФ, поскольку данные деяния совершаются, как правило, *между родственниками на семейно-бытовой почве*. В данном случае регламент ст. 318 УПК РФ к делам частного-публичного обвинения не применим. Возбуждением уголовного дела по ст. 116 УК РФ займутся профессионалы-дознаватели, основной показатель работы которых – это дела, направленные в суд.

После возбуждения уголовного дела в частно-публичном порядке потерпевший в силу требований ч. 3 ст. 20 УПК РФ уже не сможет прекратить уголовное дело (уголовное преследование) в связи с примирением, что нацеливает правоприменителя, в частности суд, на вынесение приговора. Соответственно, прогнозируется рост числа осужденных по преступлениям, предусмотренным ст. 116 УК РФ, и увеличение нагрузки на мировых судей по находящимся в производстве уголовным делам указанной категории. Помимо изложенного, вынесение приговора в отношении родственника, совершившего преступление, предусмотренное ст. 116 УК РФ, будет являться, возможно, «клеимом» для потерпевшего относительно его же анкетных данных.

Реформируя материальное основание института частного обвинения (перечень преступлений частного обвинения), законодатель забывает реформировать процессуальное основание указанного института (порядок их рассмотрения судом) [3]. Обозначим два вопроса, которые, возможно, возникнут у правоприменителя при реализации изменений Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ.

Во-первых, встает вопрос относительно того, каким образом на этапе принятия заявления мировым судьей в порядке ч. 1 ст. 318 УПК РФ суд будет устанавливать *родственные отношения между* заявителем и потенциальным обвиняемым (подсудимым), а также обстоятельство того, что лицо, привлекаемое к уголовной ответственности в порядке ст. 116.1 УК РФ, *ранее подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние*. Ведь если привлекаемый за побои близкий родственник – это состав частного-публичного обвинения, предусмотренный ст. 116 УК РФ, соответственно, уже после принятия судом заявления к производству по ст. 116.1 УК РФ мировой судья должен отменить своё же постановление о принятии заявления к производству и направить материалы в орган дознания для решения вопроса о возбуждении уголовного дела частного-пу-

бличного обвинения по ст. 116 УК РФ. А если лицо ранее не подвергалось административному наказанию за аналогичное деяние и не является близким родственником, то после принятия заявления частного обвинения к производству в порядке ч. 1 ст. 318 УПК РФ суд должен вынести оправдательный приговор, поскольку в действиях подсудимого отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 116.1 УК РФ.

Во-вторых, возникает вопрос, зачем законодатель в ч. 2 ст. 20 УПК РФ внес дополнения относительно того, что «примирение допускается до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу». Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ данный вопрос уже был разрешен и очевидно, что обвинительный приговор мирового судьи по делу частного обвинения может быть отменен судом апелляционной инстанции, а дело прекращено в связи с примирением сторон [7].

Таким образом, позиция правоприменителя и законодателя в рассматриваемом вопросе не нашла поддержки. Думается, что уголовно-процессуальное право должно развиваться с учётом историче-

ских корней, положений международного законодательства, позиций учёных, анализа статистических данных, потребности общества при соблюдении баланса прав и обязанностей участников процесса.

Наряду с этим, по делам частного обвинения на законодательном уровне остаются неразрешенные проблемы: поводов к возбуждению дел частного обвинения при соотношении п. 3 ч. 1 ст. 145 УПК РФ и ч. 1 ст. 318 УПК РФ; оснований отказа в принятии заявления частного обвинения при регламентации ч. 1 ст. 318 УПК РФ со ст. 24 УПК РФ; пределов судебного разбирательства при изменении объёма частного обвинения в сторону ухудшения положения подсудимого; условий прекращения дел частного обвинения согласно основанию ч. 2 ст. 20 УПК РФ [4]. Не секрет, что ответы на данные вопросы лежат в исторических корнях отечественного российского уголовно-процессуального права, которыми уже воспользовался правоприменитель Республики Беларусь [6] и Республики Казахстан [8]. Законодатель данных стран не только расширил перечень дел частного обвинения, но и урегулировал спорные вопросы отправления правосудия по делам указанной категории, что, в свою очередь, отразилось на эффективности доступа потерпевшего к правосудию.

Литература

1. Андреева О.И. Концептуальные основы соотношения прав и обязанностей государства и личности в уголовном процессе Российской Федерации и их использование для правового регулирования деятельности по распоряжению предметом уголовного процесса: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2007.
2. Дежнев А.С. Охрана интересов семьи и несовершеннолетних в уголовном процессе России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2013.
3. Дорошков В.В. Материально-правовые и процессуальные аспекты частного обвинения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1997.
4. Корякин А.Л. Институт частного обвинения в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2016.
5. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проектов федеральных законов «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» и «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности"»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 июля 2015 г. № 37. URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=10240 (дата обращения: 10.07.2016).
6. О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2010 г. № 1 // Сов. Белоруссия. 2010. 1 июня.
7. О применении норм уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 // Российская газета. 2012. 7 дек.
8. О судебной практике по делам частного обвинения: нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2006 г. № 13 // Казахстанская Правда. 2007. 15 февр.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС, КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

9. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2014 году Судебного департамента при Верховном Суде РФ. М., 2015. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.07.2016).

10. Рекомендация № R (85)11 Комитет министров – государствам-членам относительно положения потерпевшего в рамках уголовного права и уголовного процесса: принята 28 июня 1985 г. на 387-м заседании заместителей министров // Российская юстиция. 1997. № 7. С. 6.

11. Судебные Уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть четвертая. СПб., 1867. С. 22-61.

12. Талынева З.З. Особенности уголовного производства по делам частного обвинения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2008.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 2006. № 111. 2/1242.

14. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 1999. № 76. 2/50.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231 (введен в действие с 01.01.2015) // Казахстанская Правда. 2014. 10 июля.

16. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 9 июля 2014 г. // Казахстанская Правда. 2014. 9 июля.

17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845. С. 57-58.

УДК 343.985

В.Н. Омелин, доктор юрид. наук, профессор

Научно-исследовательский институт ФСИН России

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

На основе анализа научной литературы формулируются предложения и рекомендации, направленные на внесение изменений и дополнений в действующий Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, оперативно-розыскные мероприятия, иные законные действия, основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий, содействие граждан органам, осуществляющим ОРД.

V.N. Omelin, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Scientific-Research Institute of the Federal Penal Correction FSIN
of Russia

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF LEGISLATIVE REGULATION OF OPERATIVELY-INVESTIGATIVE ACTIVITY

On the basis of scientific literature analysis the author formulates the proposals and recommendations regarding amendments and additions to the existing Federal Law of the Russian Federation of August 12, 1995 № 144-FZ «On Operatively-Investigative Activity».

Key words: operatively-investigative activity, operatively-investigative procedures, other lawful actions, grounds for carrying out of operatively-search procedures, assistance of the citizens to the bodies carrying out operatively-search activities.

В научной литературе рассматриваются два основных направления совершенствования законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности. *Первое направление* – путем внесения соответствующих изменений и дополнений в действующий Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД). *Второе направление* – путем принятия ФЗ об ОРД в новой редакции. Например, реализацией этой идеи является принятие Оперативно-розыскного кодекса [1].

Остановимся подробнее на первом направлении, которое нам представляется более перспективным.

1. Нужно уточнить законодательное понятие ОРД.

Как определяющая категория понятие ОРД должно объективно отражать существующую прак-

тику оперативно-розыскной работы, максимально охватывая все ее аспекты, и при этом искусственно не ограничивать сферу ОРД.

Из приведенной в ст. 1 ФЗ об ОРД дефиниции ОРД можно сделать вывод, что ОРД осуществляется посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Перечень этих ОРМ закреплен в ст. 6 ФЗ об ОРД. Приведенный перечень ОРМ может быть изменен или дополнен только федеральным законом. Вместе тем в тексте ФЗ об ОРД говорится о *действиях* органов, осуществляющих ОРД (например, ч. 3 ст. 5 ФЗ об ОРД).

Из сказанного можно сделать вывод, что ОРМ являются только одной из частей (элементов) ОРД и не исчерпывают всего содержания ОРД. К аналогичным выводам приходят и другие исследователи.

Отметим, что в некоторых законах об ОРД государств – участников Организации договора о кол-

лективной безопасности закреплены более точные, с нашей точки зрения, определения ОРД. Так, в законе об ОРД Республики Казахстан установлено, что оперативно-разыскная деятельность осуществляется посредством системы гласных и негласных *оперативно-разыскных, организационных и управленческих мероприятий*.

Учитывая многогранность оперативно-разыскной деятельности и в то же время узость определения, приведенного законодателем, полагаем целесообразным наряду с другими признаками указать, что оперативно-разыскная деятельность осуществляется посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий и *иных законных действий*.

Например, к «иным законным действиям» можно отнести действия, о которых говорится в тексте ФЗ об ОРД: создание и использование информационных систем (ст. 10 ФЗ об ОРД); ведение дел оперативного учета (ст. 10 ФЗ об ОРД); прерывание предоставления услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации (п. 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД); изъятие документов и (или) электронных носителей информации при проведении гласных ОРМ (п. 1 ч. 1 ст. 15 ФЗ об ОРД) и др.

С нашей точки зрения, оперативно-разыскные действия (действия органов, осуществляющих ОРД) – это предусмотренные законом ОРМ, а также организационные, управленческие и иные законные действия, обеспечивающие достижение целей и решение задач ОРД.

Другим спорным моментом является установленная законодателем цель ОРД. Поясним свою мысль подробнее.

ФЗ об ОРД предусматривает, что цель ОРД – защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств (ст. 1 ФЗ об ОРД).

Вместе с тем ФЗ об ОРД допускает проведение ОРМ в ходе так называемой административно-проверочной работы – об установлении или о поддержании с лицом отношений сотрудничества при подготовке и проведении оперативно-разыскных мероприятий; о допуске к сведениям, составляющим государственную тайну; о выдаче разрешений на частную детективную и охранную деятельность и др. (ч. 2 ст. 7 Закона РФ об ОРД). Важно подчеркнуть, что объектами ОРМ в данном случае не являются лица, подготавливающие, совершающие или совершившие преступления. Цель проводимых при этом (не всех, а ограниченного круга) ОРМ заклю-

чается в гипотетической возможности соответствующих лиц действовать вопреки государственным, служебным и профессиональным интересам, что предполагает повышенные требования к проверяемым лицам.

С учетом вышеизложенного законодательное определение ОРД, полагаем, целесообразно изложить в следующей редакции:

«Оперативно-разыскная деятельность – вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим законом в пределах их компетенции посредством проведения оперативно-разыскных мероприятий *и иных законных действий* в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств *и в иных, предусмотренных законом целях*».

2. В ФЗ об ОРД следует закрепить понятие ОРМ и расширить перечень ОРМ, перечисленных в ст. 6 ФЗ об ОРД.

В настоящее время в теории ОРД не существует четкого определения этого понятия. По вопросу его содержания имеются различные точки зрения.

Анализ современных подходов к определению понятия ОРМ позволяет выделить ряд существенных признаков ОРМ, которые могут быть положены в основу конструируемого понятия. К числу таких можно отнести следующие признаки:

1) правовой характер: правовую основу ОРМ составляет совокупность законодательных и подзаконных нормативных актов, в т.ч. межведомственных и ведомственных, которые регламентируют организацию и тактику проведения ОРМ;

2) разведывательно-поисковый характер ОРМ, что позволяет противопоставить их противоправной деятельности лиц, замышляющих, подготавливающих, совершающих или совершивших преступления и прибегающих к различным ухищрениям;

3) ОРМ в своей основе являются преимущественно негласными, осуществляются с применением специальных сил, средств и методов;

4) ОРМ проводятся уполномоченным на то субъектом (должностными лицами органов, осуществляющих ОРД; по поручению указанных лиц – лицами, оказывающими содействие оперативно-разыскным органам, а также специалистами, обладающими научными, техническими и иными специальными познаниями);

5) наличие достаточных оснований для проведения ОРМ, соблюдение необходимых условий при их проведении;

б) непосредственная направленность на выявление, фиксацию и проверку фактических данных и на решение иных задач оперативно-разыскной деятельности.

С учетом перечисленных отличительных признаков можно предложить следующее определение: ОРМ – это предусмотренные законом и подзаконными нормативными актами разведывательно-поисковые действия, проводимые уполномоченным субъектом преимущественно негласными средствами и методами при наличии определенных оснований и в соответствии с установленным порядком, направленные на получение, фиксацию и проверку сведений, предметов и документов как источников таких данных, значимых для выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, а также для решения иных задач оперативно-разыскной деятельности.

Касаясь вопроса о расширении перечня ОРМ, перечисленных в ст. 6 ФЗ об ОРД, следует отметить, что в настоящее время в законе закреплено 14 ОРМ.

Особого рассмотрения заслуживает вопрос об отнесении к самостоятельному ОРМ *переговоров с лицом, совершившим преступление*.

Аргументируя данное предложение, следует отметить, что в действующем законодательстве РФ ведение переговоров предусмотрено ст. 16 «Ведение переговоров в ходе контртеррористической операции» Федерального закона РФ от 6 марта 2006 г. «О противодействии терроризму». Согласно ст. 16 следует, что в целях сохранения жизни и здоровья людей возможно ведение переговоров лицами, специально уполномоченными на то руководителем контртеррористической операции. При ведении переговоров с террористами не должны рассматриваться выдвигаемые ими политические требования.

3. Необходимо предусмотреть основание для проведения оперативно-разыскных мероприятий поискового характера, направленных на выявление латентных преступлений.

Согласно пункту 1 ч. 2 ст. 7 ФЗ об ОРД одним из оснований для проведения ОРМ являются ставшие известными органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, сведения о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Эти сведения могут стать известными, в частности, из заявления о совершенном преступлении, анонимного заявления и др.

Вместе с тем одной из основных задач ОРД является выявление преступлений, включая ла-

тентные (скрытые) преступления, информация о которых, как правило, субъектам, осуществляющим ОРД, по официальным каналам не поступает. К таким преступлениям можно отнести наркопреступления, преступления экономической и коррупционной направленности и др. Данные преступления, как правило, выявляются путем проведения инициативных ОРМ разведывательно-поискового характера. Их цель как раз и состоит в обнаружении первичных сведений о таких преступных деяниях и о лицах, причастных к их совершению. Эти ОРМ также должны базироваться на соответствующей норме права.

Редакция соответствующей нормы может выглядеть примерно следующим образом: «необходимость получения информации в интересах выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия латентных преступлений». Такое предписание снимет имеющееся противоречие и нормативно закрепит практическую необходимость осуществления оперативно-разыскных мероприятий поискового характера, направленных на выявление латентных преступлений.

4. Следует внести изменения и дополнения в нормы, регулирующие вопросы содействия граждан органам, осуществляющим ОРД, разграничив лиц, конфиденциально сотрудничающих с оперативно-разыскными органами на контрактной основе, и лиц, конфиденциально им содействующих.

В ФЗ об ОРД закреплено право уполномоченных государственных органов при решении задач оперативно-разыскной деятельности устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения *сотрудничества* с лицами, изъявившими согласие оказывать *содействие* на конфиденциальной основе органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность. При этом законодателем предусмотрена соответствующая система социально-правовой защиты данных лиц, включая их пенсионное обеспечение (ст. 18 ФЗ об ОРД).

Анализ предписаний, содержащихся в ФЗ об ОРД, позволяет сделать вывод, что законодатель использует термины «содействие» и «сотрудничество» как синонимы.

Вместе с тем сравнительный анализ этимологии слов «содействие» и «сотрудничество» в русском языке показывает, что эти термины имеют разное содержание. Словарь русского языка С.И. Ожегова дает следующее определение: «содействие – помощь, поддержка в какой-либо деятельности», «сотрудничество – 1. Работать вместе, принимать участие в общем деле; 2. Быть сотрудником» [1, с. 645, 653].

Анализ приведенных выше определений и их осмысление с точки зрения теории и практики оперативно-разыскной деятельности позволяют сделать вывод, что отношения конфиденциального содействия и сотрудничества с оперативно-разыскными органами возникают и прекращаются при разных основаниях. Так, отношения конфиденциального сотрудничества возникают с момента подписания контракта уполномоченным лицом органа, осуществляющего ОРД, а прекращаются с момента его расторжения. Вопрос же о начале и прекращении отношений содействия без составления контракта остается открытым: с какого момента государство должно признать и обеспечить социально-правовую защиту правомерным действиям данных лиц?

Крайне важен вопрос о том, в каких случаях оперативные подразделения несут полноту ответственности за жизнь и здоровье содействующих лиц, а когда эта ответственность лежит на всем обществе и государстве. Представляется, что отсутствие ясности в данных вопросах тормозит законодательное развитие института социальной и правовой защиты граждан, содействующих органам, осуществляющим ОРД, в т.ч. на контрактной основе.

Таким образом, поскольку лица, сотрудничающие с оперативными службами по контракту, и иные лица, просто оказывающие им помощь на конфиденциальной основе, обладают несколько различным правовым статусом, а также во избежание терминологической путаницы следует рекомендовать в ст. 17 и 18 ФЗ об ОРД четко разграничивать понятия «конфиденциальное сотрудничество» и «конфиденциальное содействие».

С учетом обозначенной позиции рекомендуем закрепить в ст. 17 ФЗ об ОРД следующие определения конфиденциального содействия и конфиденциального сотрудничества:

«Конфиденциальное содействие граждан – это вид содействия, оказываемого лицом оперативно-разыскному подразделению при подготовке или проведении оперативно-разыскных мероприятий и иных законных действий, в ходе которых лицо требует (либо требуется) сохранения в тайне его участия».

«Конфиденциальное сотрудничество граждан – это вид содействия, оказываемого совершеннолетним дееспособным лицом оперативно-разыскному подразделению на контрактной основе в целях решения задач оперативно-разыскной деятельности».

5. Необходимо уточнить сроки хранения материалов, полученных в результате проведения ОРМ, в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, с учетом особенно-

стей оперативно-разыскного противодействия организованной преступности.

Согласно прямому указанию ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД «полученные в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий материалы в отношении лиц, виновность которых в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке, *хранятся один год*, а затем уничтожаются, *если служебные интересы или правосудие не требуют иного*. Фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, в отношении которых не было возбуждено уголовное дело, уничтожаются *в течение шести месяцев* с момента прекращения прослушивания, о чем составляется соответствующий протокол».

Полагаем, что в отдельных случаях фонограммы и другие материалы, полученные в результате прослушивания телефонных и иных переговоров лиц, также могут представлять оперативный интерес и после шести месяцев с момента прекращения прослушивания. Так, возможны ситуации, когда разрабатываемые лица через определенное время продолжают свою преступную деятельность.

На основании изложенного представляется целесообразным уточнить редакцию ч. 7 ст. 5 ФЗ об ОРД, указав, что «фонограммы... уничтожаются в течение шести месяцев... о чем составляется соответствующий протокол, *если служебные интересы не требуют иного*».

6. Следует уточнить порядок предоставления уполномоченным прокурорам сведений о лицах, внедренных в организованные преступные группы, о штатных негласных сотрудниках, а также о лицах, оказывающих содействие этим органам на конфиденциальной основе.

ФЗ об ОРД (ч. 3 ст. 21) предусматривает норму, согласно которой сведения о вышеуказанных лицах представляются прокурору только с их письменного согласия, за исключением случаев, требующих их привлечения к уголовной ответственности.

Если следовать законодательной формуле, закрепленной в ФЗ об ОРД, то сведения об указанных лицах представляются уполномоченному прокурору без их согласия во всех случаях привлечения перечисленных лиц к уголовной ответственности, вне зависимости от того, при каких обстоятельствах совершено преступление.

Такой подход представляется нам не вполне приемлемым, т.к. не соответствует требованиям конспирации и защиты сведений об органах, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность. Особенно это актуально, если указанные лица совершают преступления вне связи с выполне-

нием ими разведывательного задания в преступной среде (например, совершают неосторожное преступление, связанное с нарушением правил дорожного движения – ст. 264 УК РФ). Представляется, что при совершении таких и других подобных преступлений вряд ли есть необходимость представлять уполномоченному прокурору сведения о перечисленных лицах. Очевидно, что эти деяния не имеют прямого отношения к ОРД и выходят за рамки предмета прокурорского надзора за ОРД.

К изложенному следует добавить, что употребляемая в законах формулировка «сведения о лицах, внедренных в организованные преступные группы» не охватывает все объекты оперативного внедрения. Так, такими объектами могут быть преступные сообщества, экстремистские сообщества (организации), террористические организации и незаконные вооруженные формирования, предприятия, учреж-

дения и иные организации независимо от форм собственности, используемые для совершения преступлений и пр.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем следующую редакцию рассматриваемой нормы:

«Сведения о лицах, внедренных в организованные группы и другие объекты оперативной заинтересованности, штатных негласных сотрудниках органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, а также о лицах, оказывающих (оказывавших) содействие этим органам либо сотрудничающих (сотрудничавших) с ними на конфиденциальной основе, представляются соответствующим прокурорам только с письменного согласия перечисленных лиц за исключением случаев совершения ими преступлений, непосредственно связанных с их участием в оперативно-разыскной деятельности».

Литература

1. Луговик В.Ф., Лихарев В.В. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации: проект / под общ. ред. А.А. Агеева. М.: Проспект, 2015.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов / под ред. чл.-кор. АН СССР Н.Ю. Шведовой. 18 изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1987.

Гражданско-правовые отношения

УДК 351.743

И.Г. Бублик, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: bublik.ivan@mail.ru

ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ НАРОДНЫХ ДРУЖИН И ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

В статье рассматриваются проблемы правового регулирования создания и функционирования общественных объединений правоохранительной направленности. Толкованию подвергнут используемый законодателем термин «деловые качества члена народной дружины», предлагаются критерии для его определения. Приводится положительный опыт функционирования указанных общественных объединений в отдельных регионах Российской Федерации.

Ключевые слова: общественные организации, добровольные народные дружины, общественные объединения правоохранительной направленности, региональный реестр.

I.G. Bublik, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: bublik.ivan@mail.ru

ISSUES OF ESTABLISHMENT AND OPERATION OF PEOPLE'S GUARDS AND NONGOVERNMENTAL ORGANIZATIONS OF LAW ENFORCEMENT ORIENTATION

The article deals with the problems of legal regulation of the establishment and operation of nongovernmental organizations of law enforcement orientation. The term used by the legislator «business quality of people's guards» is interpreted; the author proposes criteria for its determining. The positive experience of functioning of these associations is given in certain regions of the Russian Federation.

Keywords: nongovernmental organizations, voluntary people's guards, nongovernmental organizations of law enforcement orientation, regional register.

Статьей 30 Конституции Российской Федерации предусматривается право граждан на объединение, закрепляется свобода деятельности общественных объединений, добровольность вхождения в них. Эта норма, безусловно, распространяется и на объединение граждан в правоохранительных целях: для поддержания общественного порядка, профилакци-

ки преступлений и административных правонарушений и т.д.

В апреле 2014 г. был принят Федеральный закон «Об участии граждан в охране общественного порядка» [1] (далее – ФЗ № 44), который определил правовые основы сотрудничества полиции, иных правоохранительных органов и населения.

С точки зрения своей организационно-правовой формы народные дружины являются общественной организацией, которая создается по инициативе граждан Российской Федерации, изъявивших желание участвовать в охране общественного порядка. Закон не подразумевает деятельность народных дружин в иных организационно-правовых формах, а ч. 9 ст. 12 ФЗ № 44 прямо запрещает создание народных дружин при политических партиях, религиозных объединениях, а также создание и деятельность политических партий и религиозных объединений в народных дружинах.

Регистрация общественной организации регулируется Федеральным законом от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» [2] (далее – закон об общественных объединениях), а также Федеральным законом от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [3].

В России органом, осуществляющим государственную регистрацию общественных организаций, является Министерство юстиции и его территориальные подразделения.

Одной из особенностей возникновения гражданско-правовой правоспособности таких образований является необходимость государственной регистрации – включения народной дружины в региональный реестр, без чего деятельность по охране общественного порядка не может осуществляться (п. 3 ст. 12 ФЗ № 44), что фактически свидетельствует о возникновении правоспособности с момента внесения дружины в региональный реестр.

В соответствии с ч. 1 ст. 12 ФЗ № 44 о создании народной дружины должны быть уведомлены территориальный орган Министерства внутренних дел РФ и органы местного самоуправления.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что законом прямо не запрещено создание более одной народной дружины на определенной представительным органом соответствующего муниципального образования территории. Если в каком-либо муниципальном образовании или районе, например, участились случаи нападения на граждан или имеются какие-то иные основания предполагать многочисленные ситуации нарушения общественного порядка, то возможно создание и регистрация нескольких народных дружин.

В отношении членов народной дружины следует указать на предъявляемые законом требования:

- 1) достижение 18-летнего возраста;
- 2) добровольность вступления и недопустимость принуждения;
- 3) деловые и личные качества, позволяющие осуществлять деятельность народного дружинника.

Ввиду оценочного характера последней категории следует указать на возможность затруднений практической реализации данной нормы. Действительно, закон не устанавливает, какие именно деловые качества должны присутствовать у члена народной дружины.

Термин «деловые качества» успешно применяется в трудовом законодательстве при регулировании вопросов подбора персонала, заключения и расторжения трудовых договоров (контрактов). Так, например, ст. 64 Трудового кодекса РФ запрещает ограничение трудовых прав, установление преимуществ по обстоятельствам, не связанным с деловыми качествами работников. Однако в трудовых правоотношениях набор деловых качеств, их содержание представляются более рельефными, поскольку они predeterminedены, во-первых, соответствующими квалификационными требованиями, предъявляемыми к данной конкретной должности, а во-вторых, содержанием должностной инструкции (должностного регламента), предлагаемой к ознакомлению под роспись работнику (сотруднику) после трудоустройства.

В силу изложенного деловые качества дружинника должны быть установлены исходя из способностей кандидата к участию в тех направлениях деятельности, где предполагается привлечение народных дружин (ст. 12 ФЗ № 44): содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка; участие в предупреждении и пресечении правонарушений на территории по месту создания народной дружины; участие в охране общественного порядка в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций; распространение правовых знаний; разъяснение норм поведения в общественных местах. Сказанное свидетельствует о необходимости индивидуального подхода к отбору кандидатур в народные дружинники с учетом возможности участия в указанных направлениях деятельности.

Участие в деятельности народной дружины не является единственно возможной формой реализации закрепленного в ст. 30 Конституции Российской Федерации права граждан на объединение. В соответствии со ст. 11 ФЗ № 44 граждане, достигшие возраста восемнадцати лет, вправе участвовать в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, создаваемых ими по месту жительства, нахождения собственности, работы или учебы *в форме органа общественной самодеятельности* без образования юридического лица.

В то же время ст. 11 ФЗ № 44 прямо закрепляет норму о возможности участия общественных объе-

динений правоохранительной направленности в охране общественного порядка по месту их создания только после внесения их в региональный реестр. Таким образом, момент возникновения полной правоспособности объединения отнесен законом не к моменту проведения, например, собрания жителей, членов трудовых коллективов, учащихся образовательных организаций и т.п., а к моменту внесения объединения в региональный реестр.

Также подчеркнем, что предусмотренная законом «Об общественных объединениях» процедура государственной регистрации (ст. 21) не распространяется на объединения правоохранительной направленности, поскольку ФЗ № 44 в ст. 11 устанавливает функционирование соответствующих органов общественной самодеятельности без образования юридического лица.

При подготовке настоящей статьи был исследован опыт Ивановской области, где по состоянию на май 2016 г. было зарегистрировано и внесено в реестр 19 народных дружин; 10 общественных объединений правоохранительной направленности, из которых 5 созданы в форме студенческих отрядов правопорядка. Общественные объединения правоохранительной направленности в указанном регионе создаются во взаимодействии с органами ТОС (территориальные общественные самоуправления)¹ и по их инициативе.

Так, например, в 2014 г. на базе ТОС «Поликор» на добровольной основе было создано общественное объединение «Поликоровец», куда в настоящий момент входят 12 участников. Объединение зарегистрировано в межмуниципальном отделе МВД России «Кинешемский» и включено в региональный реестр.

Среди используемых мер по вовлечению населения в общественные объединения правоохранительной направленности сотрудниками УОООП УМВД России по Ивановской области называется в том числе использование в этих целях ежеквартальных отчетов участковых уполномоченных перед населением. Эффект наблюдается вследствие того, что фактически каждый участковый в своем выступлении перед населением отдельно останавливается на вопросах участия граждан в указанных формированиях, рассказывает о существующем порядке их создания, поощрительных мерах, применяемых к членам объединений.

Также в числе выявленных мер обеспечения деятельности общественных объединений правоохранительной направленности применяются: предо-

ставление общественному объединению со стороны ТОС помещения, мебели, оргтехники, средств связи. Вручение свидетельства о внесении в реестр осуществляется в торжественной обстановке в администрации муниципального образования. Организовано широкое освещение деятельности указанных формирований в средствах массовой информации: освещение выходов в рейд, размещение информации на официальном сайте территориального органа внутренних дел и т.д.

Кроме того, в Самарской области существует опыт закрепления (в форме распоряжения) сотрудников территориальных органов за наиболее крупными предприятиями и организациями в целях активизации проводимых мероприятий по привлечению граждан к охране общественного порядка, проведения разъяснительной работы с руководителями таких предприятий, в т.ч. по вопросам создания на их территории общественных объединений правоохранительной направленности.

Практический интерес в сфере создания общественных объединений правоохранительной направленности может представлять и опыт ГУ МВД России по Самарской области, где заключено соглашение о сотрудничестве с Самарской региональной общественной организацией «Союз потребителей», на базе которой создан проект «Народный контроль». Проект объединил под своим началом студенческую молодежь 6 вузов и 3 колледжей региона, а также инициативных граждан общей численностью 156 человек в 9 муниципальных образованиях области.

В процессе противодействия алкоголизации населения Самарской области члены организации оказывают содействие сотрудникам полиции в выявлении и пресечении фактов реализации алкогольной продукции, в т.ч. несовершеннолетним, противоправных действий в сфере потребительских услуг, профилактики правонарушений.

По данным УОООП ГУ МВД России по Самарской области, за период 2015-2016 гг. с участием представителей проекта «Народный контроль» сотрудниками полиции проведено 834 проверки объектов торговли, осуществляющих реализацию алкогольной продукции, в ходе которых выявлено 1118 правонарушений, из незаконного оборота изъято 79 052 литров алкогольной продукции на сумму 12 983 323 рубля.

Также в Самаре реализуется проект «Ночной патруль», участниками которого являются представители как молодежных организаций, так и граждане, имеющие активную гражданскую позицию. Целями и задачами участников данного проекта являются содействие сотрудникам ГИБДД при над-

¹ Создание ТОС предусмотрено ст. 27 ФЗ от 6 апреля 2003 г. № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления».

зоре за дорожным движением, выявлении и фиксации противоправных действий в области дорожного движения, участие в предупреждении и пресечении нарушений Правил дорожного движения РФ и проведение профилактической работы.

Интересно, что обмен информацией между участниками объединения и сотрудниками ДПС ГИБДД осуществляется посредством телефонной связи (со старшим наряда ДПС) и через мобильное приложение «ZELLO». Пароль к защищенному каналу выдается при проведении инструктажа. Общая численность активистов проекта «Ночной патруль» насчитывает более 700 человек.

По инициативе ГУ МВД России по Самарской области подписаны соглашения о сотрудничестве с руководителями 11 крупнейших таксомоторных компаний, работающих на территории города Самара и других крупных городов области.

Водители, ставшие свидетелями преступления, правонарушения, обнаружившие автомобиль, находящийся в розыске, или помеху в дорожном движении, вызванную чрезвычайным происшествием природного или техногенного характера, сообщают об этом в режиме онлайн в дежурные части территориальных подразделений государственной инспекции безопасности дорожного движения.

От таксомоторных организаций в подразделение службы ГИБДД поступило 4650 сообщений от водителей, в т.ч. связанных с недостатками в содержании дорожной сети, из них 4584 подтверди-

лось, в т.ч. 251 факт управления транспортными средствами в состоянии опьянения. В отношении всех нарушителей правил дорожного движения приняты меры административного воздействия.

Далее предлагается алгоритм действий органов внутренних дел, заинтересованных в создании общественных объединений правоохранительной направленности на закрепленной территории:

1. Установить на закрепленной территории председателей ТОС, ТСЖ с активной жизненной позицией, способных по своим деловым качествам к созданию и управлению объединением, решению вопросов его материального обеспечения.

2. При отсутствии таковых необходима разъяснительная работа с указанием на очевидные результаты создания в ТОС объединения (снижение уровня преступности, спокойствие жителей, сохранность имущества, безопасность детей и т.п.). Как уже отмечалось, такая разъяснительная работа может быть проведена в рамках отчетов, осуществляемых участковыми уполномоченными перед населением.

3. Организовать помощь в подготовке документов, необходимых для регистрации: протокол общего собрания с решением о создании объединения и решением об избрании уполномоченного члена объединения; устав объединения¹.

4. Передать документы в территориальный орган внутренних дел, на территории обслуживания которого планируется создание объединения для дальнейшей регистрации и включения в реестр.

Литература

1. Об участии граждан в охране общественного порядка: федеральный закон от 02.04.2014 № 44-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 14. Ст. 536.

2. Об общественных объединениях: федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.

3. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей: федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 33 (ч. 1). Ст. 3431.

¹ При этом может быть использован типовой устав общественного объединения правоохранительной направленности.

УДК 347.5

П.Д. Портянова

аспирант Юридического института Южно-Уральского государственного университета
E-mail: ivapola@mail.ru

НАРУШЕНИЕ ПРИНЦИПОВ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КАК ПРИЧИНА ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ДИСКРЕТНОСТИ

Статья посвящена анализу одного из видов законодательной дискретности, заключающегося в несогласованности между принципами гражданско-правовой ответственности и нормами, регулирующими их применение. Сделан вывод о необходимости законодательного закрепления институциональных принципов гражданско-правовой ответственности, несмотря на их неабсолютный характер.

Ключевые слова: дискретность законодательства, виды дискретности, принципы гражданско-правовой ответственности.

P.D. Portyanova

postgraduate student of Law Institute of South Ural State University
E-mail: ivapola@mail.ru

VIOLETION OF THE PRINCIPLES OF CIVIL LIABILITY AS A CAUSE OF LEGISLATIVE DISCRETENESS

The article is devoted to analysis of one type of legislative discreteness, namely, the inconsistency between principles of civil liability and the rules governing their use. It is concluded that it is necessary to legalize the institutional principles of civil liability, despite of their non-absolute character.

Key words: discreteness of the legislation, types of discreteness, the principles of civil liability.

Законодательная дискретность – это ситуация, когда законодательству присуща прерывистость, выражающаяся в неоднородности закона-регулятора, а если расширять толкование определения, то и в неоднородности правового регулирования.

Указанное явление носит негативный характер, поэтому исследование причин дискретности и способов ее преодоления, безусловно, актуально.

В настоящей статье использован дедуктивный метод исследования, дискретность законодательства и способы борьбы с ней изучаются на примерах дискретности института гражданско-правовой ответственности.

Автором выделены следующие виды законодательной дискретности, присущие системе мер гражданско-правовой ответственности и механизмов их применения:

1) несогласованность между принципами гражданско-правовой ответственности и нормами, регулирующими применение конкретных мер гражданско-правовой ответственности;

2) несогласованность между механизмами применения различных мер гражданско-правовой ответственности;

3) несогласованность между институтом гражданско-правовой ответственности и иными институтами, отраслями российского законодательства;

4) несогласованность между конкретными случаями реализации права о гражданско-правовой ответственности судами – разночтения закона, неоднородность судебной практики.

Каждое из указанных проявлений, как и в целом законодательная дискретность, носит негативный характер, по возможности должно быть ликвидиро-

вано законодателем и минимизировано в процессе правоприменения.

Настоящая статья посвящена изучению первого из представленных видов законодательной дискретности института мер гражданско-правовой ответственности: несогласованности между принципами гражданско-правовой ответственности и нормами, регулирующими применение конкретных мер гражданско-правовой ответственности.

Выделим принципы института гражданско-правовой ответственности и, соответственно, определим, нарушение каких принципов может привести к дискретности законодательства о гражданско-правовой ответственности.

В общем смысле принципы гражданско-правовой ответственности являются основой и руководящими началами при реализации функций гражданско-правовой ответственности.

В цивилистической науке существуют различные точки зрения на перечень принципов гражданско-правовой ответственности и их содержание. Можно выделить как отраслевые, так и общеправовые принципы юридической ответственности в их проявлении в гражданских правоотношениях.

И.С. Самощенко и М.Х. Фарухшин [6, с. 223] относят к принципам гражданско-правовой ответственности: законность; справедливость; наличие вины правонарушителя; ответственность не за мысли лица, не за его биологические и социальные характеристики, не за родственные или иные связи, а только за поведение людей; целесообразность; неотвратимость наступления, быстроту применения меры ответственности.

В.А. Тархов [7, с. 284] выделяет следующие принципы гражданско-правовой ответственности: законность; неотвратимость; принцип сочетания личных и общественных интересов; принцип равноправия. Два последних автор относит к общим принципам гражданского права.

Б.Т. Базылев [1, с. 383] указывает на следующие принципы ответственности: законность; неотвратимость наступления; персонифицированность возложения ответственности; недопустимость двойной ответственности; регламентированность осуществления.

Существует мнение, что выделять принципы гражданско-правовой ответственности некорректно, т.к. это по своему содержанию принципы правовой ответственности по возмещению вреда. К сторонникам данной концепции относится, например, Витольд Варкалло [2, с. 76], который исключает из принципов гражданско-правовой ответственности принцип законности, формулируя следующие три: принцип реституции; принцип безусловной ответственности за умышленную вину; принцип отсутствия ответственности при действии непре-

одолимой силы, если иное не предусмотрено договором или законом.

О.С. Иоффе [3, с. 314], отождествляя гражданскую ответственность с ответственностью по возмещению вреда, называет три общих принципа: законность; полное возмещение вреда; ответственность за вину.

М.Н. Кулагин [4, с. 159] указывает, что во времена промышленного капитализма действовали два принципа: ответственность за вину и полное возмещение причиненного ущерба. Однако сегодня они устарели ввиду научно-технического прогресса и обобществления производства. Ученый полагает, что на современном этапе развития общества на первый план выходят принцип канализирования гражданской ответственности (введение квазиответственного, например, такого субъекта, как владелец источника повышенной опасности) и принцип ограничения максимального размера возмещения причиненных убытков. Данные принципы должны локализовать неблагоприятные последствия для лица, на которое налагается гражданско-правовая ответственность.

Видно, что, по мнению некоторых авторов, к принципам гражданско-правовой ответственности следует отнести принцип вины. Существует также точка зрения, что это принципиальное основание ответственности, а не принцип (Н.С. Малеин [5, с. 152]). Тем не менее представляется, что это не так, поскольку в достаточно широком круге правоотношений, регулируемых гражданским законодательством, вина не является основанием для привлечения к ответственности (речь идет о предпринимательских отношениях и алеаторных сделках).

Итак, из представленных точек зрения ученых можно сделать вывод о том, что институт гражданско-правовой ответственности содержит как общие принципы юридической ответственности, так и отраслевые.

К общим, на наш взгляд, следует отнести следующие: принцип законности; принцип справедливости; принцип целесообразности; принцип неотвратимости ответственности; принцип индивидуализации ответственности; недопустимость двойной ответственности.

К отраслевым принципам можно отнести: принцип равенства сторон; принцип полного возмещения убытков; принцип канализирования гражданской ответственности.

Именно нарушение указанных принципов является видом законодательной дискретности, рассматриваемой в настоящей статье.

Первым из примеров указанной дискретности является коллизия между принципами неотвратимости ответственности и равенства сторон и отсутствием законодательно закрепленного механизма

применения мер ответственности к некоторым категориям лиц.

Принцип равенства большинством ученых определяется как равенство всех лиц перед законом вне зависимости от их статуса, формы собственности, иных признаков и необходимость несения этими лицами ответственности на равных условиях.

В рамках института мер гражданско-правовой ответственности содержание принципа равенства расширяется и приобретает некоторые особенности. В частности, принцип равенства должен включать в себя презумпцию равной ответственности сторон сделки за аналогичные нарушения обязательств по отношению друг к другу, по крайней мере в случае, когда мера ответственности устанавливается не договором, а законом.

Иллюстрацией нарушения названного принципа является, в частности, наличие законодательно установленной меры ответственности за неисполнение денежного обязательства и отсутствие аналогичного механизма применения меры ответственности за нарушение неденежного обязательства.

Рассмотрим, к примеру, договор подряда.

Согласно п. 1 ст. 720 Гражданского кодекса РФ по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Исходя из определения, денежное обязательство возникает на стороне заказчика, а неденежное – на стороне подрядчика.

На первый взгляд, меры ответственности предусмотрены в случае нарушения и денежного, и неденежного обязательства.

Так, за просрочку оплаты со стороны заказчика подрядчик имеет право на взыскание процентов за пользование чужими денежными средствами согласно норме статьи 395 Гражданского кодекса РФ.

Если же просрочку допустил подрядчик, то согласно абзацу 2 п. 1 ст. 708 Гражданского кодекса РФ он также несет ответственность, если иное не установлено законом, иными правовыми актами или не предусмотрено договором. Однако фактически ни в каких иных нормах закона уточнений указанной меры ответственности нет.

При этом ст. 395 Гражданского кодекса РФ о законной неустойке не применима к неденежному обязательству. Указанное обстоятельство подтверждается в результате анализа ст. 395 Гражданского кодекса РФ и судебной практики Верховного Суда РФ по применению данной статьи.

Естественно, не имеется в виду ситуация, когда возможно взыскание неустойки в связи с указанием на нее в договоре подряда. Напротив, проблема возникает, когда в договоре стороны не согласовали

размер ответственности – неустойки за просрочку исполнения обязательства сторонами.

В результате заказчик имеет право взыскать с подрядчика, нарушившего обговоренные сроки работ, только убытки, но не законную неустойку.

При этом очевидно, что несение заказчиком убытков требует доказывания, в то время как для взыскания законной неустойки следует лишь заявить требование о взыскании и доказать просрочку.

На практике складывается следующая ситуация: если подрядчик просрочил исполнение на определенный срок, а заказчик просрочил на тот же срок оплату, то первый может взыскать со второго законную неустойку, а второй с первого – нет.

Отсутствие механизма применения такой меры ответственности, как законная неустойка к неденежному обязательству, нарушает не только принцип равенства, но и принцип неотвратимости ответственности, определяемый как обязательность наложения санкции на лицо, нарушившее законодательство. Поскольку при наличии факта нарушения обязательств и наличии оснований для применения меры ответственности к лицу, нарушившему обязательство, соответствующая мера ответственности в законодательстве отсутствует.

Мера «взыскание убытков» при этом не рассматривается, т.к. ее прямой причиной является причинение указанных убытков, а не просрочка исполнения. Сама же по себе просрочка не наказуема.

Еще одним примером дискретности, выраженной в несогласованности между принципами гражданско-правовой ответственности и нормами об их применении, является противоречие принципа полного возмещения убытков и фактического отказа судов общей юрисдикции от полного взыскания судебных расходов.

Дискретность заключается в том, что законодателем презюмируется защита имущественных прав граждан, право на компенсацию фактически понесенных расходов, возникших по вине второй стороны, в частности судебных расходов. Вместе с тем суды общей юрисдикции существенно снижают размер взыскиваемых расходов по сравнению с требуемым по ходатайству о взыскании судебных расходов.

Налицо нарушение судом принципа полного возмещения убытков, причиненных стороной, проигравшей в судебном споре. Нередкой является ситуация, когда предмет спора составляет меньшую денежную сумму, чем услуги адвоката (судебного представителя). В такой ситуации лицу проще попустительствовать мелким правонарушениям собственным бездействием, поскольку оно понимает, что вследствие удовлетворения его требования в суде (либо отказа в удовлетворении требований оппонента) он не сможет возместить большую часть судебных расходов за

счет проигравшей стороны, и, соответственно, прочие согласиться с оппонентом – расходы меньше.

Значимым является также тот факт, что подобная дискретность характерна именно для правоприменения в системе судов общей юрисдикции. В арбитражных судах судебные расходы, как правило, взыскиваются в полном объеме доказанной их части.

Подобная дифференциация является уже следующим примером рассматриваемого вида дискретности законодательства, поскольку нарушает общеправовой принцип равенства всех перед законом и судом, ставит в более выгодное положение лиц – участников экономических споров.

Можно привести и иные примеры подобной дискретности. Во всех случаях очевиден негативный характер подобного противоречия принципам права.

Поэтому целесообразным является оценка вводимых мер гражданско-правовой ответственности и законодательных норм, регулирующих ее применение, согласно принципам института гражданско-правовой ответственности, которые также должны быть закреплены законодательно. В таком случае целый ряд проблем удастся нивелировать. Причем не только при законотворчестве, но и при правоприменении.

Безусловно, не следует забывать о том, что любой способ борьбы с негативными явлениями, в т.ч. дискретностью, не должен строиться на презумпции его абсолютности.

Таким образом, следует учитывать, что хотя недопущение дискретности возможно за счет создания норм права, не противоречащих принципам права, указанный способ должен применяться разумно, с учетом всех обстоятельств, поскольку абсолютное соответствие норм и принципов объективно не всегда возможно ввиду противоречия самих принципов друг другу.

При применении мер гражданско-правовой ответственности видно, что некоторые из принципов гражданско-правовой ответственности нарушаются, однако эти нарушения объективно обоснованы.

Например, исходя из принципа свободы договора, стороны могут определить любой размер

неустойки за ненадлежащее исполнение обязательства. Исходя из принципа неотвратимости ответственности, лицо, исполнившее обязательство ненадлежащим образом, обязано выплатить договорную неустойку. Однако на практике, если размер неустойки чрезмерно высок, суд снижает его на основании нормы, обеспечивающей принципы справедливости и правовой целесообразности (в части минимизации правовой ответственности).

Также возможно противоречие такого институционального принципа гражданско-правовой ответственности, как принцип равенства сторон, и принципа добросовестности (недопущения злоупотребления правом), являющегося общим, при отказе стороне в праве на защиту (например, за счет применения правила эстоппель).

Еще одним примером противоречия является возможность фактического нарушения принципа о недопустимости привлечения к двойной ответственности при привлечении к ответственности недобросовестного продавца/подрядчика по потребительскому договору ввиду соблюдения принципа целесообразности.

Иллюстраций проявления противоречий принципов гражданско-правовой ответственности друг другу можно было бы привести и больше. Что подтверждает невозможность создания норм права, соответствующих принципам права полностью. Однако это нормальная ситуация. Любой принцип не может быть абсолютен, также как не может быть абсолютной свобода. У принципов права есть ограничитель, и он стоит там, где начинается другой принцип.

Несмотря на невозможность абсолютной реализации принципов права в законодательстве, полагаем, системный подход к законотворчеству предполагает утверждение в первую очередь перечня принципов для каждого института права, на основании которых должны формироваться нормы соответствующего института права. Исключения же, описанные выше, должны восприниматься как неизбежное зло и естественная дискретность, каждый подобный случай должен тщательно анализироваться, прежде чем найти закрепление в законодательстве.

Литература

1. Базылев Б.Т. Юридическая ответственность. Красноярск: Изд-во Красноярского университета, 1985. 686 с.
2. Варкалло В. Ответственность по гражданскому праву: возмещение вреда – функции, виды, границы / пер. с польск. В.В. Залесского; под ред. и с вступ. ст. С.Н. Братуся. М.: Прогресс, 1978. 328 с.
3. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
4. Кулагин М.И. Избранные труды. М.: Статут, 2006. 802 с.
5. Малеин Н.С. Правонарушение: Понятие, причины, ответственность. М.: Юрид. лит., 1985. 193 с.
6. Самошенко К.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юридическая литература, 1971. 438 с.
7. Тархов В.А. Гражданское право. Общая часть: курс лекций. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1997. 331 с.

УДК 346.22

Д.В. Пятков, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: pitkov@yandex.ru

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ И ИНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ

Предпринята попытка ответить на вопрос, могут ли публично-правовые образования осуществлять предпринимательскую деятельность. Сделан вывод о том, что гражданское законодательство не запрещает публично-правовым образованиям непосредственно осуществлять предпринимательскую деятельность, но решение данного вопроса находится в антимонопольном законодательстве, которое налагает существенные ограничения на деятельность публично-правовых образований.

Ключевые слова: экономическая деятельность, предпринимательская деятельность, публично-правовые образования, договор, государственное и муниципальное имущество, приватизация.

D.V. Pyatkov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Altai State University
E-mail: pitkov@yandex.ru

BUSINESS AND OTHER ECONOMIC ACTIVITY OF PUBLIC AND LEGAL FORMATIONS

The author of the article makes an attempt to answer the question if public and legal formations can realize directly business activity. The conclusion is civil legislature does not prohibit public and legal formations directly realizes business activity, but the decision of the given problem is in the sphere of antimonopoly legislature that imposes some restrictions on the public and legal formation activity.

Key words: economic activity, business activity, public and legal formations, agreement, state and municipal property, privatization.

Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования (далее – публично-правовые образования) признаются субъектами гражданского права. Согласно ст. 124 Гражданского кодекса Российской Федерации [16] (далее – ГК РФ) публично-правовые образования участвуют в отношениях, регулируемых гражданским законодательством, на равных началах с другими лицами. Одним из видов таких отношений является предпринимательская деятельность. Значит ли это, что публично-правовые образования являются субъектами предпринимательской деятельности? Способны ли они к непосредственному, т.е. через свои органы, осуществлению предпринимательской деятельности?

Сомнения происходят от того, что различные виды субъектов гражданского права в различной мере правоспособны по отношению к предпринимательству, а некоторым из них вообще запрещено быть предпринимателями. Поэтому, признавая публично-правовые образования субъектами гражданского права, мы не предпрещаем вопрос об их праве заниматься предпринимательской деятельностью. Вопрос этот в юридической литературе исследован мало. В учебниках по предпринимательскому праву иногда в качестве предпринимателей рассматриваются только граждане и юридические лица. Считается, что публично-правовые образования в принципе не могут быть предпринимателями, их право-

субъектность не позволяет им выступать в таком качестве [1, с. 140-142; 7, с. 104-107; 11, с. 129-132; 14, с. 131-134]. Некоторые авторы в своих высказываниях в принципе допускают непосредственную предпринимательскую деятельность публично-правовых образований, но подробно на этом вопросе они почти никогда не останавливаются [2, с. 13-20; 6, с. 270-275; 9, с. 40].

Словосочетания «Российская Федерация как предприниматель» или «предпринимательская деятельность субъекта Российской Федерации» кажутся неуместными в современной юриспруденции. Между тем сочетание слов «государство как купец» не только использовалось в литературе начала XX в., но даже включалось в заголовки соответствующих разделов учебников. Это обсуждали, об этом спорили, но считали вполне уместной саму постановку вопроса о государстве как купце. Г.Ф. Шершеневич в этой связи писал так: «Относительно юридических лиц возникает вопрос, может ли быть присвоено качество купца тем из них, которые носят публичный характер, как общины, государство» [21, с. 149-150]. Сам Г.Ф. Шершеневич не считал нужным признавать государство купцом, но из его высказываний следует, что немалое число специалистов того времени допускали купеческий статус государства применительно к железнодорожному, почтовому или питейному делу.

В настоящее время можно заметить нарастающий дуализм в гражданско-правовом регулировании общественных отношений. К давно существующим правилам, рассчитанным исключительно на предпринимателей, добавляются новые нормы, усиливающие специфику правового режима предпринимательской деятельности. Поэтому, признавая публично-правовые образования субъектами гражданского права, допуская их непосредственное участие в гражданских правоотношениях, следует ответить на вопрос: могут ли применяться к ним в соответствующих случаях гражданско-правовые нормы о предпринимателях или их деятельность всегда подчиняется специальным правилам, рассчитанным на бытовые отношения. От ответа на этот вопрос зависит, в частности: право сторон предусматривать в договорах возможность одностороннего отказа от обязательств или одностороннего их изменения (ст. 310 ГК РФ); право должника исполнять обязательство досрочно (ст. 315 ГК РФ); действительность условия договора о начислении процентов на проценты (ст. 317.1 ГК РФ); применение специальных правил об уменьшении неустойки (ст. 333 ГК РФ); выбор между виновной и безвиновной ответственностью за нарушение обязательств (ст. 401 ГК РФ). Перечень примеров, свидетельству-

ющих о том, что вопрос здесь поставлен отнюдь не праздный, мог бы оказаться весьма обширным. Но и приведенных норм достаточно, чтобы отнестись к нему со всей серьезностью.

На публично-правовые образования распространено действие норм о юридических лицах (ст. 124 ГК РФ). Подразумеваются общие положения о юридических лицах и специальные нормы о некоммерческих организациях, поскольку извлечение прибыли не может быть признано основной целью существования публично-правовых образований. За редким исключением некоммерческие организации вправе осуществлять предпринимательскую деятельность как разновидность приносящей доход деятельности при условии, что эта деятельность служит достижению целей их создания и соответствует этим целям (п. 4 ст. 50 ГК РФ). Таким образом, можно предположить, что гражданская правосубъектность публично-правовых образований не исключает их участие в правоотношениях в качестве предпринимателей: они способны к занятию предпринимательской деятельностью, т.е. самостоятельной, осуществляемой на свой риск деятельностью, направленной на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Но этот взгляд исключительно с гражданско-правовых позиций приходится существенно корректировать ввиду ограничительного воздействия со стороны публичного права на любую экономическую деятельность. Так, согласно п. 3 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» [19] запрещается совмещение функций органов власти и функций хозяйствующих субъектов. Эта же норма содержалась и в п. 3 ст. 7 Закона РСФСР от 22 марта 1991 г. № 948-1 «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» [3, 4, 13, 15]. В Определении Конституционного Суда Российской Федерации от 1 октября 1998 г. № 168-О по запросу администрации Московской области данная норма приводится в качестве примера развития в текущем законодательстве конституционного положения (ч. 1 ст. 34 Конституции РФ) о невозможности совмещения властной деятельности в сфере государственного и муниципального управления и предпринимательской деятельности [5, с. 6]. Все же законодательство о конкуренции не исключает в полной мере возможности предпринимательской деятельности публичных образований. Дело в том, что п. 3 ст. 15 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» завершается словами: «за исключением случаев, установленных федеральными законами, указами Пре-

зидента Российской Федерации, постановлениями Правительства Российской Федерации».

Выступают ли на практике публично-правовые образования в качестве предпринимателей? Каким образом публично-правовые образования реализуют свои очень ограниченные правовые возможности в сфере предпринимательства? Обычно в российской практике публично-правовые образования для осуществления предпринимательской деятельности создают юридические лица в различных организационно-правовых формах. В отдельных случаях имущество, которое могло бы использоваться в качестве основы для предпринимательской деятельности самого публично-правового образования, передается в доверительное управление. В качестве предпринимателей будут выступать соответственно созданные юридические лица, доверительные управляющие. В связи с этим представляет интерес предпринимательская деятельность публично-правовых образований за рубежом. Например, в Италии долгое время (до реформы государственного управления и приватизации в 90-х гг. XX в.) в таких областях, как государственные железные дороги, почта, телеграф, национальные автострасы и др., действовали государственные предприятия, не имеющие статуса юридического лица. Их бюджет утверждался в рамках государственного бюджета. Во главе таких предприятий стояли соответствующие министры [20, с. 152]. На основе этого описания отношений по управлению публичным имуществом с большой долей уверенности можно утверждать, что в таких случаях Италия непосредственно как публично-правовое образование осуществляла предпринимательскую деятельность в перечисленных сферах экономики. В Германии на уровне коммун большинство созданных предприятий не обладает статусом юридического лица. Для федерального центра и федеральных земель такая ситуация допустима, но является исключением [10, с. 130-131]. Если предприятие не обладает статусом юридического лица и принадлежит коммуне, федеральной земле или федеральному центру, очень вероятно, что субъектами соответствующей предпринимательской деятельности являются непосредственно коммуна, федеральная земля или федеральный центр.

Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования также занимаются предпринимательской деятельностью. Пожалуй, наиболее ярким примером предпринимательства этих лиц является передача в аренду казенного государственного и муниципального имущества (земельные участки, здания и сооружения, помещения и т.д.). В таких случаях публично-правовые образования

непосредственно (например, через свои уполномоченные органы по управлению имуществом) выступают в качестве арендодателей. Вот как может начинаться преамбула соответствующего договора аренды, написанная лучшим образом с точки зрения юридической техники (формулировка слегка изменена по сравнению с оригиналом): «Российская Федерация в лице руководителя территориального управления федерального агентства по управлению государственным имуществом в Алтайском крае..., именуемая в дальнейшем “Арендодатель”...». А вот пример менее удачной формулировки в похожей ситуации: «Администрация Ребрихинского района Алтайского края..., именуемая в дальнейшем “Арендодатель”, в лице главы района...». Во втором случае, очевидно, на первое место следовало бы поставить сам муниципальный район как субъект права, а не его орган. Такая деятельность публично-правовых образований соответствует понятию предпринимательства:

- самостоятельная деятельность. Публично-правовые образования признаются субъектами гражданского права, их самостоятельность презюмируется (п. 1 ст. 2 ГК РФ);

- связана с риском. Собственник всегда рискует, передавая свое имущество во владение и пользование другому лицу: вещь может быть повреждена, уничтожена, могут возникнуть проблемы с ее возвратом и пр. Кроме того, существует риск неполучения платы за пользование имуществом вследствие банкротства арендатора или по другим причинам;

- направлена на систематическое извлечение прибыли. Доходы от аренды государственного и муниципального имущества рассматриваются как один из плановых источников пополнения соответствующего бюджета;

- осуществляется на профессиональной основе. В органах по управлению публичным имуществом существуют даже специальные отделы аренды с необходимым материальным обеспечением их деятельности, постоянно осуществляется контроль за использованием переданного в аренду имущества, имеют место иные формы работы с действительными и потенциальными арендаторами. Профессионализм не всеми специалистами рассматривается в качестве признака предпринимательской деятельности. То же самое касается и государственной регистрации, которую некоторые авторы склонны считать условием осуществления предпринимательской деятельности, нежели признаком [2, с. 1-3]. Говорить о государственной регистрации как условии применительно к публично-правовым образованиям не приходится, хотя бы потому, что они ей не подлежат в обычном для других лиц порядке.

Есть основания ставить вопрос о предпринимательском характере деятельности публично-правовых образований в сфере пользования природными ресурсами, например при предоставлении недр для добычи полезных ископаемых. При всей специфике правового регулирования этих отношений, можно обнаружить договорные элементы в отношениях недропользования [12]. Без каких-либо сомнений договор следует рассматривать в качестве основания возникновения отношений недропользования по Федеральному закону от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» [17]. Правовая природа договоров в этой сфере требует специального анализа, но применение к соответствующим отношениям гражданско-правовых норм не исключается даже Федеральным законом от 30 декабря 1995 г. № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции».

Мы не настаиваем на том, что отношения в сфере платного использования природных ресурсов в той мере, в какой к ним применимо гражданское законодательство, должны регулироваться так же, как и любая иная предпринимательская деятельность. Но в самом общем плане заметно, что это пример предоставления одним лицом другим лицам своего имущества за плату. Это профессионально осуществляемая деятельность, направленная на систематическое получение дохода. Это самостоятельная деятельность, которая сопряжена с определенным риском для собственника природных ресурсов.

От предпринимательской деятельности публично-правовых образований следует отличать иные виды их экономической деятельности. В некоторых случаях публично-правовое образование, осуществляя такую экономическую деятельность, может получать доход. Примером экономической, но не предпринимательской деятельности является приватизация государственного и муниципального имущества. В самом общем плане приватизация рассматривается как один из методов государственного регулирования экономики [7, с. 502]. Это в полной мере относится и к такому способу приватизации, как создание акционерных обществ с участием публично-правовых образований.

В некоторых случаях приватизация является вынужденной деятельностью для публично-правового образования в силу нормативных предписаний. Так, например, в соответствии с п. 5 ст. 50 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [18] в случаях возникновения у муниципальных образований права собствен-

ности на имущество, не предназначенное для осуществления определенных законом функций и не относящееся к видам имущества, перечисленным в законе, это имущество подлежит реперофилированию или отчуждению. Принудительный характер особенно сильно отличает такую приватизацию от предпринимательства.

Все же надо заметить, что оценка приватизации как вида экономической деятельности (предпринимательство или нет) осложнена тем обстоятельством, что в кризисные времена приватизацию начинают обсуждать как источник планируемых бюджетных доходов [8]. По-видимому, следует дифференцированно подходить к оценке приватизации, допуская, что по отдельным направлениям приватизационные процессы могут протекать в режиме предпринимательской деятельности публично-правовых образований. Если же взгляд на предпринимательство вовсе изменится, внимание ученых и законодателя сместится с ее прибыльности на профессионализм субъектов – что обсуждать здесь не представляется возможным, квалификация приватизации как вида предпринимательской деятельности публично-правовых образований станет особенно справедливой.

Подвести итог исследованию экономической деятельности публично-правовых образований можно таким образом:

- с юридической точки зрения публично-правовые образования являются лицами, наименее способными к предпринимательской деятельности;
- как правило, вместо публично-правовых образований предпринимательскую деятельность осуществляют от своего имени созданные ими акционерные общества или унитарные предприятия;
- правосубъектность публично-правовых образований позволяет им непосредственно осуществлять предпринимательскую деятельность в порядке исключения только в случае прямого дозволения со стороны законодателя. Даже некоммерческие организации чувствуют себя свободней в качестве предпринимателей: они вправе осуществлять предпринимательскую деятельность постольку, поскольку это соответствует целям их создания и служит достижению этих целей;
- примеров прямого законодательного дозволения публично-правовым образованиям осуществлять предпринимательскую деятельность от своего имени немного, это не характерно для нашего права. Но существуют правоотношения, которые сложно оценить с уверенностью и однозначно как связанные или не связанные с предпринимательской деятельностью их субъектов. Добиваясь ясно-

сти в этих вопросах, можно существенно увеличить количество примеров непосредственной предпринимательской деятельности публично-правовых образований, т.е. такой деятельности, которую публично-правовые образования осуществляют через свои органы.

Литература

1. Белых В.С. Правовое регулирование предпринимательской деятельности в России: монография. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 432 с.
2. Беляева О.А. Предпринимательское право: учебное пособие / под ред. В.Б. Ляндреса. 2-е изд., исправ. и доп. М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2009. 352 с.
3. Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.
4. Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 32. Ст. 1882; № 34. Ст. 1966.
5. Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1999. № 1.
6. Жилинский С.Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): учебник для вузов. 3-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2001. 672 с.
7. Коммерческое право: учебник: в 2 ч. / под ред. В.Ф. Попондопуло, В.Ф. Яковлевой. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2002. Ч. 1. 622 с.
8. Куликов С. Банки отложат на потом. URL: <https://rg.ru/2016/05/29/v-plan-privatizacii-dobavili-bashneft.html>.
9. Лаптев В.В. Предпринимательское право: понятие, субъекты. М.: Юристъ, 1997. 140 с.
10. Лешлер Г. Критерии, сферы и формы государственной экономической деятельности на уровне федерального центра и федеральных земель в Германии // Участие государства в коммерческой деятельности. М.: Юристъ, 2001. С. 129-134.
11. Предпринимательское право Российской Федерации / отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лахно. М.: Юристъ, 2003. 1001 с.
12. Пятков Д.В. Акты государственных органов и органов местного самоуправления как основание возникновения гражданских правоотношений // Государство и право. 2004. № 8. С. 50-56.
13. Российская газета. 2002. 26 марта. 12 окт.
14. Российское предпринимательское право: учебник / Д.Г. Алексева, Л.В. Андреева, В.К. Андреев и др.; отв. ред. И.В. Ершова, Г.Д. Отнюкова. М.: Проспект, 2010. 1072 с.
15. Собрание законодательства РФ. 1995. № 22. Ст. 1977; 1998. № 19. Ст. 2066; 2000. № 2. Ст. 124; 2002. № 1 (Ч. 1). Ст. 2.
16. Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2015. № 10. Ст. 1412.
17. Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 18.
18. Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. 3822.
19. Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3434.
20. Трави А. Участие государства в коммерческой деятельности предприятий // Участие государства в коммерческой деятельности. М.: Юристъ, 2001. С. 152-154.
21. Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права. Т. I: Введение. Торговые деятели. М.: Статут, 2003. 480 с.

УДК 347.51:347.447

Е.А. Рыбалка, доктор филос. наук, профессор

Ростовский юридический институт МВД России

ПРИМЕНЕНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ НАЛИЧИИ ИЛИ ОТСУТСТВИИ ВИНЫ

В статье рассматривается проблема выделения в институте гражданско-правовой ответственности различных форм вины, соотношения гражданско-правового правонарушения с обстоятельствами непреодолимой силы и пр.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, вина, вред, грубая неосторожность, освобождение от ответственности

*E.A. Ribalka, PhD. (Doctor of Philosophical Sciences), professor
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*

APPLICATION OF CIVIL LIABILITY WITH OR WITHOUT FAULT

The article considers the problem of selection at the institute of civil liability of various forms of guilt, the ratio of civil offenses with force majeure.

Key words: civil liability, fault, damage, negligence, indemnification.

Институт ответственности вызывает устойчивый интерес у ученых теории государства и права, цивилистов и представителей других отраслей права. Существенный вклад в развитие данного института был внесен советскими учеными [1, 7].

Наиболее полный анализ сложившихся в юридической науке точек зрения по проблемам данного института сделан А.Б. Бабаевым и В.А. Беловым [3, с. 895].

Предметом настоящего исследования является одно из оснований гражданско-правовой ответственности – вина. Определение вины и ее место в субъективной стороне гражданских правонарушений являются наиболее дискуссионными в юридической литературе и в настоящий период.

«Объективистский» и «психологический» подходы являются наиболее значимыми и сформировавшимися в юридической науке. Подробный анализ сформировавшихся взглядов на субъективную сторону гражданских правонарушений сделан О.С. Иоффе [6, с. 460-506].

Как известно, гражданское право индифферентно к формам умысла, но при неосторожности

в гражданском праве выделяется грубая неосторожность. При этом при рассмотрении форм вины в уголовном праве под неосторожной виной понимается вина субъекта, когда он не предвидит наступление неблагоприятных последствий, хотя может и должен предвидеть (небрежность) или предвидит их наступление, но надеется своими силами их предотвратить (легкомысленно или самонадеянно).

Вина в гражданском праве связывается с волевым и интеллектуальными моментами психики. Однако для защиты субъективных гражданских прав достаточно определить внешнюю сторону поведения субъекта в правонарушении. При этом глубина вины (прямой умысел или неосторожность) для применения гражданско-правовой ответственности значения не имеет. Для правоприменителя важно установить наличие вины, т.к. если отношения между субъектами находятся за рамками вины, то они не могут рассматриваться как правонарушения, а будут обозначаться термином «случай».

Именно виновное поведение правонарушителя, т.е. его действия или бездействие, интересует правоприменителя. Интеллектуальные моменты психики,

волевые элементы субъекта правонарушения являются внутренними элементами вины. Например, в сделках наличие желания лица вступить в сделку без волеизъявления безразлично гражданскому обороту. Только при наличии волеизъявления можно говорить о возникновении правоотношения, в котором сформулированная воля в форме волеизъявления может представлять интерес как содержание такого волеизъявления, а в конечном итоге сделки. Именно проявления интеллектуального и волевого элементов психики правонарушителя могут свидетельствовать о наличии или отсутствии вины. «Критерий определения виновности не перестает быть объективным» [3, с. 884].

В связи с изложенным представляется необоснованной критика позиции В.В. Витрянского, который рассматривает закрепленные в гражданском законодательстве умышленную или неосторожную форму вины как упречные варианты поведения правонарушителя и исходит из того, что внутренняя установка (психическое отношение) к этому поведению не имеет никакого юридического значения. Ссылка противников данной точки зрения на то, что Гражданским кодексом РФ внутренняя установка субъекта признается юридически значимой и, кроме того, выступает квалифицирующим элементом субъективной стороны гражданских правонарушений (статья 10 кодекса, в соответствии с которой гражданским правонарушением признаются такие действия граждан и юридических лиц, которые осуществляются исключительно с «намерением» причинить вред другому лицу, а также в «целях» ограничения конкуренции и злоупотребления доминирующим положением на рынке; статья 169 кодекса, в соответствии с которой правонарушением можно признать лишь только действие, которое состоит в совершении сделки «с целью», противоправной основам правопорядка и нравственности; статья 179 кодекса, в соответствии с которой сделки, совершенные под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств, могут признаваться недействительными) в связи с тем, что субъектами совершаются правонарушения, в основе которых лежат «злое намерение, злой умысел» [4, с. 572], представляется не беспорной.

«Намерения», «цели», «злое намерение, злой умысел» – это внутренние составляющие вины, т.к. во всех данных нормах речь идет об определенных действиях, которые и должны выступать в качестве объективного критерия определения виновности.

Учитывая, что в гражданском праве к правонарушителю может применяться в отдельных случаях,

специально указанных в законе, гражданско-правовая ответственность и без вины, представляется целесообразным проанализировать данные положения.

Статья 401 ГК РФ устанавливает, что ответственность независимо от вины (объективная ответственность) устанавливается для предпринимателей, изготовителя и продавца товара, исполнителя работы перед потребителем. Она основана на критерии неосторожности и соответствует обязанности соблюдать наивысшую заботливость. Такой вывод следует из того, что наличие вины лица определяется исходя из той степени заботливости и осмотрительности, которая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота [2]. Независимо от вины причинителя подлежит возмещению вред, причиненный гражданину незаконными действиями правоохранительных органов, и вред, причиненный лицу деятельностью, которая создает повышенную опасность для окружающих (источником повышенной опасности).

Установление данной нормы связано с характером тех особых видов деятельности, которыми они занимаются и которые, безусловно, требуют повышенной внимательности и осмотрительности. Если деятельность участников гражданского оборота соответствует тем требованиям, которые предъявляются к ним, то возлагаемая на них ответственность, представляющаяся ответственностью без вины, является на самом деле ответственностью «за вину», поскольку они совершают действия, противоречащие нормативным актам или договорам. Ответственность, не зависящая от вины правонарушителя, возможна как в договорных, так и во внедоговорных отношениях.

Случай (казус) в гражданском праве представляет собой событие, которого могло бы не быть, но не было предотвращено ответственным за это в связи с тем, что его невозможно было предвидеть и предотвратить ввиду внезапности наступления.

Ответственность, не зависящая от вины, имеет границы и не означает безграничную ответственность причинителя вреда или убытков. Причинитель подлежит освобождению от ответственности за них при наличии умысла потерпевшего или действия непреодолимой силы.

Непреодолимую силу закон определяет как чрезвычайное и непредотвратимое при данных условиях обстоятельство; это событие, которое невозможно предотвратить имеющимися в данный момент средствами, даже если его и можно было бы предвидеть. Важно, однако, чтобы такое событие отвечало признакам непреодолимой силы, т.е. было не только объективно непредотвратимым в

конкретной ситуации, но и неожиданным (чрезвычайным). Ее не только невозможно предвидеть, но и невозможно предотвратить любыми доступными для лица средствами, даже тогда, когда лицо могло предвидеть действие непреодолимой силы. При причинении имущественного вреда непреодолимой силой в действиях привлекаемого к ответственности лица отсутствует вина, а поэтому и его ответственность в таких случаях исключается.

Для обеспечения повышенной охраны имущественных интересов потерпевших закон в порядке исключения устанавливает ответственность и за результат воздействия непреодолимой силы. Изготовитель (исполнитель) несет ответственность за вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу потерпевшего в связи с использованием материалов, оборудования, инструментов и иных средств, необходимых для производства товаров (выполнения работ, оказания услуг), независимо от того, позволял ли существующий уровень научно-технических знаний выявить их особые вредоносные свойства или нет. Следовательно, от ответственности за вред, причиненный потребителю такими техническими средствами, участник гражданского оборота не сможет освободиться.

Учитывая, что субъективным основанием гражданско-правовой ответственности может быть риск, т.е. осознание лицом, например владельцем источника повышенной опасности, возможности

наступления неблагоприятных имущественных последствий, т.е. риска собственных правомерных действий, в данном случае ответственность будет представлять собой ответственность без вины, хотя представляется оправданным риск рассматривать как минимальную степень вины. Учитывая то, что закон данные случаи относит к числу тех, за которые гражданско-правовая ответственность наступает, следует разделить позицию ученых, рассматривающих такую ответственность, как специально установленную гражданским законодательством, исходя из реализации компенсаторно-восстановительной функции имущественной ответственности. Это связано прежде всего с введением понятия предпринимательского риска и наступлением ответственности для субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, без вины. При этом представляется обоснованным закрепление в статье 537 кодекса нормы, в соответствии с которой производитель сельскохозяйственной продукции, не исполнивший обязательства либо ненадлежащим способом исполнивший обязательство, несет ответственность при наличии его вины. Данное исключение обосновано специфическим положением производителя сельскохозяйственной продукции, который при осуществлении своей деятельности подвергается дополнительным рискам. Таким образом, сокращение сферы применения принципа вины в гражданском праве представляется обоснованным.

Литература

1. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32.
3. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под ред. В.А. Белова. М.: Изд-во «Юрайт», 2014.
4. Гражданское право современной России. Очерки теории / под ред. Н.М. Коршунова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015.
5. Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву: теоретические проблемы. М., 1981.
6. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву. М., 2010.
7. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М., 1971.

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ В НАУЧНОМ ЖУРНАЛЕ «АЛТАЙСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК» ЗА 2016 ГОД

История государства и права

Аничкин Е.С., Коваленко К.Е. Развитие правового регулирования высшего образования России в постсоветский период (№ 4 (16), с. 7-11).

Антропов В.М. Правовое регулирование применения оружия полицией и жандармерией Российской империи в конце XIX – начале XX вв. (№ 1 (13), с. 7-11).

Иванов Д.В. Государственно-правовой подход к борьбе с преступностью на северо-западе РСФСР в 1920-1950-е гг.: история проблемы (№ 1 (13), с. 12-19).

Ильин В.Н., Маракулин Д.А. Государственно-правовое решение старообрядческого вопроса в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. (№ 3 (15), с. 7-11).

Кладова Н.В., Суверов Е.В. Карательные меры в отношении зажиточного крестьянства на Алтае (1925-1929 гг.) (№ 2 (14), с. 7-12).

Лоос Е.В. Организационно-правовые основы деятельности военно-полевых судов в Российской империи в период революции 1905-1907 гг. (№ 2 (14), с. 13-15).

Миронов Е.В. Штабные подразделения в органах внутренних дел Западной Сибири в 1960-1970-е гг.: организационно-правовой статус, общие закономерности развития и региональные особенности (№ 3 (15), с. 12-17).

Москвитин Ю.Н., Антропов В.М. Проблемы охраны общественного порядка в городах Алтайского округа Томской губернии во второй половине XIX – начале XX в. (№ 2 (14), с. 16-21).

Овчинникова О.Д., Анохин Ю.В. О понятии и признаках монархической формы правления (№ 3 (15), с. 18-22).

Поликарпов И.А. Правовые основы образования Восточно-Туркестанской Республики в 1944-1949 гг. (№ 2 (14), с. 22-25).

Семёнов В.В., Медведев И.В. Огневая и физическая подготовка в подразделениях советской милиции в 1946-1953 гг. (№ 4 (16), с. 12-15).

Старцев А.В., Сизова А.А. Реформа городского самоуправления и ее реализация в Алтайском (горном) округе во второй половине XIX – начале XX вв. (№ 1 (13), с. 20-26).

Тарасов Н.Г., Антропов В.М. Нормативно-правовые и организационные основы деятельности патрульно-постовой службы полиции (милиции)

в г. Барнауле в середине XVIII – начале XXI в. (№ 4 (16), с. 16-20).

Шатилов С.П. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с политическим бандализмом в годы Великой Отечественной войны (№ 2 (14), с. 26-28).

Шатилов С.П., Шатилова О.А. Деятельность правоохранительных органов по борьбе с дезертирством и уклонением от службы в Красной Армии в годы Великой Отечественной войны (№ 3 (15), с. 23-27).

Шатилов С.П. Организационно-структурные изменения органов прокуратуры и основные направления ее надзорной деятельности в годы Великой Отечественной войны (№ 1 (13), с. 27-31).

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

Абызова Е.Р. «Электронное государство» как институциональная основа правопорядка в информационном обществе (№ 1 (13), с. 32-36).

Анохин Ю.В., Дуров А.И. Гарантии прав человека как важнейший показатель законности (№ 1 (13), с. 37-42).

Анохина С.Ю., Логинова Т.Д. Информационная безопасность как основной элемент системы национальной безопасности (№ 4 (16), с. 21-25).

Бутусова Л.И. Характеристика и сущность киберпреступлений (№ 3 (15), с. 28-31).

Верхогляд Я.Е. Актуальные проблемы государственно-правовой политики в сфере противодействия экстремизму на федеральном и региональном уровнях нормотворчества (№ 1 (13), с. 43-47).

Ермакова Е.Г. Международная защита прав детей в контексте реализации Конвенции Совета Европы о контактах, связанных с детьми, 2003 г. (№ 4 (16), с. 26-28).

Зверев П.Г. Проблема борьбы с сомалийским пиратством (№ 4 (16), с. 29-33).

Зубкова В.С. Влияние принципа единства прав и обязанностей на развитие российского конституционализма (№ 3 (15), с. 32-35).

Казанцева О.Л. Местное самоуправление в России: курс на централизацию (№ 3 (15), с. 36-39).

Канакова А.Е. Свобода труда и право на труд в Конституции Российской Федерации: содержание и соотношение конституционных категорий (№ 2 (14), с. 29-33).

Кандрина Н.А. Зарубежный опыт предоставления государственных и муниципальных услуг в условиях современной России (№ 2 (14), с. 34-38).

Коновалова Л.Г. Противодействие коррупции и парламентаризм (№ 4 (16), с. 34-37).

Коннов В.А., Царев И.Н. Правовые аспекты международного сотрудничества в сфере противодействия правонарушениям на финансовых рынках (региональный уровень) (№ 2 (14), с. 39-44).

Лезьер В., Сумачев А.В. Формирование понятий преступления и наказания в русле сакрального (№ 3 (15), с. 40-46).

Мордовец А.С. Взаимосвязь нравственно-правовых категорий и принципов прав человека (на примере уважения и заботы) (№ 3 (15), с. 47-51).

Морозов В.А., Федулов Б.А., Чернов Ю.Н. Государственно-правовые аспекты формирования личностно-профессионального отношения сотрудника полиции к правоохранительной деятельности (№ 2 (14), с. 45-48).

Остапович И.Ю. Конституционный Суд Российской Федерации и единство судебной практики (№ 1 (13), с. 48-53).

Пожарский Д.В. Государство как объект правового просвещения (№ 4 (16), с. 38-41).

Тишков Д.С. Право каждого на труд: понятие и конституционно-правовое регулирование (№ 2 (14), с. 49-53).

Юнусов Э.А. Обязанности как способы обеспечения прав и свобод человека и гражданина (№ 3 (15), с. 52-56).

Юнусов М.А., Юнусов Э.А. Юридические обязанности как основание правового регулирования (№ 16, с. 42-45).

Административное право и административный процесс

Анисимов Р.Ю. О современных аспектах законодательного регулирования противодействия проявлениям экстремизма в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (№ 4 (16), с. 46-50).

Бачурин А.Г. Вопросы взаимодействия полиции, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и организаторов публичных мероприятий (№ 1 (13), с. 54-58).

Булавчик В.Г. Аспекты изучения общественного мнения о деятельности органов внутренних дел (№ 1 (13), с. 59-61).

Булатецкий С.И. Проблемы реагирования полиции на заявления (сообщения) граждан о механических повреждениях автомашин при наступлении страхового случая, не связанного с правонарушением (№ 3 (15), с. 57-60).

Варячева Т.В. Правовые основы становления Евразийского экономического союза (№ 4 (16), с. 51-53).

Васильев Ф.П. Изучение предмета «Правоведение» и необходимость его совершенствования (административно-правовое регулирование) (№ 4 (16), с. 54-58).

Васильев Ф.П. О необходимости совершенствования вопросов обеспечения транспортной безопасности и образования в России (№ 3 (15), с. 61-67).

Вершило Т.А. Бюджетное устройство Российской Федерации – базовая категория бюджетного права (№ 3 (15), с. 68-71).

Гайдуков А.А. Взаимодействие органов внутренних дел и товарищеских судов по предупреждению правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: историко-правовой аспект (№ 2 (14), с. 54-61).

Головкин В.В., Майоров В.И. Правонарушение как фактическое основание административной ответственности (№ 2 (14), с. 62-66).

Гришаков А.Г., Прибытко Ю.А. Неразглашение сведений, составляющих государственную и иную охраняемую законом тайну, а также сведений, касающихся частной жизни граждан или затрагивающих их честь и достоинство, как обязанность участковых уполномоченных полиции (№ 1 (13), с. 62-65).

Куртяк И.В., Малышев Е.А. Нормотворческие права и обязанности МВД России: анализ и перспективы совершенствования (№ 3 (15), с. 72-76).

Макеева И.А. Российский и зарубежный опыт налогового консультирования (№ 4 (16), с. 59-61).

Никонова Ю.Ш. Административные процедуры в контрольно-надзорной деятельности Госавтоинспекции (№ 3 (15), с. 77-81).

Равнюшкин А.В., Щеглов А.И. О проблемах реализации участковыми уполномоченными полиции обязанностей по выявлению притонов для незаконного потребления наркотических средств (№ 1 (13), с. 66-69).

Раживина И.В. Отбор и изучение кандидатов, поступающих на службу в органы внутренних дел (№ 4 (16), с. 62-66).

Репьев А.Г. Правовые запреты и ограничения в отношении несовершеннолетних, помещаемых в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: от теории к практике (№ 2 (14), с. 67-71).

Ускова А.С., Столярова З.Н. Об основных принципах информационного обеспечения деятельности Федеральной миграционной службы (№ 2 (14), с. 72-75).

Фарафонова М.В. Предписание как мера обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (№ 2 (14), с. 76-79).

Фарафонова М.В. О влиянии криминализации (декриминализации) уголовных деяний на административные наказания (№ 3 (15), с. 85-86).

**Уголовное право, криминология,
уголовно-исполнительное право**

Андрюшенков В.А. Ответственность за организацию незаконной миграции в нормах зарубежного уголовного законодательства (№ 2 (14), с. 80-86).

Антипов А.Н. Условно-досрочное освобождение: путь ресоциализации или угроза безопасности (№ 2 (14), с. 87-93).

Бойцова Ж.А. К вопросу о юридической оценке преступления, предусмотренного ст. 327 УК РФ, совершенного в соучастии (№ 4 (16), с. 67-70).

Борисов С.В., Чугунов А.А. Государственная измена и шпионаж как одни из наиболее опасных преступлений против безопасности Российской Федерации (№ 3 (15), с. 87-93).

Бугера Н.Н., Штаб О.Н. Сравнительный анализ уголовных наказаний в виде обязательных, исправительных и принудительных работ: общие и отличительные признаки (№ 3 (15), с. 94-98).

Галахов С.С. К вопросу о понятии криминологического предупреждения экстремизма, противодействия экстремистской деятельности (№ 1 (13), с. 70-76).

Геворкян А.М. Спорные вопросы, относящиеся к совокупности преступлений в свете изменения и дополнения уголовного закона (№ 1 (13), с. 77-82).

Гребнева Н.Н. Проблемы противодействия проникновению запрещенных предметов в учреждения исполнения наказания (№ 3 (15), с. 99-102).

Громов В.Г., Минкина Н.И. Принципы медиации в исправительных учреждениях (№ 2 (14), с. 94-97).

Западнава Ю.А. К вопросу о генезисе законодательства об охране прав несовершеннолетних от преступных посягательств (№ 4 (16), с. 71-77).

Иванова О.М. Реформы российского уголовного законодательства в сфере преступлений против собственности в конце XX в. (№ 3 (15), с. 103-107).

Карданов Р.Р. Похищение человека и захват заложника – соотношение составов, особенности квалификации (№ 2 (14), с. 98-101).

Николаев К.Д., Косьяненко Е.В. Регламентация конфискации имущества в уголовном законодательстве России: Соборное уложение 1649 г. и Артикул воинский 1715 г. с кратким толкованием (№ 3 (15), с. 108-111).

Плаксина Т.А. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (№ 4 (16), с. 78-82).

Савушкин С.М. Некоторые проблемы классификации осужденных к лишению свободы в зависимости от степени их исправления (№ 1 (13), с. 83-86).

Тулегенов В.В. Некоторые особенности методики анализа криминального профессионализма лиц,

совершивших преступление в составе организованной группы (№ 4 (16), с. 83-87).

Шаганова О.М. Зарубежное уголовное законодательство об ответственности за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (№ 16, с. 88-91).

Яковлева Е.А. Квалификация приобретения поддельного официального документа (№ 13, с. 87-89).

**Уголовный процесс, криминалистика,
судебная экспертиза, оперативно-разыскная
деятельность**

Арсенова Н.В., Козлов В.В. О необходимости вынесения постановления о возбуждении уголовного дела при обнаружении в ходе расследования нового преступления (№ 3 (15), с. 112-117).

Гармаев Ю.П., Чумакова Л.П., Ким Д.В. Ежегодный Международный кинофестиваль студенческих фильмов по криминалистике «Золотой след»: отзывы и перспективы (№ 4 (16), с. 92-97).

Григорьев В.Н., Терехов А.Ю. Уголовное производство как средство защиты прав граждан: конституционные основы и правовой механизм реализации (№ 3 (15), с. 118-124).

Давыдов С.И., Пашаева Э.Х. О судебной практике, связанной с оценкой результатов повторных проверочных закупок при принятии процессуальных решений по делам о незаконном сбыте наркотических средств (№ 1 (13), с. 90-95).

Карнаухова О.Г. Взаимосвязь объекта и субъекта противодействия расследованию (№ 4 (16), с. 98-100).

Ким Д.В. Следственная ситуация как поисково-познавательная система в криминалистике (№ 3 (15), с. 125-129).

Кузнецова С.М. Субъекты контроля (надзора) за исполнением представления следователя по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления (№ 1 (13), с. 96-99).

Кулешов Р.В. Когнитивно-тактический потенциал судебных экспертиз при расследовании преступлений экстремистско-террористической направленности и вопросы их систематизации (№ 4 (16), с. 101-105).

Машлякевич В.А. К вопросу о структуре и содержании криминалистической характеристики мошенничеств, совершаемых с использованием средств телефонной связи (№ 2 (14), с. 102-106).

Лукиянова А.А. Исторический аспект возникновения задержания как меры принуждения в российском праве (№ 1 (13), с. 100-104).

Михайлов Б.П., Пантюхин К.Ю., Таиров А.В. Взгляд на некоторые актуальные проблемы оперативно-разыскного противодействия современ-

ной экономической организованной преступности (№ 4 (16), с. 106-112).

Михалева Д.А. Особенности этапа предварительной проверки материалов по фактам фиктивной постановки на учет иностранного гражданина или лица без гражданства по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации (№ 1 (13), с. 105-109).

Петухов Е.Н. Умножение обязанностей иных участников уголовного судопроизводства и их законодательное закрепление (№ 2 (14), с. 107-109).

Попова Е.И., Вдовин А.Н. Особенности подготовки государственного обвинителя к судебному разбирательству по уголовным делам о незаконном обороте оружия и боеприпасов, назначенным к разбирательству судом в особом порядке (гл. 40 УПК РФ) (№ 2 (14), с. 110-113).

Торовков А.А. Некоторые особенности судебного производства по уголовным делам, расследуемым в сокращенной форме дознания (№ 3 (15), с. 130-133).

Федорович Д.Ю. Организационные аспекты взаимодействия следователя с органом дознания при раскрытии и расследовании конвенционных преступлений, посягающих на свободу личности (№ 4 (16), с. 113-118).

Черепанова Л.В. Определение места производства предварительного расследования по уголовным делам о хищениях денежных средств, совершаемых в сфере компьютерной информации (№ 3 (15), с. 134-138).

Чечетин А.Е. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией (№ 2 (14), с. 114-118).

Гражданско-правовые отношения

Ананьева А.А. Договор о предоставлении услуг по оперативному управлению платными автомобильными дорогами (№ 3 (15), с. 139-144).

Годдард И.А. Трансграничные ЕРС/ЕРСМ-контракты как средство договорного регулирования трансграничной строительной деятельности (№ 1 (13), с. 110-117).

Головизнин А.В., Воропаев С.А. Лес как объект противоправных посягательств: гражданско-правовые и уголовно-правовые аспекты (№ 2 (14), с. 119-125).

Карпычев М.В., Рачёнова О.Н. Согласование как элемент договорно-правовой работы в органах

внутренних дел Российской Федерации (№ 3 (15), с. 145,148).

Коршунова О.Н., Мельникова М.Б. Вопросы надзора за соблюдением ограничений и запретов, возникающих в отношении граждан, лишенных родительских прав (№ 4 (16), с. 119-122).

Косенко Е.В. Меры ответственности как разновидность ограничений правовой формы деятельности в семейном праве (№ 3 (15), с. 149-153).

Мазурин В.В. Некоторые аспекты правового регулирования деятельности государственных коммерческих организаций: на стыке финансового и гражданского права (№ 4 (16), с. 123-1269).

Процалыгин Р.А., Странцов А.А. К вопросу о признаках недобросовестной рекламы как формы злоупотребления правом (№ 3 (15), с. 154-157).

Процалыгин Р.А. Содержание правосубъектности народных дружин, общественных объединений правоохранительной направленности и их участников как субъектов охраны общественного порядка (№ 4 (16), с. 127-133).

Тумаков А.В. Правовые проблемы соотношения категорий «реорганизация» и «поглощение» акционерных обществ (№ 2 (14), с. 126-129).

Холодкова Ю.С. Правовая природа объекта концессионных соглашений (№ 2 (14), с. 130-136).

Хужин А.М., Чесноков А.А. К вопросу о совершенствовании процедуры наблюдения в конкурсном праве в части противодействия необоснованным банкротствам (№ 2 (14), с. 137-142).

Хужин А.М., Чесноков А.А. Некоторые вопросы совершенствования законодательства в сфере противодействия правонарушениям со стороны арбитражного управляющего и иных лиц, участвующих в деле о банкротстве (№ 3 (15), с. 158-162).

Хужин А.М., Ершов Н.Н. Общая теория цивилистики как перспективное научное направление (№ 1 (13), с. 118-121).

Черепанова О.С. Возмещение и компенсация вреда, причиненного правомерными действиями правоохранительных органов (№ 1 (13), с. 122-126).

Чесная П.В. К вопросу о правовой природе недействительных контрактов (№ 2 (14), с. 143-147).

Шухарева А.В. Институт недействительности решений собраний: общетеоретический аспект (№ 13, с. 127-130).

Лицензионный договор № _____
о предоставлении права на использование материалов
(неисключительная лицензия)

г. Барнаул

« ____ » _____ 201 г.

Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Барнаульский юридический институт МВД России», именуемое в дальнейшем «Издатель», в лице начальника института _____, действующего на основании Устава, с одной стороны, и _____, именуемый в дальнейшем «Автор», с другой стороны, именуемые в дальнейшем «Сторона / Стороны», заключили настоящий договор о нижеследующем.

1. По настоящему договору Автор на безвозмездной основе обязуется предоставить Издателю неисключительные права на использование статьи

(наименование, характеристика передаваемых Издателю материалов)

именуемой в дальнейшем «Произведение», в обусловленных договором пределах и на определенный договором срок.

1.1. Автор гарантирует, что он обладает исключительными авторскими правами на передаваемое Издателю Произведение.

1.2. Автор гарантирует, что Произведение, права на использование которого переданы Издателю по настоящему Договору, является оригинальным произведением Автора.

1.3. Автор гарантирует, что данное Произведение никому ранее официально (т.е. по формально заключенному договору) не передавалось для воспроизведения и иного использования.

2. Автор предоставляет Издателю на весь срок действия исключительных прав на Произведение:

2.1. Право на воспроизведение Произведения (опубликование, обнародование, дублирование, тиражирование или иное размножение Произведения) без ограничения тиража экземпляров. При этом каждый экземпляр Произведения должен содержать имя автора Произведения.

2.2. Право на распространение Произведения любым способом.

2.3. Право на внесение изменений в Произведение (редакционную правку), не представляющих собой его переработку.

2.4. Право на использование метаданных (название, имя Автора, аннотации, библиографические материалы и пр.) Произведения путем распространения и доведения до всеобщего сведения, обработки и систематизации, а также включения в различные базы данных и информационные системы.

2.5. Право на доведение до всеобщего сведения.

2.6. Право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения.

2.7. Автор также предоставляет Издателю право хранения и обработки следующих своих персональных данных без ограничения по сроку:

- фамилия, имя, отчество;
- сведения об ученой степени;
- сведения об ученом звании;
- сведения о месте работы и занимаемой должности;
- контактная информация.

Персональные данные предоставляются для их хранения и обработки в различных базах данных и информационных системах, включения их в аналитические и статистические отчетности, создания обоснованных взаимосвязей объектов произведений науки, литературы и искусства с персональными данными и т.п.

3. Дата подписания Договора Сторонами является моментом передачи Издателю прав, указанных в настоящем Договоре.

4. Издатель обязуется соблюдать предусмотренные действующим законодательством авторские права, права Автора, а также осуществлять их защиту и принимать все возможные меры для предупреждения нарушения авторских прав третьими лицами.

5. Условия настоящего Договора и дополнительных соглашений к нему конфиденциальны и не подлежат разглашению.

6. Автор и Издатель несут в соответствии с действующим законодательством РФ юридическую ответственность за неисполнение или ненадлежащее исполнение своих обязательств по настоящему Договору.

6.1. Сторона, ненадлежащим образом исполнившая или не исполнившая свои обязанности по настоящему Договору, обязана возместить причиненный реальный ущерб.

7. Территория, на которой допускается использование прав на Произведение, не ограничена.

8. Все споры по Договору подлежат урегулированию путем переговоров, а в случае недостижения согласия в течение 30 рабочих дней споры подлежат разрешению в суде в соответствии с действующим законодательством РФ.

9. Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания обеими Сторонами настоящего Договора и действует бессрочно.

10. Расторжение настоящего Договора возможно в любое время по обоюдному согласию Сторон с обязательным подписанием Сторонами соответствующего соглашения об этом.

11. Настоящий Договор составлен в двух экземплярах, имеющих одинаковое содержание и равную юридическую силу, по одному для каждой из Сторон.

12. Реквизиты Сторон:

Издатель

Автор

Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего
образования «Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской
Федерации»
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ФИО
Адрес
Паспортные данные

Дата рождения

НАЧАЛЬНИК

_____/_____/_____
м.п.

_____/_____/_____
